

Влад Поляков

КОНФЕДЕРАТ

Конфедерат

Ветер с юга

Рождение нации

Военная фантастика
коллекция

Влад Поляков
Конфедерат. Ветер с
юга. Рождение нации
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69906097
ISBN 978-5-17-152811-9

Аннотация

Разгоревшаяся война Севера и Юга... И попавший в эту эпоху русский человек, вставший на сторону Конфедерации, прикладывающий все силы для сокрушения северян. Почему? Да потому, что он помнит родной XXI век и ту необъятную власть, которую захватили финансовые транснациональные корпорации. Потому что понимает ненависть стоящих за спиной президента Линкольна к южанам, к Конфедерации. Ибо ничего так не боятся банкиры, как победы тех, которые их считают теми, кем они являются на самом деле – то есть обычными дешевыми ростовщиками, которых и на порог-то пускать неприлично.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Конфедерат	6
Пролог	7
Глава 1	58
Глава 2	83
Глава 3	112
Глава 4	139
Глава 5	164
Глава 6	182
Глава 7	198
Глава 8	208
Глава 9	235
Глава 10	258
Глава 11	283
Глава 12	301
Глава 13	324
Глава 14	347
Конец ознакомительного фрагмента.	352

Влад Поляков
Конфедерат
Ветер с юга
Рождение нации
Сборник

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

© Влад Поляков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Военная фантастика

Конфедерат

Здесь за деньги снимают боль,
Выкупают любовь и стыд,
И на каждого будет роль —
Кто слезами, кто кровью умыт.
Здесь на каждого свой туман,
Злые грезы и просто рай.
Каждый верит своим богам,
А по сути бежит на край.

Здесь из веры куют гроши,
Здесь заплеванных душ приют,
Что из окон идут в тиши,
Кто в последний, кто в первый путь.
Здесь сжигают себя дотла,
Чтоб хоть миг, но побыть огнем.
И влюбляются в зеркала,
Чтоб исчезнуть в них ясным днем.

Здесь в бессмысленном ищут суть.
Здесь истоки покрыты мхом.
Здесь так сложно найти свой путь
И так просто упасть на дно.

Маврик. Здесь и сейчас

Пролог

Неизвестно где

Сны бывают разные. Иногда они фантаσμαгоричны, тогда сразу понятно, что ты спишь. Порой сновидения пахивают откровенным бредом, от которого хочется или ржать, как лошадь, или откровенно плевать. Иногда они приятные и сложнозапоминаемые. Зато иногда их почти не отличить от реальности. Бывает, вскинешься посреди ночи и долго таращишься в полумрак, пытаясь осознать, что это был всего лишь сон.

Вот так и в этот раз...

* * *

– Мы тебя достанем, сраный «снежок»! – истерический визг раздается почти сразу. – Ты отсюда не уйдешь, сейчас я звоню по телефону, и «праведники» выбьют все дерьмо из твоей белой задницы. Я тебе лично собачий хрен в жопу вставлю! И сучку сейчас твою пристрелю!

– Ты ж ей вставить грозился? – отвечаю, сам прикидывая, откуда именно раздается голос. Точнее то, за какой именно из мусорных куч расположился говорливый ушлепок. – Или предпочитаешь трахать мертвую, а на живую

не встает?

Брань в ответ, только вот английский бедноват на выражения, а чтобы сплести из обычных слов нечто унижительное ... Помилуй боги, так для этого умение надобно и хоть немного мозга. А он у этих недоделков только спинной, по моему глубокому убеждению.

Три выстрела подряд, каждый раз сдвигая прицел чуть в сторону. И сдавленное бульканье, едва различимое на расстоянии. Попал ... Что тут сказать, бандюк не понял простую истину – если ты укрывся от взгляда врага, это еще не значит, что укрытие защитит тебя от его пули. А бытовой мусор, он свойствами брони не обладает.

Четыре в минус, остался последний. Значит ... Подозрительный звук с тыла. Поворачиваюсь, и прежде чем мозг успевает осознать переданную глазами информацию, тело уже действует. Выстрел, еще ... И рывок вперед, на сокращение дистанции, потому как барабан уже во второй раз опустел.

Трое ... На шум приперлись трое. Те же банданы. Значит, «праведники», та же самая банда. Неудивительно, если это их территория. Просто занесло на звуки выстрелов, проверить, что да как. И двоих я снял или наглухо, или просто ранил – это не суть. Главное, что иного варианта не было. Промедлил бы чуток – меня бы изрешетили с трех стволов. Тут бандиты пустыми не ходят, все при оружии.

У последнего стоящего на ногах негра глаза стали ... как

у героев японских мультиков: большие, круглые, удивленные. Вот-вот наружу погулять выйдут. Но ударил я стволом в шею. Тычком, дробя в кашу кадык. Пустой револьвер падает вниз. Времени на перезарядку нет. И сразу подхватить pistolет! Даже не успеваю понять, какой именно марки. Рука на автомате сдвигает флажок предохранителя, на всякий случай передергиваю затвор ... ну да, патрона в стволе не было! Два выстрела, по одному на брата, для добивания подранков. Оба были еще живы и опасны ...

Удар. В спину, как будто кувалдой. С трудом удерживаюсь на ногах, пытаюсь развернуться, но второй удар ... Бросает на землю, в голове все мутится, приходит боль. БОЛЬ! Медленно текут секунды. И чувствую, как сердце, вместо того чтобы гнать кровь по телу, еще и выплескивает ее под давлением наружу.

Подстрелили ... Глупо. Сквозь туман вижу, как из-за укрытия выходит тот самый, последний из первоначальной пятерки. И идет в сторону девушки, которая только сейчас начала выходить из состояния шока. Кричит что-то непонятное, никак не складывающееся в слова ... Нет, это только я ничего не понимаю.

Снова понимаю ... Просит, чтобы ее не трогали! Глупая ... Таких как ты как раз и трогают. Чтобы НЕ трогали, надо уметь стрелять в тех, кто захочет сделать что-то плохое. Она же этого не умеет. Слабая ... Не ее вина. Мысли опять путаются.

Уметь стрелять. Я вот умею ... И в руке пистолет. Только рука никак не хочет работать. Почему? Ранен ... Но если мысли еще ворочаются в голове, то не убит! Древние что-то там говорили ... Разум двигает материю! А я материя или разум? Наверное, все же разум, потому что материи больно. Мне уже нет ...

Плевать! Зато могу стрелять, рука снова двигается. Медленно, с огромными усилиями поднимаю руку, прицеливаюсь ... Сложно разглядеть мушку. Навою по линии ствола, хорошо хоть расстояние позволяет. Нажать на спуск. Отдача выбивает пистолет из руки, рука снова падает. Но я попал ... Попал! Из головы негра в бандане выплескивается что-то не то красное, не то серое. Не вижу. Устал ... Как же все глупо. Был бы шанс снова ... начать снова. И отомстить! Кому? Кто допустил, чтобы такая глупая и нелепая ситуация вообще могла возникнуть ... Неважно. Главное – месть. Спать ... Темнота.

*** * ***

Сон, всего лишь сон. Но зато какой реальный! Такого еще со мной не случалось. А сейчас... Здравствуй, незнакомый потолок! Именно эта фраза чуть было не вырвалась, когда я с большим трудом разлепил глаза и увидел его. Его – это тот самый потолок. Причем не то что незнакомый, но еще и абсолютно чужеродный. Ни тебе потолочной плитки, ни обоев,

ни даже простецкой побелки. Дерево, причем явно выполненное «под старину». Не совсем, конечно, но века эдак девятнадцатого, как я понимаю своим отнюдь не увлеченным антиквариатом разумом.

Смотрю в потолок и пытаюсь пошевелиться. Хотя бы немного, но пока не получается. Равно как и вытолкнуть из глотки хотя бы нечленораздельный возглас, не говоря уже о паре-тройке слов. Без толку!

И волна паники... Тяжелой, накрывающей с головой. Потому как оказаться в беспомощном состоянии – это хуже всего, даже сколько угодно мучительной смерти. Ведь смерть – это конец, а подобное состояние сравнимо разве что с бесконечным ужасом.

Слава всем богам, что паника оказалась напрасной. Сказать я по-прежнему ничего не мог, но зато почувствовал сначала руки, потом ноги, а затем и остальное тело. Мало того, даже удалось пошевелиться. Пока стали действовать всего лишь пальцы рук, но и это было воспринято как позитив. Да и само тело, оно... словно бы просто затекло и сейчас возвращалось к норме. Ага, вот и мурашки побежали, и заняли все до единой мышцы. Выходит, и впрямь просто как-то неудачно во сне повернулся или еще что, вот тело и занемело. Так что отставить панику! Полежу еще немного, все пройдет. После чего встану и хотя бы пойму, где нахожусь.

Начинаю осторожно двигать руками и ногами, прямо на глазах возвращающимися в нормальное состояние. Чуток

приподнимаюсь, автоматически бросаю взгляд на окружающее и...

Нет, это что-то откровенно непонятное! Такое впечатление, что я попал в гости к абсолютно повернутым на прошлом реконструкторам. Ухитрившимся не только обставить комнаты в стиле примерно середины XIX века, но еще и меня за каким-то чертом переодеть в штаны на завязках и что-то вроде рубахи той же эпохи.

Возникает вполне правомерный вопрос: «Кому за такое безобразие морду бить?» Благо это я делать не просто умею, но и обладаю неслабым таким опытом, да еще довольно постоянным. Ага, постоянным. Несмотря на то что мне уже под тридцатник. Жизнь просто вокруг слишком беспокойная. Вот только недавно во время командировки в США пришлось...

Проклятье! Накативший приступ дикой головной боли заставил обхватить голову руками и стиснуть зубы. Лишь бы не заорать. Невместно как-то, чай, не девушка и не маменькин сынок! Но как же больно, с-сука!

Боль стучала в виски тяжелыми молотами, буравила череп изнутри и словно бы пыталась распилить голову тупой пилой. Но вместе с тем боль сносила невидимые преграды, заставляя меня... вспомнить. Вспомнить все, что случилось совсем-совсем недавно. То самое, что еще недавно считал неотличимым от реальности сном. В той самой Америке, куда меня на свою беду и занесло...

Россия, США, май 2016 года

Детройт – сейчас это просто руины некогда примечательного и мощного флагмана автомобильной и прочей промышленности Америки. Честно признаюсь, что никакой особой да и вообще симпатии к американцам сроду не испытывал, но видеть то, до чего можно довести некогда процветающий город, было печально. Заодно с печалью было четкое понимание, что это лишь начало... начало конца. Следом за Детройтом отправятся и другие города, причем не из маленьких, а вполне себе солидные. Многие города, в некоторых из коих уже чувствуется затхлый ветер разложения, а в других его миазмы может различить только понимающий причины творящегося человек. Самое же тревожащее – это то, что бацилла упадка и развала не ограничивается этой страной, она уже давно перескочила в другие места, в том числе и мои родные. Невидимая, никакими врачами не диагностируемая, потому как к медицине отношения не имеет.

Да... Тоскливо, печально, но вместе с тем понимаю, что для «раскрытия глаз» на это безобразие нормальным людям нужно очень чувствительно приложить по голове. Пусть в переносном смысле слова, но от всей души! К примеру, тот самый новогодний беспредел в одном германском городе с полной, тотальной импотенцией полиции и вообще власть имущих. Хотя нет, импотенция – это когда хочется, да не может. Здесь же скорее извращенный мазохизм или склон-

ность к саморазрушению. Мда, печаль и ужас.

Впрочем, возвращаясь к Детройту и моим причинам появления здесь. Одна из серьезных организаций, занимающаяся, помимо прочего, еще и стратегическим планированием, всерьез занялась моделированием перспективы дальнейшего развития американских городов в ближайшее десятилетие. Особенно их беспокоил тот самый упадок.

При чем здесь я? Аналитика – этим словом все сказано. Я составлял довольно неплохие аналитические прогнозы, не обращая внимания на то, как именно будут звучать выводы, не кастрируя их в угоду всяческих толерастий и политических конъюнктур. Многих это откровенно бесило, однако меньшая часть по достоинству оценивала и соответственно платила. На жизнь хватало... хорошую жизнь.

И вот последовал тот самый заказ. Особо сильного отторжения клиент в лице корпорации не вызывал, тема была из тех, в которых я ориентировался, задаток... тоже порадовал количеством нулей. Можно было начинать.

Я и начал. За неделю был составлен набросок аналитической записки, после чего и отправлен на известный электронный адрес. Звонок тому человеку, который контактил со мной. Подтверждение о получении наброска. Все было как всегда... до определенного момента. Уже на следующий день мне позвонили и уже знакомый голос, говорящий по-русски с небольшим акцентом, сообщил, что набросок произвел впечатление, но требуется кое-что еще. «Еще» заключалось

в том, чтобы побывать на местах и, возможно, внести определенные коррективы.

Это было что-то новое. Естественно, я поинтересовался, какая, к ангельской матери, разница, руководствуясь я документами и видео, в том числе самым что ни на есть свежим с «ютуба», или сам топаю по улочкам американских городов? Тем паче что не испытываю никакого желания к дальним перелетам вообще и в США в частности?

Представитель заказчика сперва вилял, не желая отвечать по существу, но потом все-таки сдался, со вздохом проговорив следующее:

– Ваша аналитическая записка, ее черновик, логически обоснована и дает подробное представление о дальнейшем развитии городов США... Знаете, после прочитанного ни о каком развитии говорить не приходится. Анализ пророчит упадок и деградацию. Но указанные причины... Это, знаете ли...

– Такова истина, – хмыкнул я, ничуть не удивившись словам говорившего со мной. Как-никак реакцию среднестатистического американца на изложенное в аналитической записке предсказать было несложно. – Я предлагаю именно анализ, а не взгляд через розовые очки гуманизма и наркотические грезы толерантности. И он ясно показывает, что все города США, в которых цветное население превалирует над белым, либо уже в полной жопе, либо идут в нее верной дорогой, никуда не сворачивая. Как наиболее яркий пример

мной приведен Детройт. Приложена компьютерная программа, моделирующая дальнейшее развитие ситуации в тех или иных условиях. Достаточно лишь задать определенные параметры и...

— О, я не ставлю под сомнение ваш профессионализм, мистер Доронин! — в голосе послышались виноватые нотки. — Ваши прогнозы оказываются верными с достаточно высокой вероятностью, не уступающей, а местами и превосходящей конкурентов...

Ну все, замолочила молотилка! Поморщившись, я поспешил прервать поток словесной шелухи, которую извергал голос с той стороны трубки.

— Свои плюсы и минусы я и так знаю. В чем проблема-то?

— Политика, мистер Доронин. Председатель совета директоров корпорации, решивший поручить работу именно вам, вынужден считаться с пожеланиями крупных акционеров, обладающих правом голоса...

— Пока еще не понял суть проблемы, из-за которой я должен отрывать задницу от дивана, лишать себя приятного общества друзей и девушек и лететь в плохо переносимое мной место... В вашу страну. А хотите разорвать контракт... Да на здоровье! Платите неустойку и идите целоваться взасос с акционерами, озабоченными излишней толерантностью. Да хоть групповую черно-бело-желтую камасутру устраивайте!

Из динамика мобильного донеслось сдавленное хрюканье, больше всего похожее на пресекаемый волевыми усили-

ями смех. Никак американец с еще не до конца атрофированным чувством юмора попался? Надо же.

– Простите, мистер Доронин... У меня богатая фантазия.

– Я так и понял. И даже где-то рад, что среди жителей вашей страны еще не полностью вымерли те, кто способен смеяться над толерантными потугами.

– Вы русский, вам не понять... – тяжелый вздох, длинная пауза. – У нас даже за произнесенное «негр» вместо «афро-американец» можно во многих местах получить много проблем. Мне повезло, что мистер Ричардс, глава корпорации, родом из Джорджии. Вы понимаете меня?

– Конечно. Рад, что кровь плантаторов еще не совсем распустилась. Думаю, что предки вашего босса участвовали в войне Севера и Юга на ПРАВИЛЬНОЙ стороне. Правильной и ни в одном месте не толерантной.

Теперь уже не скрытый смешок. И чувствую, что этот самый до сего момента безликий представитель заказчика начинает лично для меня приобретать определенную индивидуальность.

– Сторона была именно той, на которую вы намекнули. Но акционеры... Иногда их не выбирают, они приходят сами. Деньги, мистер Доронин, они правят моей страной. И кое-кто хочет убедиться, что ваши выводы не выстроены на эмоциях, а факты и доказательства не подогнаны.

– Даже интересно, как они собираются это проверять!

– Вы использовали Детройт как самый яркий пример из

всех городов.

– Из всех в США, – ухмыльнулся я поневоле. Ведь было ясно, что глумливая гримаса, отражающаяся сейчас на моем лице, собеседнику не видна. Не по скайпу же общаемся. – Есть, в качестве наглядных примеров, еще города в ЮАР, а особенно наглядные прелести распада можно наблюдать в Родезии.

– Родезии?

– Сейчас эта страна называется Зимбабве. Переименовали после того, как там не осталось белых. Имя Сесилия Родса, по сути основателя страны, там с некоторых пор не в чести.

Молчание. Гробовое... Ясно было, что у моего собеседника присутствовали определенные пробелы в образовании. Ничего удивительного, ведь американская система получения знаний в настоящее время глубоко ущербна. Крайне узкая специализация и соответственно отсутствие широкого кругозора. Выхолощенные или искаженные представления о мире вокруг. Все как и планировалось теми, кто эту программу создавал, но со стороны то смех, то отвращение вызывает. А иногда и легкое сочувствие. Все же когда-то там жили пусть и не самые лучшие, но вполне вменяемые люди. Вот только именно что «жили», сейчас их число падает в геометрической прогрессии. Как и во многих других местах. Печаль...

Собеседник еще не до конца отмер, поэтому я решил продолжить разговор сам.

– Однако я полагаю, что подробное изучение городов Зимбабве не входит в интересы особо любопытных акционеров корпорации. Хотя я бы с удовольствием отправил их набираться опыта, в командировку. Да еще вне центра тамошней столицы. Их бы там либо просто съели, либо разрезали на кусочки, перед этим воздав должное такому несомненно полезному взгляду на жизнь, где преобладают гуманизм и толерантность.

Я откровенно глумился, спору нет. Только не над собеседником, а над теми, кто, понимаешь ли, сомневался в моих аналитических способностях, причем не приводя разумных аргументов.

Только в ответ мне было сказано нечто куда менее экстремальное, но все же вызывающее невольное уважение к тому, кто это придумал.

– Именно поэтому, мистер Доронин, мой босс, мистер Ричардс, и желает, чтобы вы лично посетили Детройт. Не один, а в сопровождении одного или двух доверенных представителей тех самых акционеров, которые выразили сомнение. Покажите им факты, удостоверяющие сделанные вами выводы. Пусть увидят... И заткнут свои языки в обосранные задницы! Мы вам заплатим большие премиальные.

А что... Это может быть действительно интересным. Немного подумав, я согласился. Дальше все развивалось стремительно. Уже на следующий день мне прямо на дом доставили билет с открытой датой. Первый класс, что и неуди-

вительно, учитывая заинтересованность корпорации в моих услугах. И настоятельная просьба не затягивать с вылетом.

Ладно, если меня просят, да еще и вежливо, грех не уважить. Тем более учитывая тот факт, что за возможность постебаться над больными «толерастией личности» в терминальной фазе еще и хорошо заплатят. Помимо уже оговоренного в контракте.

Перелет был... обычным. То есть, как и в других случаях полета, у меня было редкое в своей отвратительности настроение. Вовсе не по причине плохого самочувствия в воздухе, как можно было бы подумать. О нет, физически я чувствовал себя просто превосходно. Бесило другое – то, что во время перелета от меня ни черта не зависело и, случись что, шансов уцелеть просто не было.

Впрочем, все прошло без осложнений, даже разносящие напитки и закуски стюардессы были и красивые, и в моем вкусе. Не то чтобы я собирался кого-то из них соблазнять, но пара-тройка комплиментов и милые улыбки в ответ – это довольно приятно и помогает скрасить проведенное в воздухе время.

И сразу по приземлении началось! Меня встретили, заселили в гостиницу, но честно предупредили, что отдохнуть удастся лишь несколько часов. Затем возвращение в аэропорт и посадка уже на один из принадлежащих корпорации самолетов. Компанию же мне будут составлять двое из тех, кому я и должен буду показать факты. Те самые, на которые

я ссылался в своей аналитической записке.

Беспокойство? Ага, прямо щаз! В гостиничном номере я просто отсыпался. В воздухе этого у меня сроду не получалось. Максимум – легкая дрема, да и то постоянно прерываемая бунтующим против нахождения в воздухе подсознанием. Зато на мягкой кровати в люксовом номере – совсем другое дело.

Гр-р! Ненавижу просыпаться от будильника. Но еще больше раздражает, когда из объятий сна тебя грубо вырывают стуком в дверь. Причем будит тебя не очаровательная горничная с третьим-пятым номером бюста, а азиатская, скорее всего китайская, морда, заявляющая, что я должен уже через пятнадцать минут быть на выходе из отеля, где меня ждет автомобиль. С трудом удержавшись от комментария, что я вообще-то никому ничего не должен, а уж ему и подавно, ограничился лишь тем, что кивнул в знак понимания и закрыл дверь.

Собаться – дело нехитрое. Особенно если лишним да и вообще сколь-либо объемным багажом не обременен. Спуститься по лестнице, игнорируя лифт, выйти на улицу... Хм, некисло! Не говорю про обычное такси, его я увидеть и не ожидал, но авто представительского класса – это серьезно. Хотя, учитывая оплаченный люкс в гостинице, удивляться тут нечему. Мелочь, а все равно приятно, показывает отношение к специалисту. Ведь именно из таких вот мелочей и складывается общее впечатление.

Вот только я уверен, что помимо плюсов, я и минусов нахлебаюсь. В частности, от того или тех, кого придется сопровождать в поездке по Детройту. Постебаться над ним или ними – это одно. Зато выдерживать общество подобных персонажей – совсем другое. Э-эх! Ну да попала собака в колесо – пищи, но беги.

Дорога до аэропорта ничем не запомнилась. Обычная поездка, а глазеть на улицы Вашингтона – это не по мне. Чего интересного там можно увидеть? Да ровным счетом ничего. Муравейник да и только, никакой индивидуальности у этого города нет и явно уже не появится. Как и у почти всех городов в этой звездно-полосатой, смертельно больной уже несколько десятков лет, но никак не сдыхающей стране. Стране, продляющей свою агонию за счет переманивания элиты из европейских стран и впрыскивающей все новые и новые порции отравы – помимо уже бегущей по жилам – из Африки и Азии. Причем, что самое забавное, большинство власть имущих знало об этом, но... продолжали. Зачем, почему? Наверное, живя по принципу «После нас – хоть потоп!». Заветы мадам Помпадур, всесильной фаворитки одного из многочисленных французских Людовиков, живут и здравствуют. Только в гораздо более циничной и извращенной манере.

Невесело улыбаясь, я поднялся по трапу небольшого самолета, рассчитанного максимум на десяток пассажиров, зато быстрого, надежного и очень комфортабельного внутри.

Оказавшись же в салоне, увидел наконец тех, кто будет составлять компанию в экскурсии по Детройту. Что тут сказать... Хотя на самом деле сказать можно было многое.

Двое. Мужчина лет сорока и девушка лет двадцати пяти. Если первый вполне соответствовал моим представлениям о высокопоставленном сотруднике влиятельной корпорации, то девица... Дело даже не в возрасте, ведь ум и целеустремленность порой позволяют в сжатые сроки подняться по той или иной иерархической лестнице. Тут иное. Мозг аналитика всегда анализирует: обстановку, разговоры, людей вокруг. Это происходит само собой. Зачастую бывает сложнее понять всю логическую цепочку, заставившую тебя сделать вывод, чем получить нужный результат.

Сейчас же я четко ощущал – эта девушка не представляет из себя ничего особенного как личность. Да вообще ничего не представляет. Мужчина хоть тоже не производил впечатления, но был все-таки несколько более сформировавшимся, осознающим свое место в мире и цели. А эта... Однако первым делом следовало представиться.

– Имею честь представиться, Виктор Доронин.

– Джон Гиббс, – тусклым, невыразительным голосом отзывался мужчина. – Личный помощник члена совета директоров корпорации Алена Равалья.

Взгляд в сторону девушки, но та лишь одарила меня пренебрежительным взглядом, после чего поправила упавшую на лоб прядь русых волос. Хм, однако!

– Мисс Сара Дженкинс, заместитель главы пресс-службы, – представил спутницу Гиббс, желая сгладить неловкую ситуацию. – Мисс Дженкинс имеет большие заслуги в поддержании благоприятного имиджа корпорации. Ей мы обязаны связями с несколькими телеканалами...

Так-так! Прозвучавшие затем названия были мне частью неизвестны, частью же были известны слишком хорошо. Те еще гадюшники, защищающие права всех, с кем в одном помещении-то находиться запахло, не говоря о том, что прикасаться к таким можно, лишь пиная под зад или в другие места: педики, нарики, прочие меньшинства, страстно желающие, чтобы их образ жизни был перенят большинством, причем в приказном порядке на законодательном уровне. Политкорректность, ети ее! Та самая, которая требует суровых и немедленных кар для тех, кто не стесняется назвать мужиков, долбящихся в жопу, педиками и просто извращенцами; обдолбанных наркоманов в периодически обоссанных во время ловли кайфа портках – вырожденками, недостойными находиться в приличном обществе; даунов и прочих умственно отсталых – не «альтернативно одаренными», а всего лишь генетическим браком.

Все с тобой понятно, Сара Дженкинс. Равно как и то, зачем именно тебя направили в мое общество. Чистые эмоции апологетки политкорректности и более серьезный взгляд Гоббса. Что ж, надо отдать должное автору идеи, хоть он и попытался доставить мне дополнительных хлопот. А пока...

немного пошалим.

Короткий кивок в сторону мужчины, затем несколько шагов по направлению к девушке. Взять ее за руку и обозначить легкий поцелуй.

– Приятно видеть на борту красивую девушку, мисс...

Эх как она дернулась. Чуть было до потолка не подскочила и почти сразу вырвала свою руку.

– Это... Это! Русский дикарь! – взвизгнула девица. – Были бы вы гражданином США, я бы подала на вас в суд!

Чуть приподнятая бровь, легкая снисходительная улыбка... Они заставили ее захлопнуться, но взгляд... Была бы василиском, быть бы мне каменной статуей.

– Забавно, – произнес я, обращаясь «в пространство». – Если ведешь себя как джентльмен в «дикарской России», то это воспринимается с пониманием и даже одобрением. Если же в «передовой и прогрессивной» Америке, то сразу обвинят в варварстве и грубости. Еще и судом испугать пытаются... Нет уж, мисс, пугать у вас плохо получается. Попробуйте для начала дикобраза голой попкой испугать, вдруг да получится.

Легкая провокация и бурная реакция на оную доставили мне искреннее удовольствие. Равно как и то, что на протяжении всего перелета мисс Дженкинс показательно меня игнорировала. Я же тем временем вполне плодотворно пообщался с Гоббсом. Тот, по крайней мере, вдумчиво читал ту самую аналитическую записку. Не соглашался с ней, равно

как и его начальник – это да. Но все же читал, приводил какие-никакие аргументы в ее опровержение. Считал, что наш вояж по различным районам Детройта поможет именно его точке зрения, а не моей.

Что же до мисс Сары... Она ничего из аналитики не читала. Ей было достаточно выводов, которые «борчиху» за права меньшинств и как бы «угнетаемых» категорически не устраивали. И распечатала уста девица лишь один раз, после одного из моих высказываний, Впрочем, всего лишь иными словами пересказывающего маленький кусочек аналитической записки.

– Понимаете ли, Джон, уникальность Детройта состоит в том, что доля белого населения – куда я без сомнений включаю и его латинский подвид в лице мексиканцев и жителей стран Южной Америки – снижалась год от года, причем катастрофическими темпами. А вот доля преступности и разрухи повышалась. Возьмем за точку отсчета тридцатые годы. Белое население более девяноста процентов, число ограблений на сто тысяч лишь немногим более сотни, число убийств – всего четыре.

Начало семидесятых – эпоха бесноватого Мартина Лютера Кинга, «черных пантер» и прочей швали, на словах борющихся за равные права, а на деле мечтающих о превосходстве над белой расой и только об этом. Доля белых – немногим более половины. Число ограблений на сотню тысяч населения – полторы тысячи. Число убийств – более трех де-

СЯТКОВ.

Наконец, переходим к началу разгула политкорректности, то есть к девяностым годам. Доля белых колеблется между двадцатью и десятью процентами, причем неуклонно снижается. Официальное число ограблений несколько снижается. Это, как свидетельствуют определенные данные, происходит лишь потому, что по-крупному грабить особо уже и некого – люди с деньгами покидают город, – а мелкие и не регистрируют особо. Да и вообще, многие районы становятся зонами, куда полиция опасается даже заходить малым числом и без средств усиления. Зато убийства не спрятать, их по-любому приходится регистрировать. Их число – под шесть десятков на сотню тысяч за год. И это лишь уголовная статистика, без добавления экономики, о которой отдельный разговор. Исходя из этого...

– Гнусный расист!

О, какие люди, какие голоса... Интересно даже. Может ли она сказать что-то помимо клише? Проверим, может быть, голос разума все же способен просочиться через стену откровенной глупости человеческой.

– Это не я, мисс Дженкинс, это цифры с сайта вашего же американского правительства. Также советую посмотреть падение уровня доходов города и сравнить его с изменением процентного состава населения. А насчет расизма... – говоря, я одновременно серфил по Интернету, выискивая нужные фоторепортажи с улиц города Из числа тех, которые

не были включены в переданную заказчику аналитику, как особо «сочные и забористые». – Смотрите и наслаждайтесь, мисс Сара, – с этими словами я повернул планшет экраном к девице и начал листать фотографии, комментируя по ходу:

– Для начала позвольте вам продемонстрировать фото с «Ночи дьявола», как негры называют ночь перед Хэллоуином. Если нормальные люди, отмечающие сей праздник, в это время устраивают довольно красочную атмосферу, пусть на вкус некоторых и мрачноватую, то эти «с пальмы упавшие» развлекаются, поджигая и разрушая автомобили, магазины, отдельные здания и даже целые районы. И так из года в год. Вот это фото, сделанные участниками сего маразма «в процессе». Эти же показывают то, во что превращаются части города после этих «милых и невинных» развлечений.

– Кон...

– Молчать и слушать, мисс. Потом выступите, если будет что-то помимо дурных воплей о «расизме» и «правах меньшинств», – рявкнул я на Сару, зная, что таких фифочек можно заткнуть только жестким прессингом. – Вот фото множества зданий, причем расположенных вовсе не на окраинах города. Выбитые стекла, проломы в стенах, прочие свидетельства разрухи. И это сделали вовсе не те, кого вы любите величать «расистами» и «неполиткорректными ретроградами». Просто выходцы из Африки гадят даже там, где живут. Не верите? Вот вам фото тех же домов с указанными датами «до» и «после». Очередные беспорядки из-за их внутренних

разборок и вуаля! Стоит же городским властям восстановить тот или иной район – спустя максимум пару лет он вновь превращается в место, где хорошо разве что снимать фильмы в жанре «постапокалипсис», но никак не жить. И еще один хит сезона! Минутку внимания и попрошу сохранять тишину в зрительном зале.

Та-ак. Быстренько ищем еще одну интересную подборочку. Ту самую, после которой дамочка вряд ли сможет столь рьяно бросаться в меня терминами вроде «расист» и что-то в этом роде. Быстрее, пока это создание не отмерло и не разразилось воплями... Хочется поставить жирную такую точку в не то чтобы разговоре. Скорее уж полном моральном и психологическом изничтожении оппонента. Есть, нашел!

– Десертом послужит тот самый «расизм», в котором вы и вам подобные столь любите обвинять всех... если они относятся к белой расе. Внимательно смотрим на фотографии объектов Детройта. Среди них бары, отельчики, кинотеатры, прочие заведения. Как вы видите, их много, даже за то малое время, что я искал в сети, мне удалось обнаружить десятки таких мест. Внимательно смотрим... Видите?

– Что? – каким-то квакающим голосом отозвалась мисс Дженкинс. – Обычные снимки обычных мест.

– Обращаю внимание на довольно габаритные надписи «black owned»¹. Они есть на всех фото. И вот что интересно, появившись на каком-то магазине или баре надпись «white

¹ «Принадлежит черным» (англ.).

owned»² – как скоро вы бы затаскали владельца по судам и сколько серьезных проблем он бы получил? Молчите, мисс Сара... Понимаю. Ведь ответить-то вам и нечего. Особенно после того, как я наглядно продемонстрировал, что в вашем хваленном толерантном, политкорректном и мультикультурном обществе буйным цветом цветет расизм, только вот несколько не такой, про какой вы и вам подобные истерично орете с экранов, газет, новостных сайтов. Кстати, могу приводить множество более кровавых и тошнотворных примеров, но... Мне недосуг.

В конце концов, мне не платят за сеансы политпросвещения малолетних дурочек с промытыми с детства мозгами. Умному достаточно и сказанного, а хроническому кретину и десятки лекций не помогут. Выбирайте, мисс, к какой категории относитесь лично вы. Dixi.

США, Детройт, май 2016 года

Ну что тут еще можно сказать. Мы прилетели! После того разговора Сара Дженкинс не разговаривала не только со мной, но и с Гоббсом. Правда, мрачно сопела в две дырки и смотрела с печальной такой моськой исключительно в мою сторону. Сначала смотрела, а потом вновь стучала по клавишам ноута и щелкала кнопками мышки. А еще сразу сворачивала открытые окна, стоило мне пройти поблизости. Правда, не сильно ей это помогло. Я человек бывалый, мо-

² «Принадлежит белым» (англ.).

гу и по мимолетному взгляду на экран определить суть просматриваемого.

Девочка искала опровержения сказанному и показанному мной. Надеялась, как я понимаю, что статистика липовая, а фотографии смонтированные. Напрасные надежды, все источники были вполне себе надежные, а некоторые, что связаны с цифрами, и вовсе железобетонные. Просто их не принято было озвучивать для широкой аудитории. Однако интересующийся человек вполне мог все это найти в открытом доступе.

Неудивительно, что вид у мисс Сары становился все более недоумевающий и... печальный. Наверняка понимала, что может продолжать вопить и бросаться в мой адрес привычными обвинениями, вот только... Ситуация-то будет совершенно иной – и она, и я будем знать, что обвинения-то откровенно липовые.

Уже перед самым выходом из самолета я лишь с очень легкой иронией поинтересовался, обращаясь к ней:

– Ну так что, мисс Дженкинс, в свете последних событий имеет ли смысл наша экскурсия по Детройту? Или достаточно будет и тех свидетельств, которые отражены как в моих материалах, так и в тех, которые я показывал вам лично, и достоверность которых вы столь дотошно проверяли?

– Мы продолжим! Я должна... удостовериться.

– Нам дали инструкции, мистер Доронин, – а это уже Гоббс прорезался. – Мы должны будем отчитаться перед со-

ветом директоров о проделанной работе. Я не хочу быть уволенным.

Что ж, пусть будет так. Будет вам экскурсия по городу, причем по различным его местам. Вот только нутром чую, что приятных впечатлений от нее не появится. Да и откуда бы им взяться в этом гниющем и рассыпающемся в ничто городе?

Для начала следовало решить вопрос с транспортом. Этим я и занялся сразу же после заселения в гостиницу. Вроде бы одна из лучших в городе, а ощущение того, что вокруг все не то и не так, никуда не уходило. Я понимал причины возникновения, а вот Гоббсу и Дженкинс пришлось объяснить. Прямо в холле, куда мы спустились после того, как закинули невеликий багаж в номера.

– Научитесь чувствовать направленные на вас взгляды. Ловить тени эмоций, на вас обращенных. Сейчас это легкое удивление, неприязнь и предвкушение. Удивление от того, что сюда прибыли белые. Неприязнь вследствие того, что местные, с позволения сказать, афроамериканцы считают этот город своим. Предвкушение от того, что они знают – в относительно ближайшем будущем здесь будут только они и никто из столь ненавистных им «снежков» не будет обладать тут ни малейшим влиянием.

– Ну это уже...

– Доказательства последуют в самом скором времени, – оборвал я вякнувшую было что-то Сару. – На своей нежной

шкурке почувствуете. Хотя чего время-то тянуть... Эй, ты. Да-да, именно ты, – поманил я пальцем одного из гостиничных работников, негра лет тридцати пяти. – Хочешь сотню баксов?

– Хочу! – подойдя, тот алчно уставился на купюру, которую я держал в руке. – Чё надо, мистер?

– Ответить на несколько вопросов о творящемся в городе. – Заметив, что негр малость скис и понимая причины, я уточнил: – Здесь нет ни журналистов, ни копов. Вот эти двое – шишки из строительной корпорации. Хотят тут земли прикупить и отели строить. А я у них вроде как проводник по той стороне жизни, которую эти «белые воротнички» из окон офисов сроду не увидят.

– Чё-то не понимаю, бро!

– Говорю попроще. Я от тех ребят, которые держат за глотку немалую часть Нью-Йорка. Русская мафия, короче. Слышал?

Слышал. Насторожился, но слушает, теперь уже куда более спокойный. А вот двое работников корпорации стоят и тихо обтекают от глубокого разрыва шаблона. Хорошо хоть под руку не лезут. Наверное, дошло, что таким образом я всего лишь создаю соответствующую атмосферу для разговора с объектом.

– Ты не коп, да! Винни не лузер, Винни понял, – сразу изменилась речь негра, которому больше не надо было даже пытаться проявлять несвойственные ему манеры. – Сотка

баков это хорошо, но я тебе ничего такого не скажу.

– Мне и не нужно знать секретов ваших банд. Этот город моему боссу не интересен, он лишь выплатил старый долг. Послав меня как проводника, чтобы этих двух, – жест в сторону Гоббса и Дженкинс, – не обидели ненароком. А это легче сделать, если они будут знать, куда им не следует соваться в темное время, а куда вообще не следует. Именно это и стоит сто баксов. Хоп?

– Йо, бро, это стоит сотки. Это я скажу. Вам, «снежкам», ночью вообще из домов лучше не высовываться. Братья любят жирных белых цыплят. У них в кармане мобила, баксы, кредитки! Да и прикид хорош, скупщики берут!

Округлившиеся глаза Сары, гримаса отвращения на лице Гоббса. Ну а негр Винни, обладающий полным отсутствием присутствия манер и невеликим мозгом, продолжал распинываться. Особенно когда я достал еще полсотни. Для увеличения интенсивности словесного потока.

– Эта белая цыпочка пусть оденется по-другому. С такими сиськами, да в такой прозрачной блузочке, – говоря, он с неприкрытым вождением смотрел на упомянутые части тела. Еще чуть-чуть и облизываться начнет. – Чувак, да она и нескольких шагов вне центра не пройдет, как любой брат ее на плечо и в тачку. Прямо там и трахнет, потом с другими братьями, разом...

– Полиция...

В ответ на это вырвавшееся из ротика мисс Сары слово

Винни захихикал своим тоненьким голосом. Глумливо так, противно. Хотя и я сам не смог удержаться от усмешки. Мало того, решил окончательно прояснить ситуацию:

– Я-то знаю, а вот этой мисс надо бы тоже узнать. Скажи-ка, Винни, что сделает полиция, получив заявление от белой, которую хором оттрахали твои соплеменники на своей территории?

– А ничего, мистер русский! Скажут лишь, чтобы цокала в больничку, синяки пудрой мазать. У нас тут эта, как ее... Бро, ты же умный, все русские хоть и бешеные, но умные! Ну, я ж слово это и не скажу...

– Толерантность? Политкорректность?

– Йоу! Типа она... они две сразу! Если копы схватят черного брата, белый адвокат всегда его вытащит, А если «снежок» попробует что-то сделать, его свои же и посадят. Надолго!

– И последний вопрос, – появилась еще купюра в полсотни баксов. – Скажи вот этим двум... «снежкам», – пренебрежительно скривился я, понимая, что эти двое такого прозвища таки да заслуживают своей глупостью и бесхребетностью, – почему твои соплеменники из Гарлема, что в Нью-Йорке, и носу не кажут в Брайтон и прилегающие районы? А в другие – легко и без проблем.

Винни поскреб затылок, явно осмысливая поступившую информацию. Дело для него было не слишком привычное, поэтому пауза длилась довольно долго. Наконец он отмер и

заявил:

– Чувак, это ж просто! А они что, не знают?

– Они – нет. А мне не верят.

– Во лузеры! Баксов много, а такого не понимают. Гы! Если братья из Гарлема вывернут карманы кому-то на территории русских или там латино – их там же и кончат. Или руки битами переломают! И будет сотня свидетелей, что скажут копам нужное. Типа что этот чел пил виски с ними с утра и до заката.

– А обычные, как ты говоришь, «снежки»?

– Ничего не сделают. И вообще, президент у нас теперь тоже черный брат! Он своих в обиду не даст, йоу! И та белая чувиха, которую он после себя поставить хочет, она тоже это... за нас. Потому как дура, вот!

– Логично. Держи баксы, заработал.

Негр алчно схватил деньги и мигом спрятал их, на всякий случай озираясь по сторонам. Рефлекс, однако. Вечная боязнь того, что кто-то покрупнее да позубастее перехватит доставшийся лакомый кусок. Я же, сказав ему пока не исчезать, обратился к спутникам:

– Отойдите пока в сторонку. Вам дальше слушать наш разговор не стоит.

– Но...

– Хорошо, мистер Доронин, – неожиданно быстро согласился Гоббс. – Пойдемте, Сара. Не будем мешать.

Девушка открыла было рот, чтобы что-то возразить, но

взгляд случайно упал на негра Винни, продолжающего хищно пожирать взглядом ее и впрямь не шибко прикрытые прелести. И именно этот хищный взгляд заставил ее сдуться и покорно проследовать вслед за Гоббсом.

Ну а я тем временем задал негру еще один вопрос. На сей раз касающийся исключительно моих личных интересов.

– Я сюда из Вашингтона. Аэропорт, металлоискатели...

– И чё?

– Нужен ствол. Два часа. Двойной тариф за срочность.

– Тройной!

– А не подавишься? Два с половиной.

– Ты умеешь взять свое, чувак! – расплылся в улыбке негр. – Номер?

– Триста пятнадцатый.

– Придет один из братьев с пакетом. Спустишься и отдашь деньги. И это... Я не знаю, какой будет ствол. Если хочешь что-то конкретное – нужно время.

– Там посмотрим. Я жду.

Винни кивнул, еще раз оскалился, изображая улыбку, и упылил по своим – а точнее уже частично и моим – делам.

Хорошо. Вот теперь действительно хорошо. Шляться по улицам этого тонущего в беспределе города «пустым» – верный способ найти неприятности на собственную задницу. А вот наличие при себе оружия – другое дело. Пользоваться им я хорошо умею, есть опыт, пусть и не такой большой, как хотелось бы. Впрочем, опыта всегда бывает только мало, ведь

нет предела совершенствованию себя в той или иной сфере.

Пока же возвращаюсь к Гоббсу и Дженкинс. Последняя смотрит на меня волком по причине... Нет, пока не могу понять. А, все равно это чудо без перьев сейчас озвучит. И точно, стоило мне подойти поближе, как раздалось тихое, но эмоциональное шипение:

– Это что, заранее купленный вами актер? Дешево и низко пытаться таким способом...

– Снова вынужден попросить вас захлопнуть рот, мисс Дженкинс. И для разнообразия подумать головой, а не отдавать все на откуп эмоциям. Мистер Гоббс может подтвердить, что я понятия не имел, в какой гостинице мы окажемся. И в какое время мы прилетим. А что до возможно возникшей у вас мысли о том, будто я заранее подкупил всю службу десятка приличных гостиниц города... Самой-то не смешно?

– И... извините, – потупилась Сара. – Но это выглядело как... Как...

– Злобная карикатура на все то, что вы привыкли считать истиной в последней инстанции? – задал я откровенно риторический вопрос и сам же на него ответил: – Только вот злобной карикатурой на здравый смысл является не это, а вся та реальность, в которой вы живете. Ничего, скоро мы втроем отправимся на экскурсию по тем самым районам Детройта, о которых говорил наш недавний знакомец-негр. Посмотрите на «черных братьев» в естественной среде обитания, полю-

буетесь на их повадки. Только вот выходить из автомобиля я крайне не рекомендую. Вас и впрямь могут «на плечо и в машину», чтобы вдумчиво и в разных позах поиметь сначала там, потом в провонявшем крэком и перегаром доме. Потом передать другим «братьям» и так, пока ты не потеряешь товарный вид.

– Хватит!

Не обратив внимание на этот жалобный крик-просьбу, я продолжал вбивать в ее сознание прописные истины, напроць игнорируемые большинством в этой странной стране.

– Я-то могу прекратить, но кто ж тебе, кошечка, скажет-то горькую, но нужную правду? Кстати, а ты знаешь, что негры, снимая шлюх, при имеющемся выборе всегда предпочтут белую? Не в качестве жены или постоянной подружки, а именно как одноразовую подстилку, «дырку», в которую можно засунуть наиболее грубым и грязным способом. Причем в последние годы они любят снимать сей процесс на видео и потом показывать его приятелям. Комплекс у них такой. Неизлечимый! Стремятся всеми способами показать свое превосходство, но вот получается только такими, первобытными, которые со стороны любым нормальным человеком воспринимаются с глубоким отвращением. Показать видео?

Девушка лишь замотала головой, а на глаза явственно наворачивались слезы. Значит, хватит проводить «шоковую терапию».

– Тогда воздержимся от просмотра порнографии низко-

го качества. Мистер Гоббс, будьте столь любезны, проводите мисс Дженкинс до ее номера. Думаю, что ваше общество она сейчас воспримет более благосклонно. Немного отдохнем, а к послеобеденному времени можно будет и на экскурсию по городу выбраться.

Сотрудник корпорации лишь кивнул и, взяв не сопротивлявшуюся девушку под руку, повел ее в сторону лифта. Я же пред почел покамест остаться здесь. Подняться в номер всегда успею, а пока хочется просто понаблюдать за окружающей обстановкой. Просто так, без особых целей и смысла.

* * *

Звонок в номер с просьбой спуститься в вестибюль раздался часа через полтора после того момента, как Винни принял от меня заказ. Что ж, это неплохой знак. Стоило надавить на жадность, и вот он, результат. Поэтому я не мешкая спустился вниз, и взгляд сразу зацепился за совсем уж инородное в гостинице довольно высокого класса тело. Больше всего тело было похоже на разожравшегося до состояния воздушного шара рэпера, облаченного в невероятно цветастую рубашу, кроссовки и классические рэперские штаны. Ну те самые, которые спущены так, что мотня находится ниже колен, как будто болезный носитель прикида обгадился и таскает там несколько килограммов низкосортного сельхозудобрения собственного производства.

Едва портье подтвердил, что это именно он просил вызывать постояльца из номера триста пятнадцать, я подошел к «пузырю» и без долгих прелюдий спросил:

– Принес? – кивок в ответ. – Отлично. Тогда поднимаемся ко мне в номер.

– Баксы? Четыре сотни!

– После. Я заказа не видел. Топай следом.

Ну он и потопал. Понимая, что эта туша явно плохо переносит подъем по лестнице, я шел к лифту. И оказавшись в кабине вот с этим вот представителем хомо сапиенс, я понял, что некоторым людям понятие мытья если и знакомо, то явно понаслышке. Сразу вспомнился студент-однруппник из очень дальней Азии, с которым все без исключения отказывались находиться за одной партой и за одним стендом во время выполнения лабораторных. Причина? Умопомрачительная вонь немытого тела, нестиранных носков и жареной селедки, до которой многие азиаты большие охотники.

«Пузырь» селедку не жрал, но остальные два компонента присутствовали в той же степени. И поэтому меня откровенно тянуло блевать. Утешало лишь то, что как выйдем из лифта, будет полегче.

Ф-фух! Действительно легче. В номере же работает кондиционер, да и освежителем воздуха можно побрызгать. Впрочем, беспокоиться сейчас надо не о том. Не внушает мне этот тип доверия, равно как и негр по имени Винни. Вся эта братия одного разлива, стремится облапошить всех и

каждого в меру своих невеликих мозгов. А если облапошить белого, «снежка» на их жаргоне, так это и вовсе за доблесть считается. Потому держим ухо остро и готовимся к любым неожиданностям.

Открыв номер и пропустив вперед себя «пузыря», я зашел внутрь сам, пяткой пнув дверь, чтобы та сама захлопнулась, после чего сразу перешел к делу:

– Показывай товар!

– Четыре сотни, «снежок», давай их.

– Еще раз вякнешь это слово, шоколадная твоя задница, на собственной бабке учившаяся с бабами обращаться, цена упадет вдвое. А еще вернее, что упадут твои яйца... прямо на пол. Пять, четыре...

Негр возмущенно засопел, явно не привык к тому, что его ставят на место не свои «черные братья», а один из белых эпохи политкорректности. Но нутром своим почуял, что продолжать выделяться опасно. Вжикнул молнией висящей на боку небольшой сумки и достал оттуда короткоствольный револьвер. Да никак это...

– Кольт «кобра», к нему два десятка патронов. Четыре сотни!

– Вот деньги, – показал я «пузырю» четыре купюры. – Кладу их на тумбочку. Ты деньги не берешь, пока я не проверю револьвер. Понял?

Едва я положил деньги на указанное место, как рука «пузыря» дернулась назад, за спину... Только с реакцией у та-

кой жирной бочки с салом были большие проблемы. Да и я ушами хлопать не собирался, ожидая чего-то в этом роде. Не стопроцентно, но вероятность «кидка» со стороны подобной публики была высока.

Четкий удар носком окованного металлом ботинка по яйцам – это гарантированный вывод из строя. Если приложиться от души – в лучшем случае операция по восстановлению нижней анатомии. В худшем... персональное место на кладбище. Зная это, я ударил куда слабее. Так, чтобы пациент всего лишь рухнул на пол и покорчился там минут пять, издавая нечленораздельные стоны. Хотя... стоны меня раздражают, да и внимание персонала привлечь могут.

Так что ногой его по башке. Опять же не слишком сильно, как раз на то время, которое необходимо для проверки и коротких размышлений. И тишина... хорошо.

Сперва обыскать болезного. Что там у него в сумке? Ффу! Пара десятков косяков и пяток пакетиков с белым порошком. Героин или кокаин... мне без разницы, один черт белая смерть. Что, на все руки от скуки, торгуем тем, за что платят и на что есть спрос? Похоже на то. Оставляю сумку в покое – я не доктор-гуманист, чтобы мне было дело до того, чем и как травятся негры. А за чем ты там тянулся, что у тебя за спиной под ремнем? Еще один револьвер, тоже кольт, но уже «питон» с длиной ствола в три дюйма. Не люблю револьверы, но машинка все же неплохая. Беру его, равно как и пару скорозарядников, найденных в карманах «пузыря».

Но чего он так резко дернулся, за пушкой потянулся? Надо проверить. Беру в руки «кобру», откидываю барабан, возвращаю обратно. Взвод курка, нажатие на спуск, проверка на самовзвод... Вроде все нормально, но понимаю, что нормальным тут все быть не может. Или все еще проще? Проверим.

Пинаю «пузыря» за-ради приведения в чувство, держа под прицелом его же «питона». Единственное, что я сделал до этого, надел на правую руку тонкую нитяную перчатку. Пусть пальчики на стволе будут оставаться только прежнего хозяина. Да-да. Именно прежнего, потому как «питон» приглянулся мне куда больше «кобры». Более мощный, да и вообще...

– Просыпайся, «шоколадка». Или тебя еще раз пнуть? – Протестующий стон в ответ. – Не хочешь? Ладно, не буду. Чего тебе было надо, придурок? Отвечай, а то продырявлю, сказав, что ты попытался меня ограбить. В сумке у тебя дурь, на револьвере твои отпечатки... Даже самый американский суд в мире ничего против не скажет. Ну, давай!

– Богатый беленький парень платит чуть не втрое больше за ствол. Значит, можно показать товар и взять все, – простонал «пузырь». – Надо было Винни послушать... Он говорил, что ствол нужен резкому челу... Ой-е-е...

– Жадность и глупость – убойное сочетание, – усмехнулся я, поняв суть. – Ну никак с вами, порождениями Африки, по-хорошему не получается. В общем, так. В качестве штрафа

фа возьму твой «питон». Если хочешь, то можешь рассказать, как заезжий белый тебя отпинал, отобрал оружие и пинками выставил из номера. Вот остальные обхохочутся-то!

– У-у, – загудел негр, явно страдая как телесно, так и душевно.

– Вставай давай и выметайся. «Кобру» возвращаю, правда без патронов. Нечего вводить скудоумного тебя в искушение. Так что подбирай револьвер и пшёл вон отсюда.

«Пузырь», побряхтывая и пошатываясь, поднялся, подобрал разряженный револьвер и побрел к выходу. Отворил дверь и... вылетел в коридор от увесистого пинка под зад. Как ни крути, а если я упоминал про «выставление пинками», то грешно не держать обещаний. Вот и привел их в соответствие с реальностью.

Все, главную проблему, а именно безопасность себя любимого, хоть немного, но сгладили. Человек со стволом и человек без него – это две ну очень большие разницы. Теперь чуток подремать, заказать в номер чего-нибудь пожевать. После чего можно и собираться. Как-никак именно мне устраивать Гоббсу с Дженкинс экскурсию по тому, что осталось от Детройта. И все же... негры, они такие негры!

* * *

Экскурсия выдалась... насыщенной. Начать с того, что видок у Сары был такой, что сразу вспоминалось выражение

«краше в гроб кладут». Похоже, что моя ускоренная ломка навязанных с детства стереотипов, совершаемая со всем знанием дела, шла именно так, как и задумывалось. Внушаемые окружением и изливаемые из всех СМИ установки вошли в жесткое противостояние с реальностью. Мои слова, подкрепленные данными и фотографиями, ее собственная проверка и отсутствие противоречий... Затем этот самый Винни, «представитель афроамериканского меньшинства» в том городе, где оно давно стало большинством. Его абсолютно естественные речи про родные места и отношение к «снежкам», в которых были смешаны исконная ненависть и лишь последним поколением приобретенное презрение к склонившимся перед не победителями, но вечными побежденными потомками рабов... И четкое понимание того, что скоро можно будет обходиться даже без привычных мантр о «притеснении меньшинств» и «искуплении вины предков, угнетавших черных братьев».

И вот теперь последний этап слома установок – вид тех мест, где почти не осталось белых, вид творящегося там. Разруха, грязь, мусор и самое что ни на есть дерьмо посреди улиц. Отливающий прямо на фонарный столб негр. Стайки подростков, передающие по кругу косяк. Те самые надписи «black owned», то есть «принадлежит черным», о которых я говорил и которые красовались на десятках фотографий. Шлюха, отсасывающая у клиента чуть ли не у всех на виду, доносящиеся из полуразрушенных домов крики и визги не

то избиваемых, не то насилуемых.

Воистину постапокалиптические зрелища. Атмосфера распада и гниения, среди которой дикари пируют и просто живут на остатках цивилизации. И, что самое главное, местных обитателей вполне устраивает это место, они не стремятся менять его к лучшему. Привычная картина. Жили у меня знакомые в ЮАР. Жили, но быстро слиняли, видя, во что превращаются некогда цветущие мегаполисы. Избавившиеся от апартеида аборигены быстро и качественно принялись загаживать район за районом. Теперь даже в столице далеко не везде работают лифты, свет, канализация, водопровод. И никого это особо не волнует. Ну а центр... Для поддержания его в мало-мальски пристойном виде используют квалифицированных специалистов «со стороны». А еще недавно принятый закон о насильственном отчуждении земельных угодий у всех белых. Что тут сказать, все как в бывшей Родезии, а нынешней Зимбабве. И результат будет такой же, только с отставанием на соответствующее число лет. И это не исключение. Это – правило.

За рулем не наемный шофер, а Гоббс, чтобы не было никого постороннего, смазывающего эффект. На заднем сиденье я и Сара Дженкинс. И мой спокойный голос, комментирующий то одну картину, то другую. Никаких эмоций на сей раз, исключительно факты и их сочетание с рассказанным и изложенным ранее. Крыть тут нечем, как пытаться перебить выпавший игроку в покере флэш-рояль. А своего «каре

с джокером» у этих двоих нет. Совсем нет.

– Остановись...

– Хорошо, я пока помолчу, – соглашаюсь я. – Да тут и слов не надо, просто смотри и запоминай. Это будущее большинства городов твоей страны. Близкое будущее.

– Останови машину. Надо выйти. Мне плохо! Не могу видеть, слышать... Ты выворачиваешь наизнанку весь мир, сукин ты сын! Еще немного и я сойду с ума!

– Мистер Гоббс... Остановите машину в месте потише. Пусть дама выйдет подышать свежим... Хотя откуда здесь свежий воздух, все провоняло мусором, дерьмом и крэком.

Наш автомобиль остановился, свернув с относительно людной улицы на более узкую и куда более пустынную. Едва дождавшись полной остановки нашего транспорта, Сара рванулась наружу, словно из тюрьмы на волю. Отбежала шагов на восемь и остановилась, глубоко дыша и обхватив себя руками, как будто вокруг было холодно. На самом же деле светило солнышко, температура соответствовала времени года, и вообще было весьма и весьма тепло. Нервы, однако!

Зато у меня появилась возможность переброситься несколькими словами с Гоббсом, что я и не преминул сделать.

– Как по мне, так теперь истинность моего аналитического доклада будет сложновато опровергнуть. Зато не исключено, что лицо пресс-службы корпорации несколько изменит свою позицию. Не находите это ироничным?

– Вы жестоки, мистер Доронин...

– Жесток? Скорее жёсток. Да и не столько я, сколько сама жизнь вокруг. У этой девочки, – поворачиваю голову в сторону Сары, – был огромный шанс рано или поздно вляпаться в серьезные неприятности. Она же всерьёз верила во всю ту чушь, которой дурят головы подавляющему большинству граждан вашей страны. Так пусть лучше снимет розовые очки сейчас, чем жизнь расколотит вдребезги все глупые иллюзии. Такой вариант куда больнее и с гораздо более печальными последствиями. Иногда и вовсе фатальными.

– Полагаю, вы все же преувеличиваете. Это место... исключение. Все еще может...

Я поднял руку, жестом останавливая речь Гоббса. Эт-то еще что за нафиг?! Куда ж тебя, странную сущность по имени Сара, понесло? Я ж тебе на твоём родном языке говорил, чтобы не смела никуда от машины отходить.

– Сиди тут, – бросаю Гоббсу, покидая машину и с силой захлопывая за собой дверцу. И оказавшись снаружи, кричу: – Тебя куда понесло? А ну назад, быстро!

– Там кто-то кричит! Женщина... Может, нужна помощь, может, ей плохо!

Ду-ура! Я даже не знаю, что тут еще можно сказать. Это ж не привычные тебе относительно спокойные места, это черный квартал во всей своей красе. Полиция сюда набегает очень выборочно. Да и то далеко не всегда рискует вмешаться, откровенно говоря.

Хватит с меня всего этого. Сейчас догоню, поймаю, переброшу через плечо и, невзирая на все визги-писки, закину в салон авто и прикажу везти в аэропорт. Экскурсия уже проведена, впечатлений оба моих спутника массу получили. Все, работа выполнена, с какой стороны ни посмотри.

Быстро бежит, и каблуки на туфлях не мешают! Вот ведь... Причем куда-то совсем в глухой переулок, куда в здоровом уме...

Сворачиваю туда и сам. И почти сразу останавливаюсь, потому как дальше бежать смысла нет. Вот он, источник крика, на который бежала Сара. Не впечатлило... Потасканная негритянка лет тридцати с гаком, одетая в вызывающий наряд шлюхи, прислонившаяся к стене полуразвалившегося четырехэтажного дома и оглушительно верещащая. А ее хлещет по морде высокий и тощий негр, предъявляя вполне четкие претензии:

– Барби, сучка жопастая, ты куда дела два десятка доз чистого кокса? Ты же, членососка, еще с утра сказала, что загнала и отдашь бабки? Сама снюхала? Ты ж у меня больше не получишь!

– Ай, Бобби, не я это! – взвизгивала шлюха в перерывах между визгами. – У меня сумочку сперли. Там и мазилки, и сотовый, и деньги... Не виновата я! И мне доза нужна-а!

Картина маслом. Только засматриваться на нее не стоит, потому как тут не только эти двое, но еще и четверо свидетелей, причем у всех, как и у Бобби, на голове белая с зеле-

ными пятнами бандана. Как я понимаю, отличительный знак одной из местных банд, чтобы издалека своих видеть и не перепутать.

– Сара. А ну давай отсюда подальше. Не видишь, люди делом заняты. Сутенер лупит шлюху наркоманку за пролюбленный кокаин. Тут жалеть некого, все хороши.

– Но... Я... не знала.

– Теперь знаешь.

Хватаю дурочку за руку и уже собираюсь было тащить это глупое создание по обратному маршруту, как ситуация резко меняется. В плохую для нас сторону.

– Ты только смотри, Майки, какая сладенькая белая девочка к нам пришла! – масляным взглядом буквально раздевая дурёху, прогнусавил один из четырех бандюков. – Это тебе не Барби, у которой хоть в п...ду, хоть в жопу уже кулак пролезет. Свеженькая, нерастянутая.

– Точно, бро, на всех нас хватит. Только я первый!

– Первый – я! – а это уже тот самый Бобби, оторвавшийся от бития шлюхи-наркоманки. – Иди сюда, киска, я тебе покажу, что у меня и больше, и толще, чем у всех тех, с кем ты раньше трахалась. А ты, снежок, – это уже ко мне, как я понимаю, – деньги, мобилу и прочее из карманов, да и куртка клеевая, тоже снимай. И беги отсюда. Пока мы хорошие. А киска потом к тебе придет... если захочет.

Громкий хохот, как его, так и других негров... Полная борзота и абсолютная уверенность в себе. Чувствуют себя

дома, это их территория, а белых уже давно отвыкли бояться. Нет в Детройте ни байкерских банд, ни «арийского братства». Вот при виде кожанки с символом «1 %»³ или кельтского креста на шее вся эта гоп-компания мигом бы сходила по большому и предпочла тихо слиться⁴.

– Конечно, сейчас все сделаю!

Нотки испуга в голос, да подостровернее, чтобы точно поверили. Дикий страх в глазах девушки...

Делаю вид, что готовлюсь вытащить из карманов все ценное. Достаяю смартфон, весьма навороченный, и сразу видно, что дорогой и... роняю его на землю. Старый, очень старый прием отвлечения внимания. Взгляды всех пятерых ошибок теории эволюции притягиваются к упавшему предмету, ну а я рывком выхватываю из-под ремня револьвер.

Стрельба двойками на близкой дистанции – жестокая и беспощадная, если руки растут из нужного места. Первый дулет в грудь получил тот самый Бобби. Главарей всегда надо выбивать первыми. Второй достался Майку – как осо-

³ «Однопроцентники» – так называют себя члены байкерских банд или те байкеры, которые не гнушаются пристрелить любого, кто попытается на них наехать.

⁴ Кельтский крест – самый распространенный символ «арийского братства» – одной из самых отмороженных банд в США. Контролируют большинство тюрем, торгуют оружием и взрывчаткой. Любому, замешанному в нападении на одного из «братьев» выносится смертный приговор, приводимый в исполнение в любой точке мира, независимо от положения жертвы. Жесточайшая дисциплина. Любая попытка сотрудничать с властями карается смертью. Приговор приводят в исполнение «арийцы»-новички. Члены братства говорят: «Кровь впускаем – кровь выпускаем».

бо говорливому... Не мой все же это ствол, да и практики нема... Поэтому Майки обзавелся дырками в брюхе.... Результат все одно фатальный, но сдохнет не сразу, а еще минут дцать будет орать, аки резаная свинья.

Фора кончилась... Две оставшиеся в барабане пули уходят уже по движущимся целям, да и сам я перекатом ухожу влево, под прикрытие вонючего, но все же пригодного для укрытия мусорного бака. И успеваю отметить, что еще одна пуля попала в цель... Пока объект жив, но валяется на замусоренном асфальте, держась за простреленное колено и блажит на всю округу противным таким голосом.

Благослови боги скорозарядники! Без них перезарядка опустевшего револьвера была бы делом долгим и опасным. Ведь пауза – явное приглашение противнику сократить дистанцию, выйти на траекторию стрельбы и «порадовать» меткой пулей. А так... Откинуть барабан, экстрактировать разом все стреляные гильзы, после чего скорозарядник в барабан, повернуть, чувствуя, как освобождаются удерживаемые им патроны... Отпустить, пусть падает под ноги, после чего резким движением руки с револьвером поставить барабан на место. И снова готовность к стрельбе.

– Сара, гребь тебя через колено! – ору я девушке, стоящей на месте и обхватившей голову руками. – В сторону, укройся!

Стоит... Шок. Ну а что я тут сделать могу? Героически броситься ее спасать, с большой вероятностью подставляясь

под пули? Велика честь, она мне не просто никто, но еще и откровенно достала. Поэтому спасти ее хочу, стараюсь, но не до дурного героизма. А вот поставить точку в незавершенном деле – это надо. Прицеливаюсь, стреляю... Вопли подранка с подстреленной ногой как отрезало. Ну да, с пульей в башке, как правило, уже не кричат. Мертвецы, они вообще молчаливые.

– Мы тебя достанем, сраный «снежок»! – истерический визг раздается почти сразу. – Ты отсюда не уйдешь, сейчас я звоню по телефону и «праведники» выбьют все дерьмо из твоей белой задницы. Я тебе лично собачий хрен в жопу вставлю! И сучку сейчас твою пристрелю!

– Ты ж ей вставить грозился? – отвечаю, сам прикидывая, откуда именно раздается голос. Точнее то, за какой именно из мусорных куч расположился говорливый ушлепок. – Или предпочитаешь трахать мертвую, а на живую не встает?

Брань в ответ, только вот английский бедноват на выражения, а чтобы сплести из обычных слов нечто унижительное... Помилуй боги, так для этого умение надобно и хоть немного мозга. А он у этих недоделков только спинной, по моему глубокому убеждению.

Три выстрела подряд, каждый раз сдвигая прицел чуть в сторону. И сдавленное бульканье, едва различимое на расстоянии. Попал... Что тут сказать – бандюк не понял простую истину – если ты укрылся от взгляда врага, это еще не значит, что укрытие защитит тебя от его пули. А бытовой

мусор, он свойствами брони не обладает.

Четыре в минус, остался последний. Значит... Подозрительный звук с тыла. Поворачиваюсь, и прежде чем мозг успевает осознать переданную глазами информацию, тело уже действует. Выстрел, еще... И рывок вперед, на сокращение дистанции, потому как барабан уже во второй раз опустел.

Трое... На шум приперлись трое. Те же банданы. Значит, «праведники», та же самая банда. Неудивительно, если это их территория. Просто занесло за звуки выстрелов, проверить, что да как. И двоих я снял или наглухо, или просто ранил – это не суть. Главное, что иного варианта не было. Промедлил бы чуток – меня бы изрешетили с трех стволов. Тут бандиты пустыми не ходят, все при оружии.

У последнего стоящего на ногах негра глаза стали... как у героев японских мультиков: большие, круглые, удивленные. Вот-вот наружу погулять выйдут. Но ударил я стволом в шею. Тычком, дробя в кашу кадык. Пустой револьвер падает вниз. Времени на перезарядку нет. И сразу подхватить пистолет, даже не успеваю понять, какой именно марки. Рука на автомате сдвигает флажок предохранителя, на всякий случай передергиваю затвор... ну да, патрона в стволе не было! Два выстрела, по одному на брата, для добивания подранков. Оба были еще живы и опасны...

Удар. В спину, как будто кувалдой. С трудом удерживаюсь на ногах, пытаюсь развернуться, но второй удар... Бросает

на землю, в голове все мутится, приходит боль. БОЛЬ! Медленно текут секунды. И чувствую, как сердце, вместо того чтобы гнать кровь по телу, еще и выплескивает ее под давлением наружу.

Подстрелили... Глупо. Сквозь туман вижу, как из-за укрытия выходит тот самый, последний из первоначальной пятерки. И идет в сторону девушки, которая только сейчас начала выходить из состояния шока. Кричит что-то непонятное, никак не складывающееся в слова... Нет, это только я ничего не понимаю.

Снова понимаю... Просит, чтобы ее не трогали! Глупая... Таких, как ты, как раз и трогают. Чтобы НЕ трогали, надо уметь стрелять в тех, кто захочет сделать что-то плохое. Она же этого не умеет. Слабая... Не ее вина. Мысли опять путаются.

Уметь стрелять. Я вот умею... И в руке пистолет. Только рука никак не хочет работать. Почему? Ранен... Но если мысли еще ворочаются в голове... То не убий! Древние что-то там говорили... Разум двигает материю! А я материя или разум? Наверное, все же разум, потому что материи больно. Мне уже нет...

Плывать! Зато могу стрелять, рука снова двигается. Медленно, с огромными усилиями поднимаю руку, прицеливаюсь... Сложно разглядеть мушку. Навожу по линии ствола, хорошо хоть расстояние позволяет. Нажать на спуск. Отдача выбивает пистолет из руки, рука снова падает. Но я попал...

Попал! Из головы негра в бандане выплескивается что-то не то красное, не то серое. Не вижу. Устал... Как же все глупо. Был бы шанс снова... начать снова. И отомстить! Кому? Кто допустил, чтобы такая глупая и нелепая ситуация вообще могла возникнуть... Неважно. Главное – месть. Спать... Темнота.

Глава 1

*США, штат Джорджия, близ Бейнбриджа,
май 1860 года*

Значит, все это было не сном. Или сном? Ведь нет ни боли от ран, ни самих ран. И вообще... Тело – не мое! Другие руки, ноги. Нет полученных в разное время шрамов и с давних времен присутствующих родинок. Зато есть другие, которых у меня точно никогда не имелось.

Ну ни себе же! Кхм, да, вот это неожиданно. Но с другой стороны, не мне жаловаться, не мне! Лучше уж оказаться неведомо где, чем помереть от пары пуль, нанесших «несовместимые с жизнью повреждения», как любят говорить граждане эскулапы.

Тело не мое. Зато разум свой собственный, никакими раздвоениями личности не затронутый. И это не может не радовать. А уж как меня радует полученный «второй шанс» – так и словами не описать!

Вот только где я и КТО я в глазах окружающих? Терзают меня вовсе не смутные сомнения, что тут не «избушка реконструкторов», а нечто более серьезное и могущее показаться невероятным. Как в тех самых книжках, которые я, любитель почитать в свободное время, частенько просматривал.

Встаю, покачиваясь, держась сначала за спинку кровати, а потом, сделав пару шагов, опираюсь рукой о стену. Штормит-с, однако! Так, а что это у нас на стене висит? А это фотография, причем одновременно и новая, и старая. Новая – потому как не затронутая временем. Старая... бумага и качество, привычному для меня не соответствующее. И впрямь тем самым XIX веком пахнет.

На фото же изображена семья: мать, отец и трое детей. Если точнее, то сын и две дочери. Погодки или около того, лет им... Старшему я бы дал лет шестнадцать-семнадцать, ну а девочки помладше на пару лет. Логичным будет предположить, что... Нет, пока об этом рано, я свою морду лица рассмотреть не сумел. Зеркало бы найти. Да только на стене его не висит, а рыться по ящикам стола и в шкафу... Шума много будет, а этого мне пока как-то не шибко хочется. Привлекать внимание к себе любимому, который ничего не помнит насчет прошлого своего тела и здешних реалий...

Память! Дикая вспышка боли, и вот я уже оседаю на пол, хватаясь за голову. В голове словно бы открылась потайная дверца, а из нее под давлением поперли воспоминания того, чье место я занял. Все воспоминания, от детских до последнего до моего вселения дня. И сейчас весь огромный массив информации пытался устроиться в моей черепушке. Отсюда и приступ головной боли. Ничего, мозг, он машина посерьезнее любого суперкомпьютера по своим потенциальным возможностям. Переварит. По крайней мере, я сильно на это

рассчитываю.

Уж не знаю сколько я так просидел. Думаю, минут двадцать-тридцать. Но в конце концов и голова затихла, и первые «пакеты» информации о прежнем владельце тела стали всплывать откуда-то из глубины теперь уже моей памяти.

Теперь я знаю ответ на те самые два вопроса. Отныне меня зовут Виктор Станич, двадцати лет от роду. Спасибо вам, неведомые боги и демоны, еще и за то, что почти десяток лет возраста сбросили. Жизнь, она штука такая, двадцатилетним телом обладать куда приятнее, чем тридцатилетним. Правда, мускулатура не столь развита. Вернее развита, но не по тому стилю, который я для себя во время занятий боевыми искусствами выработал. Ну да ничего, это дело поправимое, причем даже не особо сложное. Энное количество свободного времени, желание и упорство в достижении цели. И все получится, гарантия!

А нахожусь я таки да в США, в мае одна тысяча восемьсот шестидесятого года. Это если в общем. Что же до частных, то тут тоже все прояснилось. Штат Джорджия, окрестности города Бейнбриджа, дом семьи Станич. А вокруг собственно дома хлопковая плантация. Не сказать чтобы совсем уж обширная, но вполне себе немаленькая. Семейство моего донора не бедствовало, да и определенным весом в округе пользовалось.

Хотя осталось от этого семейства немного: сам донор да две его сестры. Те самые трое детей на фотографии. Мать же

с отцом, Александр и Полина Станичи, два года тому назад подхватили очень опасный в этот временной период грипп. Осложнение и... нет больше Александра и Полины Станич.

И вот уже два года бывший хозяин тела являлся главой семейства, в меру сил и способностей управляясь с довольно обширным хозяйством: плантацией хлопка, шестью десятками рабов, занятых как на ее обслуживании, так и по дому. К этому еще стоило добавить самую малость ориентированного на обеспечение самих рабов натурального хозяйства. Сам он, равно как и я, не слишком в этом соображал. Зато хватило ума и сообразительности прислушиваться к советам старого и опытного управляющего, работающего на Станичей уже более чем два десятка лет. Этот управляющий, Рамон Круз, действительно знал свое дело. И своего жалованья односторонне стоил. Хотя, надо признать, некоторые соседи кося на него посматривали. Мексиканец же! А в свете сложных отношений с Мексикой подобная реакция была неудивительной.

К тому, прежнему Виктору порой аккуратно так и вежливо подкатывали соседи-плантаторы. Дескать, негоже такого в должности управляющего держать. Предлагали, причем от чистого сердца, другие кандидатуры, которые и запрашивали поменьше, и хорошей репутацией обладали. Однако хватило и ума, и твердости характера все с той же вежливостью, но непреклонно отказывать. Дескать, от добра добра не ищут.

И не прогадал. Доходы с плантации ничуть не упали, как можно было опасаться. Все шло по накатанной колее. Сам же Виктор Станич находился, скажем так, на распутье. Никак не мог найти свой жизненный путь. Остаться и потихоньку развивать доставшееся от родителей, заботиться о пока еще молодых сестрах? Не самый интересный был для него путь. Поступить в один из университетов? Об этом он серьезно подумывал. Да и военная карьера его тоже манила, но вот дисциплина в армейской среде не радовала. Слишком был свободолюбив и независим. Вот и откладывал решение до поры.

Ну а дух авантюризма... Жажда приключений худо-бедно утолялась активным участием в «патрулях», которые поддерживали порядок в окрестностях Бейнбриджа. Занятие это было небезопасным, но уважаемым и даже престижным.

В чем суть? Тут стоило остановиться на особенности жизни в южных штатах. Почти половину составляли рабы, и поворачиваться к большинству из них спиной... не стоило. Суть господ негров, она вечна и неизменна. Чуют силу – будут кланяться и полировать сапоги. Почуют, что ты слаб и нет никакого риска – непременно ударят в спину. Причем это совершенно не зависело от пребывания оных в зависимом или свободном состоянии. Что они многократно и доказывали с самого начала столкновения черной и белой расы вплоть до современной мне исторической эпохи.

Впрочем, мысль съехала несколько в сторону. В горо-

дах Юга было вполне себе спокойно, потому как и полиция присутствовала, и негров в городах было... немного. Ровно столько, сколько необходимо для самых грязных работ и для прислуживания состоятельным горожанам. Зато за пределами городов все было куда как более серьезно.

Любой дом плантатора был по умолчанию еще и довольно крепким местом, где, в случае чего, можно было укрыться и из-за крепких стен отстреливаться. От кого? От беглых рабов, которые частенько сбивались в шайки и пытались перед бегством на Север поживиться деньгами и прочим ценным и не очень имуществом. Да, нападения были редким явлением, но о таковой возможности всегда помнили.

Над Югом словно витала частица духа Спарты. Не в смысле аскетизма и прочего, о нет. Южане были куда более северян склонны к радостям жизни и не забивали голову пуританскими бреднями и прочим, близким к аскетизму. Тут иное. Как известно, спартиат всегда был готов к нападению илотов, этого порабощенного населения. И это считалось естественным, илотов не придавливали до конца. Спартанские цари разумно считали, что свободный человек в любой момент должен был готов сражаться с оружием в руках за эту самую свободу.

Вот и в южных штатах давненько сложилась чем-то схожая ситуация. Были «патрули», которые разгоняли или просто ликвидировали шайки беглых рабов. Отлавливали и возвращали в случаях, если те еще ничего серьезного не учини-

ли. Вырезали до последнего негра, если на их руках уже была «белая» кровь. Обычным делом считалось уйти в далекий рейд по следам особо отметившихся. И плевать, что они уже были за пределами Юга. Хватали и вешали на ближайшем дереве и на территории Севера. Но вместе с тем не выжигали каленым железом мысли о побеге. Да, та самая поддержка статус-кво, держащая всех в тонусе. Хорошо это или плохо? Кому как, мнения могут быть различные. Но как по мне, положительного тут было все же больше.

Вот в одном из таких рейдов моему донору и прилетело... Камнем из пращи по голове, просто и банально. Беспамятную его тушку доставили домой и принялись лечить. Лечили уже три дня, но в сознание тело до сих пор не приходило. Пришло только сейчас, с моим в него вселением. Похоже, что душа уже покинула тело, я же занял освободившееся место. И теперь постараюсь до-олго отсюда не вылезать. Лет шестьдесят уж точно!

Ну все, хватит сидеть на полу! Пора вставать, приводить себя в пристойный вид, то есть одеваться, бриться и «выходить в люди». Хотя бы в пределах собственного, млин, дома. Заодно и познакомиться с сестрами, благо память прежнего хозяина тела более-менее прояснилась. Но память это одно, а собственное впечатление – совсем другое. Вот и составим его, ведь именно мне жить с ними бок о бок. Или не жить, в зависимости как раз от этого самого впечатления. Себя подстраивать под мир я как-то не склонен, лучше уж его попро-

бовать под себя переломить.

Неслабая такая заявка, да? Согласен. Но ведь и время за окном соответствующее. Время перемен. То самое, которое из китайского проклятия. Чтоб тебе жить во времена перемен! Так говорили хитрозадые азиаты, по натуре своей довольно трусоватые и склонные как раз приспособливаться и ценить стабильность превыше всего. И неважно, что стабильность может быть и посреди кишашего лягушками и затянутого ряской болота. Стабильность!

А ведь у тех же самых китайцев иероглиф «кризис» может означать как «опасность», так и «шанс». Вот я и предпочту видеть в надвигающейся на эти места буре не столько угрозу, сколько серьезный шанс для себя лично. Как ни крути, а есть у меня определенные преимущества. Хотя бы в том, что я мало-мальски помню то, что должно произойти в течение ближайших нескольких лет. Именно они и будут ключевыми в той партии, которую я хочу начать в самом скором времени.

Одежда, где ты! Ага, в шкафу. Нормальные штаны, в которых не стыдно за пределы комнаты выйти. Рубашку... тоже лучше сменить. Что же насчет причесаться и особенно побриться, то это чуть позже. Не вижу я здесь бритвы, мыла и даже расчески. Зато в ящике письменного стола нашел другой предмет, очень сильно меня заинтересовавший.

Пистолет. Не револьвер, которые к этому времени уже появились и приобрели огромную популярность, а именно пи-

столет. Многозарядный, само собой разумеется, и очень мне понравившийся с первого взгляда.

«Вулканик». Вот такое у пушки название. Слышал я о ней, но буквально краем уха. Дескать, было такое оружие, но именно что было, особого следа после себя не оставив. А вот я смотрю на это бесследно исчезнувшее оружие и понимаю – это если и не любовь с первого взгляда, то уж глубокая симпатия точно. Десяти-зарядный, с высокой точностью боя и неплохой мощностью. Самовзвода, понятное дело, нет, перезарядка рычажная, по примеру винтовки Генри, а по сути знаменитого «винчестера». Рычажная скоба прямо под спусковым крючком, усилие прилагается довольно слабое. Спуск мягкий опять же. Что еще радует – магазин хоть и неотъемный, но трубчатый, значит, можно туда загонять новые заряды в любой момент. Для этого нужно было нажать на специальный рычаг, повернуть магазин вокруг своей оси и по одному заталкивать боеприпасы вперед в открывшееся «окно». В сравнении с привычными мне пистолетами та еще морока, но вот если сравнивать с перезарядкой древних револьверов – это еще как сказать! Открытие или вообще съём барабана, экстрактирование стреляных гильз по одной, причем с помощью специального штыря-экстрактора, затем очередная же зарядка камор... Гемор тот еще! Нет, нафиг мороку с револьверами этого времени, пистолет, пусть и архаичный, мне куда больше нравится.

Тем паче я его уже и зарядить успел между делом. Пока

вспоминал-изучал. Десять зарядов, все как один. Теперь его в кобуру. Кобуру на пояс. Все, можно и в люди. Относительно бодр, вооружен и вообще готов к любым свершениям.

Скрип открывающейся двери... И на рефлексе разворачиваюсь, выхватывая было из кобуры пистолет... Хорошо хоть успеваю задержать движение, одновременно поняв, что тут угрозы быть не может, и узнав доставшейся памятью входящую в комнату девушку хрупкого телосложения, одетую в длинное светло-синее платье, и с платиновыми волосами, заплетенными в доходящую до пояса косу.

– Вик? Ты... очнулся! Вик!

Искренняя радость в голосе. Слова переходят в радостный визг, и превратившаяся в синий вихрь девушка бросается мне на шею. Мда... Хоть и хрупкая, хоть и невеликого веса, но ведь могла и обрушиться на пол от избытка энтузиазма. Как-никак я еще слабовато на ногах держусь. Ну да обошлось. А спустя несколько секунд и сама девушка отпрянула, пробормотав:

– Ой, Вик... Прости, я же не подумала. Что ты можешь быть еще слаб. Но... Тебе надо лежать! Доктор нас всех так напугал! Меня и Марию! И Рамон беспокоился. И твои друзья приходили справляться о твоём здоровье. И наши соседи. Ой, что это я... Мари! Мари, брат очнулся!

Только что была и вот уже сплыла. Унеслась из комнаты. словно миниатюрное торнадо, до краев заполненное жизненной энергией и энтузиазмом. Однако!

Сестра донора. Одна из двух, по имени Елена. Вторую же зовут Марией, и, как я помню, у той характер поспокойней. Погодки. Елене восемнадцать, а Марии соответственно семнадцать натикало.

А Елена мне понравилась. По первому впечатлению так точно. Милая, непосредственная и совершенно искренне беспокоится за своего брата. Хм, пусть его и нет, осталась лишь оболочка, но обижать эту милашку и сам не собираюсь, и другим не позволю. Попытавшимся же гарантированно оторву либо руки, либо сразу яйца, после чего сожрать заставлю.

Выхожу из комнаты, в которой состоялось мое первое знакомство с новым миром. Да уж, обстановка в стиле суперретро, что тут еще можно сказать! Дерево, стены украшены то простенькими пейзажиками, то охотничьими трофеями. До охоты были охочи как отец тела, так и его дед. Тот самый, который и перебрался в США из Европы. Из России, если быть точным. Кстати, это большой такой для меня плюс, потому как не придется выкручиваться насчет знания русского языка. Он ведь для меня единственный родной, а значит, словечки будут чисто на автомате вырываться, в том числе и даже в первую очередь малоцензурные.

Каким ветром сюда занесло деда моего теперешнего тела? О, тут отдельный разговор. Но если кратко, то он ухитрился нажить себе серьезных врагов вреди титулованной аристократии, проткнув на дуэлях с пяток их родственников. На-

смерть, конечно. Понимая, что спокойного житья больше не будет, да и беспокойное долго не продлится – найти бретера, готового за деньги спровоцировать Станича на поединок и там превратить в подушечку для иголок, не так и сложно, – Петр Станич решил собрать манатки и совершить стратегическое отступление в направлении «куда подальше». Как его предок от турок, в елизаветинские времена. Так он и оказался в Америке вместе с женой, дочерью и достаточно большой суммой, полученной от продажи всего движимого и недвижимого. Обладая капиталом и буйным нравом, заставил соседей с собой считаться, а там и привыкли к этому довольно чужеродному в местной среде элементу. Привычка переросла в нечто большее, особенно после того, как первый на землях Юга Станич не просто показал буйный свой нрав, но применил по прямому назначению, ввязавшись в несколько серьезных заварушек со стрельбой и трупами.

Произошло... укоренение. А уж его дочь, вышедшая замуж за Александра Каширского, бежавшего за океан от долгов поляка, воспринималась местными как неотъемлемая деталь пейзажа.

Кстати, русский язык Станичи не просто не забывали, а использовали как основной внутри семьи. Наказ Петра, да и просто природное упрямство и нежелание отрываться от корней. Равно как и наказ по возможности сохранять славянскую кровь. Если же не кровь, то уж дух точно. То есть любой человек иного языка, входящий в семью, обязан был

прежде проникнуться сутью того, что так ценил основатель рода.

Уважаю! Нет, действительно уважаю, без тени иронии. Кстати, отсюда и некоторые мелочи в быту, вроде той же косы у Елены. Несвойственная для американцев, кстати, но одновременно и привлекающая взгляд всех окрестных парней из семей плантаторов. Только сама девушка пока еще не сильно интересовалась противоположным полом. Хотя вроде как уже восемнадцать лет красотке! Именно красотке, уж в этом я сроду не ошибался.

Пока я «вспоминал» историю рода Станич, раздался цокот женских туфель. На сей раз в двойном количестве. Вот и обе сестры пожаловали. Мда. День и ночь! Внешне похожи, сразу видна родственная кровь, но вот стиль и впечатление... Елена – с ней все понятно. Зато Мария... Если первая сравнима с оранжерейным цветком или изящной статуэткой слоновой кости, то вот вторая если кого и напоминает, то лишь валькирию, по какой-то непонятной ошибке оставившую меч и доспех, взамен последнего облачившуюся в серо-стальное платье.

– Брат! – и голос жесткий, волевой. – Я так и знала, что этот доктор ошибается. Ну не мог тебя серьезно ранить какой-то беглый черномазый. Его, к слову, твои друзья поймали и повесили низко... Сказали, что четверть часа «танцевал» в петле.

– Мари! Как ты можешь...

– Я говорю то, что должно, – сверкнула голубыми глазами младшая. – И Виктор этому лишь рад. Да, брат?

– Радость – это не совсем то. Рад я вас обеих видеть. А это, – небрежно отмахиваюсь. – Ты, Мари, верно сказала. Сделано то, что и нужно было сделать. И, Лен, со мной действительно все в порядке. Просто хочу на свежий воздух. Стены... немного давят. Пойдемте со мной, близ дома прогуляемся?

* * *

Вхождение в образ. Именно этим я занимался неделю после своего здесь появления. Легкие нестыковки замечательно списывались на последствия удара по голове. Да и то относились они не к памяти – с ней, слава богам, все было в порядке – а к изменившемуся поведению. Оно, по словам тех же сестер, особенно Елены, стало куда более жестким и резким. Не к ним, конечно, а к слабознакомым людям. Словно бы, по ее словам, я быстро и резко повзрослел, отбросив в сторону всю свойственную ранее юношескую горячность и некоторый идеализм.

Ну да тут было легко отбрехнуться, сказав, что порой один прилетевший в голову камень заставляет быстро провести переоценку ценностей и более серьезно относиться к окружающему миру.

Кстати, по той же отмазке удалось объяснить резко

проснувшийся интерес к собственным владениям и поездкам по окрестностям. Дескать, хочется своими глазами как следует удостовериться в том, что хозяйство не просто ведется, а ведется с максимальной эффективностью. Обязанность хозяина как-никак, пусть немало крупных плантаторов и сваливали большую часть хлопот на управляющих.

Надо было видеть, как обрадовался Рамон Круз. Оказалось, что он раньше прикладывал немалые усилия для того, чтобы почаще вытаскивать юного плантатора на профилактический осмотр территории. А тут вдруг сам, да еще и подгонять не надо... В общем, пары дней хватило, чтобы сунуть свой любопытный нос во все мало-мальски интересные углы, да и просто проехаться по окрестностям.

Проехаться, да... Раньше никогда не то что не ездил на лошади, но даже и близко к этим животинам не подходил. Теперь же, как оказалось, вполне ловко с ними управляюсь. Приятное открытие! Ведь именно лошади сейчас основной вид транспорта. Особенно на малые и средние дистанции. Для больших, к счастью, есть уже довольно развитая сеть железных дорог. Кстати, именно в Бейнбридже конечная станция одной из них. Как-никак этот город является одним из центров, куда доставляется хлопок для отправки сего крайне ценного сырья в Саванну. Ну Саванна один из значимых портов побережья, где прибывающие парусники и пароходы из числа грузовых и грузопассажирских загружают тюки прессованного хлопка для отправки в страны Европы.

Хлопок... Ключевой продукт для большинства южных штатов. Важнейшее сырье для легкой промышленности европейских стран, которые задыхались от его нехватки. Получаемого той же Британией из Индии категорически не хватало фабрикам. Они требовали увеличения закупок. Поэтому цены на хлопок неуклонно росли, а плантаторы Юга получали большие деньги. Король-Хлопок – порой именно так называли эту сельскохозяйственную культуру. И поверьте, было за что.

Только где водятся большие, огромные деньги, там есть и масса желающих наложить руку на чужое добро. И именно это желание, как я знал, и стало одной из предпосылок войны меж Севером и Югом. А пока... пока я смотрел на сам хлопок. На занятых на плантации рабов... И понимал, что скоро эти места станут полями, обильно орошаемыми кровью вместо воды. Или именно эти места все же НЕ станут. Хочется на это надеяться. Надежды же... Лучше не ограничиваться лишь ими, а самому воплощать желаемое в жизнь. И если цель кажется слишком большой. Недостижимой... Разбей ее на этапы, начни с первого шага.

Каков для меня будет этот первый шаг? Освоение в новом теле и новом окружении в расчет не беру – это совершенно естественно даже в том случае, если бы я ничего не собирался делать, помимо обеспечения целостности собственной тушки. Хм, это вопрос. До начала войны меньше года, а поэтому медленное, но менее рискованное совершенно не

годится. Значит, остается нечто на порядок авантюрнее. Но зато при успехе сулящее неплохие бонусы.

Эх, нет у моего донора и даже у его семейства связей в местной верхушке. Обидно? Да ничуть. Мне и так неведомые силы подогна́ли царский подарок в виде новой жизни и хорошего в ней старта. Так что ворчать и брюзжать было бы откровенным свинством.

По этой, хотя и не только, причине спустя неделю после моего первого тут дня состоялось довольно обычное, но важное для меня событие. По поводу успешного и полного выздоровления меня в дом семьи Станич были приглашены ближайшие соседи и просто хорошие знакомые. Таковых было не так и много, потому как плантации-то большие, а расстояние между ними, кхм, пешком так очень долго топать.

Гости... И первая возможность серьезно поговорить с теми, кого я помнил, но лично толком не знал. Ну разве что кроме Елены с Марией. Эти две разные и в то же время похожие девушки уже успели не раз со мной поговорить. С взаимным, кстати, интересом, поскольку юным красоткам показались весьма интригующими те изменения, которые произошли с их старшим братом. Ведь он – то есть я – стал куда более интересным, стал рассказывать о необычных вещах, о которых раньше ни слова не звучало. Каких именно вещей? Для начала о тех, которые могут быть интересны девушкам. О том, что возможно – а на самом деле почти наверняка – случится в относительно близком будущем. В общем, раз-

влекал по мере сил, укрепляя связи и привязанность. Да и просто нравились мне они чем-то, эти девушки из далекого прошлого, ставшего отныне настоящим. Живые, естественные.

Только одно дело сестры и совсем другое – остальные. Их я за прожитую здесь неделю видел, конечно, но разговаривали мы с ними кратко. Я ссылался на еще не до конца прошедшие последствия удара по голове, что воспринималось как весьма уважительная причина. Но и оттягивать не стоило. Поэтому приглашение. Поэтому званый ужин. И вот уже первые гости, прибывшие задолго до назначенного часа.

Вот они, три откровенных обалдуя, разгильдяя, любителя пощекотать нервы себе и довести до седых волос беспокоящихся за них родственников. Те самые, вместе с которыми прежний хозяин тела состоял в «патруле» и кто был с ним тогда, когда тому прилетело камнем по башке. Вместе появились, верхами. Пыльные... Ну да ничего, это все мелочи жизни.

Филипп Мак-Грегор – главный заводила в компании. По причине жидких волос на голове лет в восемнадцать обрился наголо и до сих пор не изменял этой привычке. А сейчас ему стукнуло двадцать пять, он был наиболее великовозрастным из всех. И еще любитель выпить и девочек. Неважно каких. Полненькие или худышки, блондинки или брюнетки, англосаксонского или испанского типа – ему нравились все, и со всеми он стремился установить тесные и непременно гори-

горизонтальные отношения.

Помимо прочего, с такими сомнительного рода талантами, он довольно часто получал по физиономии и пару раз даже был вызван на поединок. Стрелок из него был откровенно средний, поэтому рисковал оба раза весьма серьезно. Хорошо еще, что в первый раз противник попался тоже «не фонтан», а дистанция была пятьдесят шагов, да к тому же стрелялись из однозарядных пистолетов. Оба промазали... конфликт был исчерпан. Вот во второй для Мак-Грегора все было куда печальнее. Противник без лишних церемоний во-гнал пулю в ту самую руку, в которой тот держал пистолет. И не преминул заявить, что если бы условия поединка были иные, а не на один выстрел за малое время, то пуля попала бы не в руку, а в «тупую башку недоумка, пытающегося за-дирать юбки даже тем, от кого следует держаться подальше».

Филипп был сам виноват. Умудрился же ухлестывать за слабой на передок женушкой известного в Джорджии ган-файтера. Мало того, еще и не позаботился как следует скрыть свою причастность к увеличению и так немалых ро-гов стрелка. Вот и допрыгался. Думаю, что его не пристре-лили окончательно лишь по двум причинам. Во-первых, ган-файтер знал, что его женушка та еще шлюха. Во-вторых, не хотел из-за ситуации, где вина больше лежала на его же-не, ссориться с большим и довольно отвязанным семейством Мак-Грегоров. Шотландская кровь, понятие клана, оно про-должало жить и на этой земле. А вот прострелить руку блуд-

ливому юнцу – за это семейство мстить не станет. Соответствующее проступку наказание.

Все эти сведения пронесли в голове за пару секунд. Еще столько же понадобилось для того, чтобы понять, для чего больше всего пригоден именно этот человек. В тех самых моих далеко идущих планах.

Следующий... Вилли Степлтон, родословная которого уходила к временам войны Алой и Белой Розы. Длинная череда родовитых предков. Безупречные манеры... которыми он пользовался лишь тогда, когда сам считал это нужным. Средний рост, среднее телосложение. И ничего от англичанина в лице. Напротив, не зная историю его и его рода, Вилли принимали за испанца или, с поправкой на местность, за мексиканца. Лицом он пошел в мать, донью Амалию Бланку де ла Нуньес. Степлтон-старший, будучи по делам в Бразилии, не мог пройти мимо красивой, богатой и умной португалки. Да еще с не менее длинной и замысловатой родословной, чем у него самого. Результат их законного брака сейчас неспешным шагом приближался ко мне, перед этим бросив поводья подбежавшему конюху.

Смешение латинской и англосаксонской ветвей расы дало своеобразный, но воистину качественный результат. Классическая невозмутимость и «рыбья кровь» британского аристократа в обычное время. Дикая ярость и свойственная лишь испанцам, португальцам и местным латиносам запредельная жестокость в экстремальных ситуациях и в момен-

ты, когда его пытаются оскорбить или тем паче унижить. Были случаи, я их помню. Прежний хозяин тела был потрясен, хоть и старался не подать вида. Я же считал это нормальной, пусть и жесткой реакцией. Сам чем-то в этом на него похож.

Вояка! В самом хорошем смысле этого слова. Правда, в академии Вест-Пойнт не обучался, но не по причине нежелания. Просто старший сын, наследник, на которого у его отца были несколько иные планы. Были, да не совсем сложились. Не желая прямо идти на конфликт с отцом, Вильям избрал обходной путь. Изучение всей теории по заказанным книгам. Ну а практика... С ней было похуже. Пусть стрелять из карабина или винтовки он научился превосходно, ну а искусство наездника на Юге было у многих буквально в крови... В других областях приходилось довольствоваться суррогатом в виде охоты за беглыми неграми. Да еще надеяться, что в ближайшие годы, когда подрастут младшие братья, отец поймет, что те куда больше подходят на роль плантаторов, управляющихся с семейным достоянием.

И третий закадычный дружок моего донора – личность в высшей мере таинственная и своеобразная. Джон Смит. Джон и, извольте видеть, непременно Смит! То же самое, что в моем времени кто-то представится Иван Ивановичем Ивановым. Бре-ед! И если бы только имя...

Джон – парень неопределенного возраста, которому можно было дать от двадцати до эдак двадцати семи – был горазд рассказывать разные интересные истории. Местами из

как бы своей биографии, местами из жизненного опыта приятелей. Прежний хозяин тела не улавливал некоторых нюансов, зато я, получивший его память, кое-что подмечал. Джонни был не отсюда, это было ясно всем. Акцент выходца из северных штатов, поведение... Да и места, про которые он говорил в своих рассказах и байках, были отделены от Джорджии большим расстоянием: Мэн, Вермонт, Массачусетс. Складывалось впечатление, что он постарался оставить между привычными местами и собой любимым как можно большее расстояние.

Впрочем, это тоже немного значило. Разрыв с семьей, неразделенная любовь или иные романтические бредни. Кстати, он даже пару раз о чем-то подобном намекал. Не говорил, о нет! Джонни был парнем умным и хитрым, не желал, чтобы в будущем выплыла какая-то серьезная ложь. Намеки же к делу не пришьешь, они нечто иное. Зато некоторые продемонстрированные Джоном, понимаешь, Смитом умения...

Скоростная стрельба из револьвера. Именно что скоростная, действенная на относительно малой дистанции, особенно против нескольких противников сразу. Обращение с ножом. Ножевой бой, метание... Да и стиль. Сам я невеликий спец по холодному оружию, но кое-что читал и кое-что видел. Не-ет, Джон был ориентирован на быстрое устранение противника. Самый лучший для него вариант, как я понял, оказаться сзади и, одной рукой зажав рот, другой ударить в

спину. Пару раз, чтоб наверняка. Специфические повадки, наводящие на вполне определенные мысли.

Имя однозначно липовое, тут и гадать нечего. Наверняка накуролесил в северных штатах, давно и прочно стоя если не по ту сторону закона, то уж точно на грани. Вроде той, где комфортно расположились господа ганфайтеры, они же охотники за головами. А накуролесив, решил скрыться, здраво опасаясь знакомства либо с пулей, либо вообще с веревкой.

Как же этот человек без четкого прошлого умудрился устроиться в среде плантаторов Юга, которые обычно серьезно присматриваются ко всем новоприбывшим? Случай помог. Тот самый, который порой играет столь важную роль в судьбах человеческих. А началось все с того, что одна юная леди из семейства Мак-Грегоров решила проехаться на своей лошадке по окрестностям. Мало того что без сопровождения, так еще и сильно задержалась. А когда смеркается, то можно разглядеть смотрящих из тени чудовищ...

Впрочем, чудовищ тут не водится. Зато имеются люди... или не совсем. Уж не знаю, можно ли отнести к таковым тех, которые попытались воспользоваться доступностью юной и по сути незащитной девушки в самых малопотребных целях. Вестимо, рабы беглые, кто ж еще-то! Эх, ничего со временем не меняется! Как в двадцать первом веке широкие негроидные массы больше всего любили ночью поймать и изнасиловать белую девушку, так и полтора века назад та же

картина имела место быть. Только здесь у них возможностей для этого куда меньше, да и ни о какой толерантности с политкорректностью слышать не слыхивали. А проповедующего даже жалкое их подобие тут, на Юге в лучшем случае высмеяли бы.

Что до юной Мак-Грегор, то она избежала печальной участи по причине того, что Джон, будучи в малость подвыпившем состоянии, тащился куда глаза глядят, поздневечерний моцион совершая. Ну и увидев приблизившихся к девушке с недобрыми намерениями негров, без малейших раздумий открыл огонь из револьвера. Двух наглухо, еще двоих ранил, а последний убежал так быстро, что... Да и не собирався Джонни его догонять. Ведь ловить негра в потемках...

Вот с того самого случая выходец с северных штатов, личность весьма мутная, и получил хороший задел для освоения тут. Хотя... какое там освоение! Поселившись изначально на временной основе в одном из домов семьи Мак-Грегор, Джон Смит так и продолжал там находиться вот уже три с лишним года.

Работа? От любых предложений заняться делом он увиливал, как помесь угря с выюном. Единственное исключение – участие в «патруле», тут он сам инициативу проявил, даже намекать не пришлось. Остальное же – увольте.

Вместе с тем сидящим на шее Мак-Грегоров нахлебником его нельзя было назвать. Деньги... имелись, причем не сказать что малые. Он вполне мог бы и за проживание платить,

но этого уже сами Мак-Грегори не могли позволить. Человек, спасший одну из них, был желанным гостем от того момента и вплоть до бесконечности. Юг в этом плане был куда ближе к старой аристократии, чем суетливые, озабоченные лишь наживой северяне, все сильнее забывающие о том, что помимо выгоды есть еще и честь.

Вот такие вот три друга имелись у моего донора. Именно друга, а не приятеля. Надежные уже хотя бы потому, что спину они друг другу прикрывали, а это верный показатель. А раз так, то и мне грешно от подобной роскоши отказываться. Тем паче в тех задумках насчет ближайшего будущего, которые уже начали оформляться в голове. Помощь надежных людей сильно пригодится. Да что там, будет и вовсе незаменимой!

Глава 2

*США, штат Джорджия, близ Бейнбриджа,
май 1860 года*

– Фил... Вилли. Джон! Рад, очень рад каждого из вас видеть.

Первым добравшийся до меня Мак-Грегор мало того что изрядно похрустел костями моей руки при рукопожатии, так еще и ребра помял, полезши обниматься. Медведь, блин, шотландский! Зато Вильям был, как и всегда, в обычном своем состоянии, сдержан и корректен, потому ограничился нормальным рукопожатием и словами:

– Надеюсь, такого больше не случится. У меня не так много друзей, чтобы лишаться одного из них из-за жалкого беглого раба с камнем.

– Ну, он за это уже расплатился. Сполна.

Легкая улыбка и едва заметный промельк в глазах Степлтона позволили теперь уже воочию, а не по чужой памяти, убедиться в той хищной сути, что скрыта за респектабельным фасадом. Видел я таких у себя, в родном времени. Опасные враги, но если на твоей стороне, то можешь считать, что фортуна улыбнулась по полной.

– Да ты совсем-совсем здоровый, Вик, – неслабо так хлопнул меня по плечу Джонни. – Плохо верится, что недавно от

труппа мало чем отличался.

– Сам с трудом верю. Проходите в дом, вы первые из приехавших. Да оно и неплохо. Сначала чуть поговорим, да и после у меня важный разговор будет. Очень важный.

– Важный? – сверкнул глазами Джонни, и в его лице что-то неуловимо изменилось. – А ведь верю. Сейчас – почему-то верю, – и тут же привычная маска простого, без особых затей, человека. А секунду назад проявилось нечто хищное. Но не того разряда, что у Степлтона. Куда как поковарнее. Значит, верно я про тебя подумал, «Джон Смит». – Сестры твои, красавицы, мужское общество украсят?

– Несомненно. Большую часть времени, – усмехнулся я, вспоминая некоторые нюансы. – Только ты, Филипп, с лицом своим поосторожнее.

– Вик?

– Да-да, с лицом. А то оно у тебя, когда красивую девушку видишь, становится как кошачья морда, когда тот миску сметаны в пределах досягаемости узрит.

Смеялись все, включая самого Мак-Грегора. Благо его удачные и не очень похождения по завоеванию сердец и не только прекрасной половины человечества давно стали притчей во языцех на местном уровне. Но стоило заметить, что к родственникам друзей он подступаться даже и не помышлял. Смотрел с привычным азартом в глазах – это да. Это уж чистой воды инстинкт бывалого донжуана. Зато переступать определенную черту – ни-ни.

– Всегда Филипп, – с нарочитой обидой вздохнул бритоголовый. – Я-то нормально смотрю, вижу, поступаю так, как и должен нормальный мужчина в расцвете сил. А вот наш Джонни никак своего счастья видеть не хочет! Смотрит куда угодно, только не в нужную сторону.

Теперь пришла очередь посмеяться над Джоном. Тоже беззлобно. Тем более что тема была давней, также всем своим известная. Принцесса, влюбившаяся в рыцаря, победившего похитившего ее дракона. Правда, вместо дракона были лишь несколько беглых рабов, но все равно романтика присутствовала, куда ж без нее! Так что Сильвия Мак-Грегор, двоюродная сестра – а по-местному кузина – Филиппа, давно уже вздыхала по своему спасителю. Ну а тот... Относился к ней весьма даже неплохо, но явных попыток претендовать на ее руку – сердце и так уже того, было – не делал. Не в последнюю очередь по причине того, каким отец Сильвии, Коннор Мак-Грегор, видел жениха своей дочери.

Джон был хорош в качестве гостя, друга семьи, человека, в случае необходимости способного легко и без раздумий пристрелить врага. Но вот в качестве мужа своей дочери он хотел видеть кого-то посерьезнее и с видимыми перспективами. Однако Сильвия, в которой тоже текла кровь Мак-Грегоров со всем растворенным там упрямством, уперлась рогом. И единственное, чего добился отец – обещания подождать года три-четыре. Искренне надеялся, что за это время влечение Сильвии поутихнет. Однако не тут-то было! И ни-

какие подбираемые кандидаты в женихи не помогали.

Потому скрепя сердце Коннор Мак-Грегор хоть и оттягивал неизбежное, но потихоньку смирялся с ним. Отсюда и все усиливающиеся попытки занять Джонни чем-то более серьезным, нежели «патруль» и ничегонеделание с друзьями. Равно как и осторожные попытки выяснить, а какими средствами располагает его будущий зять.

Только вот узнать о капитале и его происхождении у Джона было чуть ли не сложнее, чем выдать замуж сорокалетнюю девственницу. Равно как и узнать что-то о его семье, не получив в ответ ворох туманных присказок и смутных фраз.

Люблю загадки! И если представится случай, непременно попытаюсь докопаться до истины. А случай, как мне кажется, в относительно скором времени представится. Особенно если разговор пойдет в нужном направлении и удастся развести кое-кого на частицу откровенности.

Меж тем, перебрасываясь фразами обо всем и ни о чем, мы как-то незаметно подошли к дому, а там и внутри оказались. Затем в гостиную, путь в которую был хорошо знаком всем трем прибывшим гостям. Сколько раз они тут бывали, даже не сосчитать. Так что удобные кресла – или, в случае Джона, стену, которую удобнее спиной подпирать – нашли без труда. Предложение освежиться прохладными напитками, да и сигару выкурить, пока остальные гости еще не появились, было принято с заметным энтузиазмом. Правда, Фил заказал не прохладительное, а совсем даже наобо-

рот, горячительное. Иными словами, дозу виски. Ну да дело хозяйское. Но еще до того как служанка – Хуанита, женщина латиноамериканских кровей средних лет – принесла заказанные гостями напитки, появились и мои, хм, сестрички. Обе, что характерно. И сразу попали под шквал естественных для Филиппа комплиментов, которые он раздавал уже чисто рефлекторно, как само собой разумеющееся. Но не стандартные, а относящиеся к той или иной женщине. Подчеркивая достоинства той и умело обходя недостатки, если таковые имелись. Бабник, что тут еще сказать. Но со стилем!

Пока Филипп развлекался привычным для себя образом, Джон, глядя на это, ехидно ухмылялся, а сестры благосклонно внимали потоку славословий... Вильям, которого это не интересовало, спросил:

– Давно меня занимало, почему у тебя в доме прислуга не из просто рабов или даже освобожденных, как некоторые делают? Должна быть причина. Не требую ответа, по дружески спрашиваю. Это ведь не тайна?

– Да какая тут тайна, – слегка улыбнулся я, раскуривая тонкую сигарку, больше всего напоминающую по габаритам привычные сигареты. – Даже немного удивлен, что ты раньше не спросил. Я, как и мои предки, не доверяю рабам. В любой момент от них можно ждать чего угодно. Иная кровь, совершенно другие мысли в голове. Они предсказуемы по сути и даже, при некоторых усилиях, по времени возникновения... Но стоит ли держать в доме койота, который укусит

тебя за... пятку, как только ты будешь в не самом лучшем состоянии?

– Такого почти не случалось.

– Ключевое слово тут именно «почти», – раскурив, наконец, сигару, я выпустил в потолок струю ароматного дыма. – Поэтому не хочу ощущать себя неуютно в собственном доме.

– Почему мексиканцы и полуиндейцы?

– Деньги. Они не так много запрашивают. Кстати, напитки прибыли. Благодарю, Хуанита.

Небольшая пауза в нашей беседе, но потом она возобновилась. И я заметил, что другие тоже к ней помаленьку прислушиваются, хотя и не полностью на ней сконцентрировались.

– Глубокомысленно, Вик. Раньше ты так не рассуждал. Я удивлен!

– Все мы вырастем, Вильям. Кто-то постепенно, кто-то рывком. Ну а я, наверное, по-особенному... Думаю, что мне очень хотелось продлить беззаботное время, поэтому я и позволял себе думать, мыслить, рассуждать, но до поры не оставлять и прежнюю легкость.

– Разве что-то изменилось?

– Кроме камня по голове и понимания того, что все это – неопределенный взмах рукой, – может мигом взять и исчезнуть? Пожалуй, что да. То самое умение рассуждать и желать выводы из происходящего вокруг нас. Вокруг – это не близ Бейнбриджа и даже не в Джорджии, а в целом по стране.

– Вот как. Мой отец также обеспокоен и поделился со мной некоторыми мыслями. Это не тайна, и я могу...

Небольшая, но многозначительная пауза. Понимаю. А вот донор бы не уловил этого, не тот склад мышления.

– Не стоит... утруждаться два раза подряд. Я все равно собираюсь поднять за столом эту тему. А при большем количестве людей и прозвучит убедительнее, да и куда как удобнее. Со стороны порой подмечаются интересные аспекты. Сам знаешь, мои соседи более почтенного возраста. Различие поколений, которого у нас, тут собравшихся, в принципе быть не может.

– А кто еще приглашен?

– Уэйн и Бакхорст, конечно. Оба, как всегда, придут с супругами. А вот Холландер не появится. Отправился по делам в Олбани и не вернется еще с пару недель. А его жена леди старых правил, без мужа редко по гостям ходит.

Степлтон в ответ на то лишь улыбнулся. Понимал суть. Этикет – штука серьезная, хотя может довольно широко варьироваться. Сам он пользовался то одной его вариацией, то другой. Аккурат по своей выгоде. А уж в хороших манерах был подкован с двух сторон, со всеми отличиями латинских и английских правил.

Дальше разговор свернул на обсуждение последних новостей и сплетен. Тут можно было и посмеяться, и посочувствовать некоторым из соседей. Светский треп – я назвал бы происходящее именно так. И мне это очень даже нрави-

лось. Особенно в сравнении с тем, что было привычно тогда, в прежней жизни. Атмосфера была совсем другая, не преисполненная ядовитого цинизма, пошлостью и всего в этом роде. Слово «честь» было отнюдь не пустым звуком, а за любую подлость тут с легкостью вызывали на дуэль, не доводя дело до суда. До суда тут вообще нечасто доходило.

В общем, сидели дружно, общались хорошо. А там и оставшиеся гости подоспели: Грегор и Лавиния Уэйны, а также Роберт и Марта Бакхорсты. Прибыли с интервалом минут в пять, как раз, чтобы поприветствовать и проводить в дом первых и успеть встретить вторых.

Обе супружеские четы были дружны с родителями донора, а к его детям относились почти что по-родственному. Часто появлялись, готовы были в случае чего помочь словом, советом и делом. В этом не было ничего удивительного. Юг, однако. Все знали всех в определенном секторе, плантаторов связывала не только и не столько кровь, сколько дух этих земель. Ну и понимание того, что только держась друг за друга, они представляют силу. А если связи нарушить – по отдельности им не устоять. Против кого? Да хотя бы против тех господ с севера, от которых на юге давно уже не ожидали ничего хорошего. Никакого единства между южными и северными штатами не было где-то с начала века. А к середине легкое недоверие переросло в открытое противостояние и глубокую неприязнь.

И дело было не только и не столько в самой рабовладель-

ческой системе Юга. Это так, верхний слой, удобный и эффективнее всего выставляемый напоказ. На самом же деле бал правила ее величество Выгода! Экспорт хлопка, а в меньшей степени и иных выращиваемых в южных штатах культур, приносил очень большие деньги. Но вот промышленные товары и предметы роскоши южанам было гораздо выгоднее завозить из той же Европы, нежели покупать на Севере. И это с учетом того, что стоимость заокеанских товаров нехило так вырастала за счет транспортных расходов.

О чем это говорило? О феноменальной жадности финансовых воротил Севера, которые, имея возможность снизить цену, нипочем не желали этого делать. Ага, та самая погоня за сверхприбылями, от которой эти господа не отказались вплоть до следующего тысячелетия! Уж я в этом на своей шкуре убедился, имел такое сомнительное удовольствие.

Зато были истеричные вопли на самом верху. Равно как и попытки вместо снижения цен на свои товары ввести огромные пошлины на иностранные. Мало им было и так больших налогов, которые уплачивали плантаторы.

К слову, это лишь одна из причин конфликта, пусть и из числа наиболее весомых. Имелись и другие, куда более заковыристые. Впрочем... Сейчас всех нас ждал хорошо приготовленный и роскошный ужин. Следовало сначала отдать должное ему, а уж потом переходить к более серьезным и не столь приятным делам.

Ранний ужин шел хорошо. Достойное общество, легкие застольные беседы, чередуемые подачей новых блюд. Правда в кухне отчетливо прослеживались испанские мотивы, ну да учитывая личность повара, оно и неудивительно. К тому же гости удивлены не были. И правда, чему тут удивляться, если оно длится много лет подряд?

Обсуждали дела на моей и окрестных плантациях, планы насчет реализации хлопка, проблемы с воспитанием детей и внуков – это уже Уэйны и Бакхорсты подняли тему, которая молодым поколением поддерживалась лишь из вежливости. Нас-то воспитывать точно не стоило, сами воспитались.

А затем, уже когда были поданы десерты и кофе, проскользнула тема, которую я не мог упустить. Причем поднял ее Роберт Бакхорст – седоволосый и кряжистый бородач, недавно разменявший шестой десяток. Суть темы – грядущие президентские выборы, насчет которых Юг пребывал в глубоком пессимизме.

– Этот пройдоха Линкольн! – размахивая дымящейся трубкой, рычал Бакхорст. – Я слышал, что республиканцы хотят выдвинуть его. Он, видите ли, «отвечает их идеалам и является компромиссной фигурой в вопросе о рабстве». Компромиссной! Пусть Господь покарает его одной из своих молний!

– Тише, дорогой... И ты знаешь, у нас на юге за этого, прости меня Боже, проходимца никто не отдаст свой голос.

– Я еще сдерживаюсь, Марта, – чуток сбавил громкость Бакхорст. – Но если ты думаешь, что я преувеличиваю, давай спросим у Виктора. Он хозяин дома, а значит, должен высказаться.

Ай спасибо тебе, Роберт. Не пришлось аккуратно выводить нить разговора в нужную сторону. Надо всего лишь подхватить эстафету, а заодно использовать свои способности аналитика. Зачем? Да чтобы на примере этой типичной для южных штатов компании лично понять уровень их несовместимости и готовности противостоять Северу.

– Выборы-выборы. – А в голове всплывает известное продолжение, озвученное певцом-матерщинником Шнуром. – Их однозначно выиграет кандидат от Севера, причем совершенно неважно, флагом какой партии будут махать за его спиной. Все дело в количестве населения в южных и северных штатах. Я тут не так давно имел возможность ознакомиться с примерной оценкой численности населения. Результаты...

– Какие? – не выдержал Филипп. – Вик, не медли!

– В северной части, то есть территории этих янки, проживает около двадцати миллионов. У нас несколько менее десяти. Причем из них половина – это негры, которым, как вы понимаете, здесь никто права голоса давать и не собирается. Делайте выводы, леди и джентльмены, делайте выводы. Сле-

дующим президентом будет Линкольн, если только янки не захотят сменить вывеску, выдвинув вместо него очередную «говорящую голову».

– Прости, Виктор, какую голову?

– Говорящую, – улыбнулся я, отвечая на вопрос задавшему его Грегору Уэйну. Этот джентльмен был не слишком силен в образном мышлении, да и метафоры не очень воспринимал. Предпочитал конкретику. – Сам по себе Линкольн или любой другой на его месте значит не так чтобы очень уж много. Он лишь выражает интересы тех, кто стоит за его спиной. В нашем конкретном случае это банкиры и крупные промышленники. Хотя пер вые более значимы в силу некоторых причин, которые я не хочу сейчас излагать. Долго будет и малоинтересно для всех нас. Да и речь не совсем о них идет. Но очевидно, что победа Линкольна не принесет Югу ничего хорошего. Поэтому...

– Отделение, – сказал, как припечатал Вильям, после чего тяжелым взглядом обвел всех присутствующих. – Не мои слова, отца. И других, кто высоко сидит. Другого пути нет.

Слово прозвучало. Я же, ожидавший подобного момента, смотрел на лица и отражающиеся на них эмоции. И увиденное меня откровенно радовало. Никакого отторжения, лишь понимание, что при таком варианте иного выхода для Юга действительно нет.

Там, наверху, то есть в среде губернаторов и конгрессменов, еще могли питать какие-то иллюзии. Да тому пример

и нынешний президент-южанин, Джеймс Бьюкенен, невероятным стечением обстоятельств сумевший победить на прошлых выборах. Вот он продолжал верить, что можно как-то договориться, найти общий язык... Ага, с банкирами и их ставленниками, которые спали и видели устранение угрозы для них, которую они ощущали в том пути, по которому двигался Юг. Юг с его опорой не на многочисленные эмигрантские потоки, а меньшее число, но куда более качественное, более развитое в разных сферах бытия.

Нет уж, с такими договариваться себе дороже. Запутают, закормят ложными обещаниями, после чего ослабят и потом схарчат жертву, ставшую менее опасной. Знакомое дело. Просто сейчас они в самом начале пути. Апогея же это их умение достигнет через век с небольшим. Печальный факт, однако!

Потому мне и хочется приложить все усилия, чтобы этот монструозный конструкт, каким стали знакомые мне с детства США, не смог состояться. А для этого... Есть задумки, еще как имеются.

Тем временем разговор снова свернул на куда более мирные и приятные для большинства собравшихся темы. Ну да это и неплохо. Чрезмерно заострять внимание на грядущем сейчас не стоило. Для всех не стоило. А вот для дружной троицы – непременно и обязательно. Только не сейчас, а после того, как старшее поколение, утомившись, отправится либо по домам, либо почивать в гостевые комнаты. Впрочем, ско-

рее всего по домам. Недалеко, да и места вполне спокойные.

Собственно, так оно и произошло. Сначала, сославшись на дела, которые ну никак нельзя надолго бросать, откланялся Уэйн с супругой. Ну а еще минут через двадцать засобирались и Бакхорсты. Все же сказалось не слишком большое количество тем, которые можно продолжать. Разница поколений, что тут скажешь. Вот и остались той самой узкой, но дружной компанией. Оставалось только под благовидным предлогом сестричек спровадить.

Легче сказать, нежели сделать. Что Елена, что Мария – те еще энергичные и любопытные создания. Зато... О, точно! Это и впрямь неплохой вариант.

Улучив момент, я шепнул Вильяму:

– Если не затруднит, то вместе с Филом выведи моих сестричек вечернюю прогулку совершить. Ненадолго, даже минут двадцати хватит. Фил, он такой, умеет девушкам голову морочить. Они его общество любят.

– Даже Мари?

– Он ее забавляет, – криво усмехнулся я, зная отношение сестры к лысому бабнику. – Любит смотреть за тем, как другие тают от расточаемых комплиментов.

– Хорошо. Сделаем. Тебе ведь нужно поговорить с Джоном?

– Именно. Хотя потом почти обо всем и с вами. Просто он может кое-что подсказать насчет... выгодных финансовых вложений. Сам знаешь, что о капитале стоит бережно

заботиться.

— Я знаю. А вот Джонни, — Вильям пару раз щелкнул пальцами, словно подбирая подходящее выражение. — Пойми, Вик, он и мой друг, но Джонни и финансы... Удивлен, что у него хоть какие-то деньги есть. И не похоже, что наследство. Может, на золотых приисках повезло? Его могло по всему континенту поносить.

— И я о том же. Наш друг таит в себе много интересного. Степлтон понимающе кивнул.

— Да, тогда лучше один на один. Помогает при доверительных разговорах. Если захочешь, то потом расскажешь. Потом, оно может быть и далеко по реке времени.

Понятливый. И это хорошо. Хоть такие люди и сложные по натуре. Зато их потенциал куда как выше среднестатистического человека. Закон природы, хоть и не признанный официально даже в моем времени.

Мак-Грегора упрашивать устроить небольшую прогулку в женском обществе никогда не приходилось. Так что уже через четверть часа я остался тет-а-тет с Джоном, по моему мнению, ни разу не Смитом.

* * *

Чутье! Оно у некоторых людей работает быстрее разума. Вот и Джонни в это число явно входил. Не зря с легкой улыбкой смотрел за тем, как два наших друга с дамами собрались

прогуляться, в то время как мы остались в доме. И вопрос его был вполне логичен:

– И зачем я тебе понадобился, Вик?

– Друзья нужны всегда. Это так, к слову, чтобы ты не пойми чего не помыслил. А ты был и остаешься моим другом, – с ходу уточнил я, чтобы не накалять обстановку. – В остальном же... Мне бы очень пригодилась твоя помощь, Джонни. Только сможешь ты ее мне оказать или нет, зависит от одного очень интересного нюанса...

– Это какого?

– Тот ли ты, кем тебя многие считают, или же под маской обычного славного парня, мастера рассказывать занятные истории и просто обаятельного человека таится некто более сложный и интересный.

Спектр эмоций на лице. Сложно читаемых даже мной, порождением грядущих времен, а про местных и вовсе говорить не стоит. Легкое изумление, возникшая, но мигом отброшенная подозрительность... Затем тень любопытства и хитрая расчетливость. А венцом всему непреклонная уверенность в собственных силах, явно сопровождающая этого человека всю его недолгую, но однозначно яркую жизнь.

– Как догадался?

– Стрелок, ориентированный на скорость, но с меткостью у тебя не слишком. Владение ножом, так обычно индейцы армейские патрули вырезали. Ночью, со спины, чтобы и пистолета не было. Все твои рассказы родом из северных штатов.

Рядом расположенных и отсюда очень удаленных. Да и маленькие расхождения в рассказах. Иногда ты говорил, что кое-что произошло с тобой, потом, через несколько месяцев, эта деталь всплывала в рассказе об одном из твоих друзей... Заметить сложно, но все же можно.

– От тебя я такого не ожидал, – честно признался Джонни, пристально буравя меня испытующим взглядом. – Верю, что ты не хочешь и не станешь делиться этим с другими. Тогда снова спрошу... Зачем?

– И снова отвечу, что мне бы очень пригодилась твоя помощь, но лишь в том случае... А для прояснения теперь уже у меня один не очень приличный вопрос. Сколько у тебя осталось денег? И если ответ будет «мало», «не очень много» или «хотелось бы больше», то я, как ни прискорбно это говорить, буду рад.

– Не слышу в твоем голосе злорадства, да и не свойственно оно тебе, Вик. Выходит, что хочешь предложить мне заработать. Меня это... интересует. Денег и правда осталось немного. Хватит еще года на два-три, если продолжать ту же жизнь, которую я сейчас веду.

Такой ответ меня очень даже устраивал. Всем было очевидно, что работать Джонни не любил, а жить привык хорошо. А раз деньги скоро закончатся, то... И женитьба на Сильвии Мак-Грегор не стала бы панацеей. Ее отец непременно стоял бы над душой зятя, требуя заняться делом. Единственное, что могло его выручить – подтвержденное на-

личие такой суммы, которая априори освобождала бы его от необходимости работы. И именно это я и собирался ему предложить. Однако повторюсь, лишь в том случае, если он верно для меня ответит еще кое на что.

– Скажи, Джонни, ты был просто ганфайтером или твои интересы заходили еще дальше?

– Всякое случалось. Да, Вик, я налью себе еще кофе? У тебя в доме его варят бесподобно.

– Конечно, угощайся...

Паузу взял. Кофе тут лишь подходящий предлог. Понимаю, уж слишком резко и неожиданно все на него свалилось. Частичное раскрытие созданного образа, смутное предложение от меня, которое толком не прозвучало, зато уже появился намек на большие деньги. Ничего, если он и впрямь из тех самых, то должен согласиться. Но лишь после того, как я объясню суть.

Джонни, со свеженалитым кофе вновь занявший кресло напротив моего, выжидал. Прихлебывал маленькими глотками напиток, скользил взглядом по многократно виденной обстановке комнаты... То есть делал то, что и стоило в такой ситуации – передавал ход тому, у кого на руках карты. Мне.

– Скоро президентские выборы, на которых победит кандидат Севера. Юг этого не потерпит и разорвет все связи с этим президентом и его правительством. То самое отделение, о котором сегодня говорили. Понимаешь?

– Вилли впустую болтать не станет, – согласился Джон. –

Только кто ж нас, таких богатых от продажи хлопка, отпустит?

– Верно, никто. А значит, начнется что?

– Проблемы...

– Эх как ты мягко выразился, – не удержался я от улыбки. – Война будет. Разумеется, после того, как нас попытаются заманить обратно, сначала пустыми обещаниями, а затем вполне реальными угрозами. Только вот к войне мы, скажем так, не очень готовы. Совсем не готовы. И не улыбайся, имелась у меня возможность узнать. Дело даже не в гораздо меньшем числе потенциальных солдат. Юг – аграрный край. Промышленность изначально развивалась там, где сельское хозяйство менее выгодно. Это естественно для любой страны, но... Когда из одной страны образуется две, подобный нюанс очень больно ударяет по той, которая образовалась на землях с малой концентрацией промышленности.

– Я не такой образованный, Вик. Попроще.

Ладно, будет тебе попроще. Благо это дело нехитрое.

– Солдат нечем будет вооружать. Да, у каждого южанина в доме есть оружие. Но револьвер или старый одно-, двухствольный пистолет – для войны оружие неподходящее. А ружья, карабины и винтовки в большинстве своем устаревшие. Хороши для охоты и поддержания порядка, но не в условиях войны. Там нужно сочетание дальности и скорострельности. Сейчас понятно?

– Сейчас – да.

– Вот и хорошо. А еще для стрельбы нужны патроны. Много патронов! Кстати, где у нас патронные заводы? Правильно. Нет их. Ну или почти нет, что не сильно отличается. Остальные сектора, также необходимые для нормального ведения войны, я пока даже не затрагиваю, хотя и могу.

Джонни слушал внимательно. Видно было, что сказанное отторжения у него не вызывает. Да и не было это по большому-то счету ни для кого секретом. Просто над этим не задумывались и все тут. Своего рода инерционность мышления, только и всего. И именно по этой причине армии Юга будут после начала войны в большой заднице, а с ее продолжением будут скатываться туда все глубже и глубже. Мужество, большая в сравнении с северянами выучка, лучшие командиры... Все это лишь оттягивало окончательный крах, но никак его не предотвращало. Правда этого, по вполне понятным причинам, я говорить не собираюсь. Не идиот, чай!

– Ты изменился, Вик! – в словах было не столько удивление, сколько констатация факта. – Сильно.

– Скорее уж проявилась другая часть меня. У некоторых из нас не по одному лицу, тебе ли этого не знать.

– У меня были весомые причины. У тебя же... Но ты прав, оба мы не совсем те, кем кажемся другим. Глоток виски по такому случаю?

– Тебя не отговариваю, а сам воздержусь. После того камня у меня от крепких напитков голова кружится и нехорошо становится. Так что разве очередной чашечкой кофе компа-

нию поддержку.

Соврал, конечно. Просто, в отличие от прежнего хозяина тела, пью куда как меньше. А залегендировать этот аспект требуется, чтобы недоуменных вопросов каждый раз не возникало. Так что действительно обойдусь новой чашкой кофе, тем паче что кофейник еще где-то на треть полон и даже служанку вызывать не надо ради новой свежесваренной порции.

Проглотив порцию виски, надо заметить, что весьма скромную, Джонни, проигнорировав закуску, вернулся к поднятой теме:

– Я тебя понял. Южные штаты готовы к отделению, но не готовы к войне, которая за ним последует. При чем здесь я и твоё предложение?

– В последнее время я много думал над тем, что можно сделать, чтобы не избежать проблем, но хотя бы смягчить их. И представь, для этого нужны деньги. Большие, даже огромные. Зачем? Новые винтовки лучше не просто купить, а заодно и приобрести все нужное для оружейного завода. То же самое насчет патронного производства. Запасы сырья, о них тоже не следует забывать. Лично у меня и близко нет такой суммы. А просить у каждого из состоятельных людей понемногу... Сейчас это бесполезно. Люди просто не видят надвигающейся тени большой войны.

– И ты хочешь...

– Взять у тех, кто никогда не был другом Юга. Более то-

го, у тех, кто при первой возможности вцепится нам в горло. Тех, кто проталкивает на пост президента абсолютно чуждого нам Авраама Линкольна – проводника неприемлемых для нас идей вроде закона о гомстедах, освобождения негров с последующим наделением их равными с нами правами и тому подобных идей. У банкиров...

Джонни задумчиво вертел в руке опустевший стакан, в котором раньше плескалось виски. По сути, я уже все сказал, только что прямо не проговорил цель. Ну а метод и так очевиден.

– Фил и Вильям не поймут...

– А кто им скажет-то? Уж точно не я. Все знают, что мой дед привез из России состояние в золоте и драгоценностях. Но никому не ведомо, какую именно часть он потратил, а какую оставил потомкам на «черный день». Сам знаешь, о подобном спрашивать не принято.

– Не принято...

Задумался. Сразу не отверг подкинутую мысль. Более того, напомнил о том, что двое других наших друзей по-любому должны оставаться в неведении насчет... Быть может, насчет того замысла, который он склонен принять, если его правильно убедить? А ведь похоже на то. Тогда надо найти еще парочку весомых аргументов. Что у нас там идет впереди всего? Безопасность. Точнее сказать, высокие шансы на успех рискованного предприятия. Ну а тут мне есть чем приободрить нашего таинственного Джонни. Как ни крути,

а патриархальная эпоха еще не привыкла к тому, что войдет в моду значительно позже.

– Большая часть мной продумана. Давай вот как поступим. Сейчас я кратко пройдуся по основным вехам своего замысла. А ты, как человек опытный... Ведь опытный?

– Сам не участвовал. Я немного ганфайтер, немного... Любил пустынные дороги. Зато наслышан... немного. Знакомства были.

Приоткрылся... романтик с большой дороги! Но эта область для него и впрямь иная, непривычная. Ничего, в той среде слухи разлетаются быстро, что-то наверняка в одно ухо влетело, да в голове и осталось.

– Пока и этого достаточно. Тогда я говорю, а ты слушаешь. Если что-то непонятно – уточняй. Покажется бредовым – отметь. Выясним, бред ли это или просто непривычное тебе нечто. Договорились? Хорошо, тогда начнем. Времени немного, так что...

* * *

Хорошо поговорили. Нет, в самом деле хорошо! Тут ведь при «акциях» криминального толку даже о простейших методах отвлечения внимания слухом не слыхивали, не говоря уже о чем-то более изощренном. Стволы в руки и вперед! Дуболомы, по-иному и не выразиться. Чего уж тут говорить насчет последних достижений прогресса? А я об этом и го-

ворил, помимо всего прочего.

Однако время не резиновое, вот-вот должны были вернуться наши друзья с двумя моими сестричками. И следовало подвести пусть пунктирную, но все же черту.

– Знаю, что многое еще надо уточнить, согласовать, найти нужные материалы и помощников... Но если в целом, Джонни, ты заинтересован?

– Что я скажу... Убедил ты меня, Вик. Риск есть, но к нему я привык. А получить мы можем столько, что на десять жизней хватит.

– Мне оно для другого нужно, на жизнь и так хватает.

– А мне уже нет, – мечтательно улыбнулся Джонни, явно видя в мечтах груды золота и пухлые пачки банкнот.

– Мечтать пока рановато, – осадил я его. – Теперь насчет того, что говорим Вилли с Филом. Поездку скрыть не удастся, да оно и не требуется. Надо лишь самую малость сместить акценты. Да и их задействовать в «дневной» стороне моего замысла будет хорошо. Кстати, слышишь шум?

– Слышу. Вернулись.

– Говорю я, а ты делаешь вид, будто в том числе и это с тобой обсуждали. Хорошо?

– Постараюсь. И все равно, Вик, удивляешь.

Неопределенный жест в ответ. Пока слова тут не требуются. Ну а за делами видно будет, к чему это самое умение удивлять приведет в итоге.

– Ну и как, хорошо прогулялись? – спрашиваю, конечно,

не у этих двух охламонов, а у сестер. – Елен?

– Закат был такой красивый... Багровый, я редко такой видела.

Мария же лишь загадочно улыбалась, глядя не на меня, но на Вильяма с Филом. Ну а двое последних явно желали узнать причину, по которой их временно попросили удалиться. Что ж, сейчас они ее услышат... в отредактированном и причесанном виде. А сестры... Конечно, можно их попросить удалиться, но в семье Станич не было принято держать в тайне от родных то, что рассказываешь друзьям. Действительно важное, а не те тайны личного характера, которые есть у каждого человека. Да и я был с подобным подходом целиком и полностью согласен. Следовательно... приступим ко «второму акту Мерлезонского балета».

Не мудрствуя лукаво, я почти дословно повторил все то, что говорил Джонни. Насчет прогнозов по поводу надвигающейся войны, а также того, что с этим однозначно надо что-то делать. Про нехватку на Юге почти всего, что требуется для ведения войны, и про свое искреннее желание исправить хоть небольшую часть этого. Только вместо поведенных Джонни планов, лежащих по ту сторону закона, сейчас я говорил о совершенно прозрачных и законопослушных действиях.

– Вот это, – на стол, рядом с фарфоровой посудой и серебряными столовыми приборами лег громоздкий десятизарядный пистолет «вулканик», – будущее стрелкового оружия.

Многозарядное, с высокой скоростью стрельбы, с довольно быстрой перезарядкой. Все вы видели его в действии и вряд ли будете оспаривать очевидное.

– Не будем, – уверенно подтвердил Степлтон, сейчас бывший абсолютно серьезным и невозмутимым. – Я сам заказал себе такой, а вот отец ворчит на новомодность. Но я отвлекся...

– Ничего, это тоже важно. Так вот о чем я... Фил, Вильям, вот подумайте, какие карабины или винтовки сейчас в ходу? Можно не отвечать, я и сам скажу. Однозарядный дульнозарядный хлам вроде систем Энфилда и Спрингфилда. Три выстрела в минуту. Может быть, четыре... Печально. Конечно есть еще и карабин Шарпса, заряжаемый с казны, но он однозарядный. Скорость стрельбы повышается, да и дальность у него куда пристойнее, но все не то... К тому же его широко использовать пока так и не стали. Почему? Это уж меня не слишком интересует. Зато из вот этой же лежащей на столе прелести я без каких-либо затруднений выпущу все десять пуль за половину минуты.

– Но это же пистолет... – пискнул было Филипп. – Вот из револьвера тоже шесть выстрелов, ну так и что с того? Револьвер и вот этот твой «вулканик» и ружья, они разные.

Это называется за деревьями леса не видеть. Ведь достаточно посмотреть на лежащий перед ними «вулканик», чтобы увидеть его сходство с винтовкой, да с тем же карабином Шарпса. Тот же «рычаг», только в «вулканике» с его помо-

щью идет «досыл» нового патрона, а у «шарпса» лишь выброс стреляной гильзы. А в остальном по сути своей то же самое, только уменьшенное и короткоствольное. Ан нет, не видят-с. Придется говорить прямым текстом.

– Пару месяцев назад оружейник Кристофер Спенсер запатентовал многозарядную винтовку, которая перезаряжается почти так же, как этот «вулканик». Мало того, там есть возможность пополнять боезапас не по одному патрону, а сразу по семь. Не спрашивайте как, это долго и сложно объяснять. Да и не оружейник я.

– Шутишь! – Опять Фил.

– Хочется увидеть самому... – а это уже более расчетливый Вилли Степлтон заранее примеривается к оружейной новинке, о которой еще не слышал. – Если это правда, то в тактике пехоты многое изменится.

– Чтение учебников из Вест-Пойнта для тебя даром не прошло, – подмигивая любителю военного искусства, после чего продолжаю: – А еще есть другой оружейник, Бенджамин Генри, который, собственно, самым прямым образом был причастен к созданию «вулканика». Сейчас он работает над преобразованием его в полноценную многозарядную винтовку. Понимаете, к чему я все это говорю?

Тупят. Хотя Джонни, кривя угол рта, собирается было высказать свое мнение, но его опережает... моя собственная сестричка, Мария.

– Вик, ты что, хочешь выкупить у них все права? Но это

же будет очень дорого!

– Дешевле, чем ты думаешь, сестренка. К тому же не обязательно выкупать полностью, достаточно предложить им интересные условия. Ведь их изобретения не слишком интересуют тех, к кому они обращаются. Консерватизм, плохое восприятие новых, непривычных идей. Конечно, через какое-то время им удастся найти того, кто по достоинству оценит их изобретения, воплощенные в металле, но... Зачем нам этого ждать? Лучше самим сорвать с дерева столь спелый и редко встречающийся плод, – чуть помедлив, я добавил: – Горд за тебя, сестренка. Умение думать и делать правильные выводы, оно всегда пригодится. Далеко пойдешь, многого достигнешь!

– Я буду стараться, брат.

Серьезная, спасу нет! А ведь такая действительно будет, по глазам видно. Главное, чтобы в правильном направлении двинулась. Ну да за этим и присмотреть можно... и нужно. Сейчас же обратно к нашим баранам, то есть винтовкам и их создателям.

– Одному мне не разорваться, поэтому прошу вас, своих друзей, помочь мне в этом. Хотя бы в том, чтобы кто-то поехал к Спенсеру, а кто-то к Генри. Провести предварительные переговоры и обсудить условия уже настоящей встречи, на которой будет осуждаться основное. В том числе и финансовый аспект. Ну а мы с Джонни кое-что еще на эту же тему узнать должны. Если получится, вообще интересные пер-

спективы откроются.

– Ты говоришь «хотя бы». Значит, и деньги от наших семей тебе бы не помешали, – хитро так прищурился Вилли Степлтон. – Война не только бедствие, но и толчок к развитию оружейной мысли. И Югу нашему поможем, и себя не обидим. Да, Фил?

– Тебе... то есть вам виднее, – развел руками Мак-Грегор. – Но вам верю, так отцу и скажу. Что-нибудь точно даст, но как много – это я не знаю.

Один умный и расчетливый в плане получения выгоды. Другой просто верит в нашу компетентность в этих вопросах. Да и помочь, как я понимаю, точно не откажутся. Что же до денег... Они в любом случае лишними не окажутся. И дело тут даже не в количестве, а в самом факте участия не последних в штате Джорджия семей Мак-Грегоров и Степлтонов. Будут задействованы они – вряд ли у кого-то возникнут вопросы насчет возникновения больших сумм. Прикрытие, оно в таких случаях лишним не бывает!

Ну а мы сейчас обсудим все это поподробнее. Затягивать же не стоит, время тикает. И тиканье это с каждым днем будет становиться все более тревожным.

Глава 3

*США, штат Нью-Йорк, город Нью-Йорк,
июнь 1860 года*

Хорошо, что к концу пятидесятих годов сеть железных дорог в США была вполне себе разветвленной. Иными словами, загрузившись в вагон в Бейнбридже, можно было, пусть и с пересадками, доехать почти до любого нужного нам крупного города. Например, до Нью-Йорка. Конечно, это был тот еще гадюшник хоть в моем времени, хоть сейчас, но наряду с недостатками, у него имелись и некоторые достоинства.

Какие именно? Ну как же, ведь именно Нью-Йорк можно было с полным правом назвать финансовой столицей страны. Да и по количеству населения он успел обогнать Филадельфию, долго удерживавшую знамя первенства. Хотя стоит заметить, что население большей частью росло за счет иммигрантов, особенно ирландцев, готовых бежать куда угодно от притесняющих их на родине англичан.

Что было особенно интересным, именно в Нью-Йорке, наряду со сворой банкиров, руками и ногами поддерживающих Линкольна, имелось немалое число сторонников еще не образовавшейся Конфедерации. Откуда они взялись? Ну хотя бы по причине тесных торговых связей с Югом. Да и «вку-

сившие от щедрот» развивающегося «дикого капитализма» иммигранты видели в Юге возможную альтернативу. Пока еще смутно, но все же видели. Здесь они в большинстве своем были на самой низкой ступени, а вот на Юге... Там имелись некоторые варианты.

Плюс к тому для тех же ирландцев был глубоко чужероден пуританский образ жизни, который местные власть имущие пытались навязывать как самый верный. Им говорили про строгость нравов и аскетизм, про ограничение потребностей до минимально возможного... И первым делом ограничивали плату за выполненную работу. Так что особых симпатий католики-ирландцы к подобным «проповедям» со стороны хозяев предприятий не питали. Ну а я знал из истории, во что это выльется через пару-тройку лет...

Впрочем, мы с Джонни прибыли сюда по причине наличия в этом городе наиболее богатых банков. Естественно, не под своими именами и даже не в своем облике. Признаться, меня сильно опечалил бедный выбор средств для изменения облика в этом времени, но... Приходится обходиться тем, что есть под рукой. В конце концов, даже со скудными средствами можно достичь приемлемого результата. Особенно тут, где к подобному еще не привыкли.

Сапоги на высокой платформе? Рост заметно увеличивается. Сутулость? Уменьшается. Трость дает иллюзию хромоты, а уж иллюзию полноты создать и вовсе проще простого. Парик меняет прическу, усы и бородка скрывают черты ли-

ца. Остается лишь голос, но и это поправимо. Вырезанные из резины и доведенные до нужной формы «вкладыши» за щеки. Результат – частичное изменение формы лица и сильно поменявшийся голос.

Маскировка – это хорошо, но одной ее недостаточно. Для грамотного подхода к цели требовалось должное оснащение и еще людские ресурсы. Первым, что логично, занимался я. А вот второе пришлось переложить на плечи Джонни. Как-никак, из нас двоих только он имел некоторые связи с криминалом.

Нужные нам люди делились на две категории. Первая, более многочисленная, должна была осуществить собственно отвлекающие действия. Для этой цели идеально подходила нью-йоркская шпана, готовая за несколько долларов учинить любую мелкую пакость. А именно мелкие пакости от них и требовались. Так что по сути нужен был лишь один, хорошо знающий эту самую шпанистую шушеру. Зато вторая категория, тут все было куда сложнее.

Двое бойцов для ограбления банка – этого по-любому слишком мало. Сколько всего требовалось? Минимум трое внутри собственно банка. Один контролирует общий сектор, пока двое других сначала вяжут персонал и посетителей, а потом, применяя должные способы убеждения, заставляют персонал открыть хранилище. Один на транспорт, то есть подгоняющий в нужное время экипаж, запряженный не абы какими, а действительно хорошими лошадьми. От него, по-

нятное дело, первым образом требуется умение кучера хорошего уровня. Да-да, транспорт нужен. Ведь добыча может оказаться довольно тяжелой. Одно дело банкноты, но ведь есть еще и золото, которое легкостью пуха сроду не обладало. Да и большое количество бумаги отнюдь не невесомо.

И наблюдатель. Минимум один, хотя лучше двое. Чтобы, если будет замечено нечто тревожащее, один проскользнул внутрь банка, а другой продолжил отслеживать ситуацию. Итого – желательно шесть, но на крайний случай и пять сгодится.

Вот всем этим я и нагрузил бедолагу Джонни, который ни разу не Смит. Кстати, в этом он сам признался. Имя было оставлено, зато фамилию пришлось сменить на такую, самую распространенную. Очень временную, как он считал тогда. А вот оказалось, что не совсем временную. Или же совсем не временную, если так и дальше пойдет.

Насчет людей он меня и порадовал, и огорчил. Порадовал тем, что бывал в Нью-Йорке и знает там парочку людей, через которых можно нанять хоть несколько, хоть несколько десятков мелких уголовников, дешевых и небрезгливых. Да и относительно более серьезных людей проблем возникнуть не должно было. Его забыть не успели, готовы будут поучаствовать в совместном деле, тем более таком прибыльном, как ограбление банка. Надо лишь, не доезжая до штата Нью-Йорк, остановиться в Гаррисберге, что в Пенсильвании. Там он за несколько дней подберет нужных людей, умеющих

быстро стрелять и не боящихся крови.

Это были хорошие известия. Плохие же заключались в том, что большая часть из подобранных будет, как он выразился: «Тварями, что коварнее койота и ядовитее гремучей змеи. Повернешься к ним спиной, можешь заказывать гроб... если успеешь». Хотя... А что, разве я рассчитывал на что-то иное? Среди подобного контингента пропорции принципиальных и беспринципных где-то один к десяти. Поэтому оставалось надеяться, что из набранных Джонни головорезов хоть кто-то окажется мало-мальски приличным. Иначе...

Иначе придется «множить на ноль» их всех. Разумеется, предварительно спровоцировав на пакостные действия. Точнее даже не спровоцировав, а заставив действовать раньше задуманного. Как? Дело нехитрое.

Джонни не подвел. Оказавшись в Гаррисберге, он развил бурную деятельность. Прошло несколько дней, и мой друг с довольной улыбкой на лице поделился сведениями, что сумел найти для нас нужных четверых людей. Мало того, за одного готов поручиться, а другой вроде бы тоже не был замечен в излишнем коварстве. То есть может попробовать обсчитать при дележке, но вот пулю или нож в спину строить — это не в его привычках. Зато оставшихся двоих он сам «рекомендовал бы пристрелить сразу после того, как выйдем из дверей банка». Веская рекомендация, спору нет! Но я все равно еще и сам присмотрюсь к получившей «черную мет-

ку» парочке. Вдруг да ошибся Джонни. Вряд ли, конечно, ну да чего на свете не бывает.

Вот и увидел всю «великолепную четверку». По отдельности, конечно. Каждый из них получил некоторую, не слишком большую, сумму в качестве аванса: на путевые расходы, приведение себя в порядок и просто по обычаю, сложившемуся в этой среде в таких вот случаях. Организатор оплачивает подготовку. Оно и правильно, тут я не спорю. Ну а потом мы расстались. В Нью-Йорк они поедут своим ходом, по отдельности. Нечего привлекать к себе внимания. Эти-то аборигены своего времени личины не использовали. Да и сильно удивились, увидев Джонни не в его родном обличье. Впрочем, деньги легко гасят если и не само удивление, но лишние расспросы точно.

Впечатление от каждого из четырех было... неоднозначное. Крови все четверо совершенно не боялись, это сразу заметно. Готовы на любое дело, лишь бы куш был соответствующий. А вот дальше начинались определенные нюансы, над которыми стоило поразмыслить.

Сэм Дубина. Думаю, даже по прозвищу многое становится ясным. Большой, тупой, зверски сильный, а заодно хорошо управляется с лошадьми. Поручать ему хоть что-то интеллектуальное – непременно провалит, а скорее даже не поймет. В общем, обычное тупое «мясо», причем «мясо» жадное и жестокое. Охотно протянет лапы к чужой доле, перед этим голыми руками свернув шею тому, кто показался ему

утратившим бдительность. Мда. Насчет этого субъекта я был полностью согласен с Джонни. И от него надо избавляться.

Майк Везерспун и его кузен Тед. Первый «на все руки от скуки», то есть мог быть использован и как боец, и как наблюдатель. Никакими особыми талантами не выделялся, но вместе с тем и бездарностью не назвать. Типичный середнячок во всем. Зато его кузен – это другое. Человек-тень, умеющий сливаться с толпой и вообще оставаться незаметным почти в любой обстановке. Собственно, именно поэтому Джонни его и позвал, ну а Майк шел всего лишь довеском к такому специалисту.

Одно было плохо – к неоспоримым талантам Теда Везерспуна прилагалась его откровенно гнилая натура. Об этом знали почти все из тех, кто жил по ту сторону закона. Его подельники то бесследно исчезали, то обнаруживались спустя некоторое время в изрядно подгнившем или поеденном крысами виде. Напрямую привязать Теда к этим смертям не получалось, но иметь дела с ним почти никто не хотел. Только новички или слишком жадные, польстившиеся на большой куш. Все же Везерспуны проворачивали неплохие дела.

Не-ет, с таким, как Тед, не то что долго рядом находиться, мимо пройти и то неприятно. Таких я всего пару раз видел, еще тогда, в прежней своей жизни. Про одного парой лет позже выяснилось, что он был большим любителем садистских игрищ, превращая свои жертвы в куски воющей от боли плоти. Другой... Там был бизнесмен высокого полета,

ненавидящий всех вокруг и единственное удовольствие видящий в том, чтобы измываться, пусть и морально, над всеми, над кем он мог себе это позволить.

И вот третий такой субъект, но уже, так сказать, в естественной среде. Даже особо не скрывающий свою суть. Уже потом, после того как Везерспуны, получив аванс и указания, покинули гостиничный номер, я спросил у Джонни:

– Неужели нельзя было обойтись без ТАКОЙ пакости, как этот самый Тед? Или почти все такие, как он и Сэм Дубина?

– Как Сэм – хватает. Но Тедди Везерспун неповторим. Он умеет убивать посреди дня, в толпе или просто посреди улицы. Прошел мимо, ткнул ножиком, человек и умер. Криков нет, стонов тоже, даже крови почти не выступит. Есть у него привычка...

– Подпиленный у основания тонкий клинок, обламываемый в ране? – догадался я, вспомнив появившийся в первой трети XX века способ устранения людей, неугодных некоторым криминальным структурам.

– Оно! – изумился Джонни. – А ты откуда знаешь?

– Просто догадался, сопоставив тобой сказанное и личные впечатления от этого... Теда.

– Догадливый ты, Вик. Но теперь ты понимаешь, что Тед Везерспун нужен... как тот самый наблюдатель. А потом его придется убить. Потому что иначе он сделает это с нами. Душа у него такая, гнилая и ядовитая.

– Охотно верю!

– И Дубину... тоже. Глуп и жаден. Зато следующий и последний человек среди найденных мной должен тебя обрадовать. Сам увидишь сейчас!

Действительно, последний из привлеченных Джоном людей произвел вполне приличное впечатление. Стэнли О'Галлахан, местами ганфайтер, местами наемный убийца, он же большой специалист по стрельбе из двух револьверов. Участник мексиканской и индейской кампаний, получивший там несколько дырок от пуль, но капитала не заработавший. Ну а вернувшись и подлечившись, продолжил заниматься тем делом, к которому уже привык. Главное же для меня было в том, что бывший вояка сохранил и определенный «кодекс чести», которого по возможности придерживался. И никогда не был замечен не то что в попытке пристрелить напарников, но и в желании наложить лапы на не принадлежащую по уговору долю добычи.

Одно было печально – что из четырёх подобными принципами обладал лишь он один. Почему? Просто Джонни смог за малый срок найти только его. «Товар» больно уж редкий, да и личное знакомство тут тоже роль играло. В общем, всё есть как есть, переигрывать не станем.

Команда была собрана. Необходимые для организации «акции» вещи, которые нельзя или не стоило покупать на месте, также были при нас. Дата встречи с другими участниками? Назначена. Контакт с нью-йоркской шпаной тоже известно через кого налаживать. Так что первая часть под-

готовки была завершена. Оставалось лишь вновь совершить путешествие по железной дороге – на сей раз куда более краткое – и продолжать воплощать в жизнь пришедшую мне в голову задумку.

Что же до Филиппа Мак-Грегора и Вильяма Степлтона – они занимаются своими делами. Один отправился договариваться с Генри, другой, соответственно, со Спенсером. И уж в дипломатических талантах Вилли я уверен почти на сто процентов. А вот сработает ли обаяние Филиппа.... Не знаю, все же оружейник Генри ни разу не красна девица. И сильно надеюсь, что у него нет молодой и красивой жены! А то знаю я повадки одного упертого и неизлечимого бабника...

* * *

На подготовку уже после прибытия в Нью-Йорк я отводил около недели, может быть чуть больше. Мало? Да нет, в самый раз. Изучить само место, его окрестности, выбрать точки для отвлекающих внимание простых людей и полиции «акций». Встретиться с нужным человеком по имени Майкл Льюис. Тем самым, который мог предоставить за смешные деньги немалое количество шпаны для тех самых мелких, но очень важных в моем плане пакостей.

Собственно Льюиса мы с Джонни посетили в первый же день после прибытия. Сразу же, как только убедились, что все остальные члены группы добрались и готовы к «великим

свершениям». Что можно сказать про этого человека? Жадноватый, но весьма хитрый пройдоха, видящий свою выгоду и очень любящий торговаться. Рекомендации от нужных людей сыграли свою роль, поэтому он с охотой согласился быть посредником в найме «шустрых парнишек» на любую, но не слишком опасную работу. И чтобы без крови. Это я ему с легкостью пообещал, в крови никто из нанятых точно не вымажется. Разве что в своей... в том случае, если будут нерасторопными и их успеют схватить за шиворот.

Это Льюиса устраивало. Так что став на четыре сотни долларов беднее, я получил два десятка исполнителей, готовых в назначенное время устроить отвлекающие внимание от выбранного мной банка происшествия. Сразу вспомнился культовый французский фильм «Доберман», где одноименный герой таким образом притянул внимание полиции куда угодно, только не к месту основного действия. Кино-то оно кино, но эти умные мысли, пусть и не с таким размахом, частенько использовались на практике. Вот и я использую, тем паче здесь, в этом не искушенном хитрыми ходами преступности времени.

А потом мы вдумчиво и с усердием изучали место вокруг банка и внутри него. Ну, в той части, которая доступна обычным клиентам. К слову сказать, банк был серьезным, не из захудалых. Более того, он являлся одной из важнейших частей финансовой системы и назывался «National City Bank of New York», то есть «Национальный Городской Банк Нью-

Йорка». Солидное такое название, да?

И история была соответствующая. Как-никак основателем был не кто иной, как друг самого Джорджа Вашингтона Самуэль Осгуд. Неудивительно, что банк развивался быстрыми темпами и на него мало кто из конкурентов рисковал даже пасть оскалить, не говоря уже о более серьезных действиях. Да и после смерти Осгуда управление сим серьезным заведением перешло к Моисею Тэйлору, одному из доверенных людей и верных клевретов Джона Астора. А Джон Астор, на минуточку, основатель и владелец «Американской меховой компании», наложившей лапу на большую часть добываемых на севере мехов. Да еще и наркоторговец в промышленных масштабах, ага! Контрабанда опиума во всей красе, на которой он первоначально приподнялся и которую не бросал до самого конца. Пусть уже и вел по большей части через подставных лиц. Ну а «Национальный Городской Банк Нью-Йорка», тогда еще носивший название «Городской Банк Нью-Йорка», под управлением его протеже обслуживал его финансовую империю. Плюс ко всему и в легализации денег тоже участвовал, как без этого!

Помер Астор, а банк остался. И вкуса к отмывке всего и вся не утратил. Да и как еще могло быть с такими-то владельцами! Так что если бы у меня и имелись какие-либо угрызения совести насчет противозаконных дел, то они бы мигом испарились.

Хорошо все же «работать» в середине XIX века. Ни те-

бе беспокойства насчет отпечатков пальцев, ни тем паче видеосъемки. Надо лишь не стесняться пользоваться тем, что тебе кажется обычным, а для местных – полная неожиданность, столкнувшись с которой, они просто не будут знать, как именно в таких случаях поступать и что делать дальше.

Сам же банк... Под видом обычных клиентов тут побывали почти все из группы. Ну, кроме Сэма Дубины, потому как его тупая рожа ну никак не ассоциировалась с банком в хорошем смысле этого слова. Вызвал бы подозрения, а этого нам сейчас точно не требовалось.

Обстановка... Впрочем, плевать мне было на внешний вид, помпезность и все такое прочее. Куда больше интересовало количество охраны в общем зале, двери, которые вели в комнату отдыха персонала, и другие, по которым спускались в хранилище. Важным было еще и то время, в которое лучше всего совершать нападение. Чем меньше народу, тем оно и спокойнее. Путем наблюдений выяснилось, что часов одиннадцать – самое то. Схлынет первая волна, а вторая еще довольно далеко. К тому же вполне можно было именно в это время повесить на дверь соответствующую табличку, извещающую о перерыве в работе, вполне себе реальном. Такое тут тоже случалось, пусть и было скорее исключением, нежели правилом.

Форма охранников. Тут уж ничего не поделать. У нас ее не было, доставать – значит вызвать подозрения. А без подозрений – это надо делать задолго до собственно нападения,

чтобы след замести надежно и качественно. Так что куда логичнее будет содрать оную с того, кто больше всего подойдет по габаритам.

На кой она нам и почему именно одна? Ответ на первую часть вопроса был весьма прост. В случае появления желающих пройти в банк – должен появиться человек в форме охранника и вежливо сказать, что случилась форс-мажорная ситуация и объявлен перерыв в работе. А еще лучше, если говорить будет не он сам, а вежливо позовет одного из «клерков» с хорошо подвешенным языком. На эту роль подходим только мы с Джонни. О'Галлахан, который будет третьим «бойцом», несколько иного типажа. А вот в форме охранника бывший вояка будет вполне комильфо.

Ну а почему только одно переодевание? Так больше и не нужно, нас всего трое внутри будет. Вот и весь ответ.

А охранников внутри было не так и много. Иные времена. Четверо в общем зале, двое-трое должны быть внизу, в хранилище. Ну и в комнате отдыха, я полагаю, не более пары индивидов затесалось.

Да, по моим понятиям это именно что немного. Ведь они разделены на три группы. Первую, что в общем зале, надо нейтрализовать быстро, «на рывок». Затем – комната отдыха. Ну а те, которые в хранилище, они даже ничего и не услышат. Двери-то хорошие, плотные, звук не долетает. И снаружи тоже почти ничего не слышно. Проверено. Как именно? Да просто во время одного из визитов в банк Джонни, как и

было задумано, уронил чемоданчик на пол. И посыпались из него разные металлические хреновины... Грохоту было!

И ничего. Даже из комнаты отдыха никто не прибежал. О, боги, благодарность вам за то, что тут все двери делают-ся из хорошего дерева, да еще и солидной толщины. К тому же комната отдыха на то для отдыха и предназначена, чтобы шум не достигал ушей людей, там находящихся. В хранили-ще же, как я знал из тех еще источников по прежней жиз-ни, всегда тишь да гладь. Даже с учетом того, что сейфовых дверей еще не существует. По большому счету и сейфов по-чти нет – привычных, с шифрами и сложной системой зам-ков. Есть лишь «несгораемые ящики» – их предтечи, кото-рые открываются обычным ключом. А если ключа и нет, то на помощь приходит хороший ломик. Лень возиться с ломи-ком или силенок не хватает? Пороху в замочную скважину! Громко, но надежно. Собственно, так частенько и поступали.

* * *

Вот и настало утро намеченного заранее дня. Еще с вечера были розданы последние инструкции, причем всем, включая местную шпану, нами нанятую. Сэм Дубина с самого ран-него утра был отправлен куда подальше, то есть к экипажу, запряженному парой действительно хороших лошадей. Да и сам транспорт был не из дешевых. Так было надо, поскольку обшарпанный экипаж у дверей банка... не смотрится, вну-

шая подозрения. А мне хотелось уйти тихо, имея хотя бы небольшую фору.

Половина одиннадцатого. Захлопываю крышку карманных часов на цепочке – обычных, незапоминающихся – и убираю их обратно в нагрудный карман. Мы уже здесь. Покамест именно что мы с Джонни. О’Галлахан появится без десяти, ну а Везерспуны без четверти. Только вот первый потом зайдет в банк, а два родственничка останутся снаружи, наблюдая за ситуацией и отслеживая происходящее.

Без четверти. Вижу Майка. Прогуливается по улице в щегольском наряде, довольно безвкусном, но показывающем состоятельность обладателя. Маскировка под богатство, взгляды он притягивает, но не является подозрительным объектом.

А где же Тед? Твою же мать! Вот не знал бы, что он точно должен здесь быть, не обнаружил бы. Правильно Джонни его человеком-тенью обозвал. Вроде стоит себе на месте, даже не пытаясь слиться с толпой, а все равно глаз лишь с большим трудом на нем останавливается. Прирожденный уличный шпиик. Агент «наружки», до которой еще ой как далеко по временной оси. Хотя наверняка государство таких вот уникумов широко использует. Не всех, но тех, кто соответствующим людям на глаза попался.

Десять пятьдесят... Вот и О’Галлахан, последний из главных участников событий. Спокоен, собран, чувствуется некоторая напряженность, но если не знаешь, то и не заме-

тишь.

Пора? Почти. Сейчас ждем начала шумовых эффектов. Должны вступить в дело нанятые мелкоуголовные элементы, которым вручены такие полезные вещи, как бутылки с керосином с горлышком, заткнутым пропитанной в том же керосине тряпкой. А некоторым и более внушительные штуки – импровизированные световые гранаты, от которых эффект потрясающий, а вреда по большому счету ноль.

Откуда такая роскошь? Обычный порошок магия плюс толченые кристаллы перманганата калия – с детства мне известные как «марганцовка». Вспышка замечательная и паника гарантирована. Ну а от бутылок с керосином, которые подожжены и брошены в стены важных общественных и административных зданий района, тоже эффект хороший. Будут тушить огонь, будут сбегаться зеваки, местные органы правопорядка в лице своих представителей начнут искать злоумышленников. И все это при участии добровольных помощников и присутствующих зеваках. Ну что может быть лучше в плане отвлечения внимания.

Ага! Вспышка неподалеку. А вот и звон разбившейся бутылки о стену дома, который находится в пределах прямой и хорошей видимости. Замечаю начало помеси паники и энтузиазма, который обычно идет под руку с любопытством. Пора!

О'Галлахан заходит в банк первым, а за ним и мы с Джонни. У каждого из нас в руке по чемодану, которые так удобны

для переноски больших грузов и имеют вполне пристойную форму.

В банке спокойно, прохладно и народу не так уж и много. Да что уж, мало народу, а это меня откровенно радует. Охранники... Один у дверей, еще один отвлекся, в окно смотрит. Наверняка интересуется, чего это там люди так зашуетились. Еще двое ближе к клеркам и именно они более опасны. Относительно более опасны...

Заранее условленными знаками отправляю Джонни к тому, который у окна. Ну а О'Галлахан с его двумя пушками будет нейтрализовывать тех двоих. Сигналом же к началу послужат мои действия.

Ставлю свой чемодан на пол, делаю пару шагов. Вплотную приближаясь к стоящему у двери охраннику и спрашиваю его:

– Разрешите у вас узнать, а что можно...

Договаривать фразу я даже не собирался. Мне всего-то и нужно было, чтобы охранник переключил свое внимание на меня, как на желающего что-то узнать, и потенциальный уровень угрозы снизился. А так как я был весьма дорого и по моде этого времени одет, то...

Удар коленом в пах. Издавая утробное мычание, тот складывается пополам. Руки инстинктивно тянутся не за револьвером, а к пострадавшему месту. Ну и зря. Потому как спустя секунду он получает по голове рукояткой «вулканика», до этого бывшего у меня за поясом. Бесчувственное тело па-

дает на пол, а я уже оборачиваюсь, готовясь, в случае чего, выстрелить по источнику угрозы.

Охранник у окна? Выведен из строя Джонни. Тот уже с револьвером держит под прицелом еще ничего не понимающих клиентов и обслуживающий персонал.

О'Галлахан. Этот держит под прицелом обе свои цели и нехорошо так скалится, показывая отсутствие некоторых зубов. От этого, что логично, оскал более дружелюбным не становится.

– Леди и джентльмены, – громким голосом разрываю повисшую было в помещении тишину. – Мы пришли сюда, чтобы нарушить обычную скуку этого места и немного развлечь как вас, так и себя.

Свободной рукой устанавливаю табличку «Закрыто», которую видно через стеклянную дверь. Прислоненную к стеклу отчего ж не видеть. Да и засов задвинуть тоже не забываю. Ибо нефиг!

– Оружие. У кого оно есть, медленно... Очень медленно достаем, кладем на пол и резким ударом ноги отправляем поближе к стенам. После этого ложимся на пол. Не пытайтесь становиться героями, когда вот эти добрые люди будут связывать вам руки за спиной. Лучше подумайте о чем-нибудь... добром. Ну а мы займемся тем добром, которое хранится в этом несомненно добром к своим клиентам банке. Сегодня все получают свою порцию добра!

Героев и впрямь не было. Охранники явно не хотели по-

лучить пару пуль в брюхо ради спасения денег банка. Клиенты и клерки... Совсем смешно.

В одном из чемоданов было ну очень большое количество кусков тонкой, но крепкой веревки, которыми под прицепами револьверов клерки вязали сначала охранников, затем клиентов, а потом и друг друга.

Комната отдыха... Стоило туда сунуться О'Галлахану, как проблема мигом перестала быть таковой. Слабо слышный звук выстрела... Джонни, повинаясь приказному жесту, метнулся было туда, но очень скоро вернулся, ухмыляясь.

– Один пытался за револьвером потянуться. От неожиданности. Он больше не будет!

– Вообще?

– Не, как руку вылечит, – улыбнулся он. – Сейчас его перевяжут, затем свяжут. Все в порядке.

Я лишь кивнул в знак того, что меня все устраивает. Лишь добавил:

– Пару работников поважнее держи наготове. Вниз пойдем.

– Хорошо.

– Ты, – тычок пальцев в сторону появившегося Стэнли О'Галлахана, несущего с собой ворох одежды. То что надо, форма. – Переодевайся. И будь рядом с дверью. Мы с тобой, – взгляд в сторону Джонни, – все, как и задумали.

Минута с небольшим на переодевание Стэнли. Готово. Идем к хранилищу, используя в качестве проводников и жи-

вых ключей двух работников банка. Не рядовых клерков, понятное дело. Их даже искать не пришлось, не зря же мы тут несколько раз уже появлялись. Успели узнать, «кто есть ху» в этом заведении финансового толка.

– Охранников внутри сколько? – ласковым голосом спрашиваю у одного их «проводников», столь же «ласково» ткнув его дулом пистолета в спину.

– Д-двое!

– В твоих интересах, чтобы все мирно обошлось. Ты же впереди идешь, своим пухлым брюшком меня от пуль прикрывая.

– Конечно-конечно, Все будет хорошо, они не станут в меня стрелять.

На то и расчет. Мне вообще не хочется устраивать тут бойню, пусть даже и среди охранников. К ним у меня нет претензий, а владельцев банка здесь все равно нет. Вот любого их них я вполне мог бы и пристрелить. Не люблю банкиров, тем более предшественников тех, которые расплодились в моем родном времени.

Дверь. Нехило обитая железом и в маленьким окном-решеткой. И оттуда смотрит охранник с большими такими глазами.

– Открой им дверь, Джек, – с надрывом сипит наш проводник. – Это приказ.

– Но, мистер...

– Открой! Иначе они убьют меня.

– Но...

– Слушай дяденьку, мальчик, – радостно скажусь я. – Иначе я просто взорву эту дверь. Взрывчатка с собой, обращаться с ней я умею. Только вот что останется от тебя после взрыва, я думаю, понятно. И от второго, который тихо притаился, думая, что его сопение не будет услышано. Времени тебе... почти не даю. Пять... Четыре... Три...

Никто не хочет помирать за чужое бабло. Исключение – идейные люди, но такие на частника не работают. Они либо на государство пашут, либо на структуры вроде печально известной итальянской мафии. А на обычного бизнесмена и прочего банкира – это нет, такого просто не бывает.

Дверь открылась. И двое охранников уже стояли с поднятыми руками, а револьверы лежали на полу.

– Связать! – приказываю Джонни. – И быстро. Время!

Вот оно, сердце банка! Несгораемые шкафы, предтечи сейфов, стоят в большом количестве. Одни больше. Другие меньше. Но их много и в каждом может быть что-то интересное. Ключи? Тут же, в хранилище. Даже указано, какой к какому замку. Предусмотрительно. И для меня очень удобно.

Дождавшись, пока Джонни свяжет обоих охранников, я начал процесс «потрошения» местных «сейфов». И первый же открытый контейнер – ну не поворачивается язык назвать открываемый КЛЮЧОМ стальной ящик сейфом – выбранный из-за невеликого своего размера, порадовал меня... акциями.

Именные? К черту! А вот те, которые на предъявителя – это однозначно брать. Серьезная добыча, но с отсроченным сроком реализации. Да и лучше сбывать ее в дальних краях. Лучше вообще в Европе, чтобы след ушел в никуда.

– Золото! – радостный вскрик Джонни. – Тут целое состояние...

– Это же банк, тут сотни состояний, – с незлой иронией отвечаю ему. – Быстро вверх, за чемоданами. Бегом!

И стук подкованных сапог. Верно, такую команду надо исполнять буквально. Ну а я продолжаю ревизию хранилищ ценностей разного калибра.

Много серебра, как в монетах, так и в слитках. Нет, не так, его **ОЧЕНЬ** много. А это ресурс для нас совершенно бесполезный. Почему? Да потому как соотношение вес-ценность откровенно не радует.

Золото лишь в монетах. Это хорошо. В любом случае часть добычи надо брать золотом. Оно, в отличие даже от обычной банкноты, «безликое», на нем номера нет. Возможно у меня паранойя, но все же лучше иметь возможность выбора в расчетах.

Пачки банкнот... Их много, но не вперемешку. Их будем брать по полной, но не меньше половины объема в сравнении с акциями на предъявителя. Хотя это так, ведь акций в хранилище не столь много. Но вот валюту, а именно английские фунты – их выгребать надо все. Да и не столь большое ее тут количество, зато исключительно крупного номинала.

Стоп, а это у нас что такое? Ай какая прелесть! Небольшие ящички, в которых лежат знакомые такие цветные кристаллики. Драгоценные камни, причем частью даже не ограненные. Изумруд, сапфир, рубин... Насчет этого вопросов точно не возникает. Брать! Тоже реализовывать придется долго и с осторожностью, но это не просто удача, это сорванный джек-пот!

Знакомый стук подкованных сапог. Вернулся...

– В порядке?

– Все тихо, – отвечает он, и тут его взгляд падает на различные виды богатства. – Уау!!

– Именно оно. Пакуем. Отобранные акции, банкноты, – палец указывает на то, что необходимо брать. – Золото и камни. Начали.

И не забывать про равномерное распределение веса. Пихать в один чемодан исключительно золото... Глупо. Равномерно надо, равномерно!

Два чемодана заполнены. Остается один, ведь Джонни за один заход принес три. Все те, которые были у нас с собой. А вот вынести наружу мы сможем больше. Каким образом? Так ведь у находящихся в зале клиентов банка тоже есть разного рода вместилища для ценных вещей. Пусть поменьше, но есть. Поэтому Джон отправляется на второй заход, унося с собой два набитых чемодана. Тяжело? Ну так а что ж тут ожидать? Надо и мускульную силу приложить! К тому же своя ноша не сильно к земле тянет.

Я же продолжаю набивать третий чемодан, но при этом не забываю о времени. По заранее рассчитанному графику у нас еще семь минут. Откуда время? Ну, не то чтобы «с потолка», просто попробовал проанализировать, какое время табличка «закрыто» не будет казаться слишком уж неуместной. Вот из этого и исхожу Из минимального срока. Поскольку повышать степень риска... что-то не тянет.

Готово. И Джонни вернулся. Снова подтверждение, что все тихо. Теперь уже совсем быстрое набивание двух небольших – в сравнении со взятыми нами – чемоданчиков. Полна коробочка!

– Уходим! Время.

– Еще три...

– Новый заход не успеем. И так много взяли.

Против этого моему другу возразить просто нечего. Это у него так, легкая вспышка жадности, вполне естественная в подобных условиях. Уходим.

Наверху О'Галлахан, спокойный, как удав, держащий под прицелом уже одного револьвера связанные тушки клиентов и персонала. Просто так, порядку ради.

– Уходим. Подавай знак!

Стэнли отодвигает засов, открывает дверь и выскальзывает наружу, не забыв убрать в кобуру револьвер. И сам факт его появления снаружи показывает как Везерспунам, так и Сэму Дубине, что пора убираться отсюда. Но если Везерспуны сначала метнутся к лошадям и будут сопровождать эки-

паж с нами и добычей, то Сэм должен сначала подать этот самый транспорт прямо к дверям банка.

Ждем... Совсем немного времени, но ожидание бьет по нервам очень чувствительно. Только бы ничего не напутал этот болван.

Нет, вот он, цокот копыт. И появившийся в проеме двери О'Галлахан это символизирует. Джонни, знающий, что перенос тяжестей от дверей до нутра экипажа на нем, сразу хватается первые два чемодана. Выходит, потом возвращается. Еще раз... Все. Теперь и нам со Стэнли пора.

Свежий воздух, пусть и солнышко припекает. Опасности... не ощущается. И вопрос от метнувшегося к дверям банка человека вполне солидного облика:

– Почему закрыт банк? Поймите, мне срочно нужно...

Обращался он к О'Галлахану, который был в форме охранника, но ответил ему я. Хотя бы потому, что куда лучше знал, что именно следует ответить.

– Простите. Непредвиденная ситуация. Помощник управляющего крупно проворовался, искажая отчетность. Мы вывозим часть документов на проверку. Следует удостовериться, не причинил ли он банку еще большие неприятности вдобавок к тем, в которых уже сознался, – я печально вздохнул. – Мы откроемся через час. А пока погуляйте по улицам нашего славного города. И ни о чем не волнуйтесь, непоправимого ущерба не случилось.

Озадаченный услышанным человек пробормотал нечто

маловразумительное... и пошел куда-то, как ему и советовали. Видимо, счел причину временного закрытия вполне уважительной. Собственно, на то я и рассчитывал. Залезаю внутрь экипажа. Захлопываю за собой дверцу. Все. Сэм подхлестнул лошадей, и мы пусть относительно медленно по моим меркам, но все же стали удаляться от места, где удалось проверить очень серьезную авантюру.

Когда все это обнаружится? Думаю, довольно скоро. Хотя дверь и закрыли снаружи, но сам этот факт вызовет подозрение. Начнут стучать, ломиться внутрь... А стекло высадить дело простое. Высадив же, увидят творящееся внутри. И тогда начнется...

Но мы к тому времени будем уже не просто далеко, но еще и сменим транспорт. Да-да, этот экипаж будет брошен, вместо него пересядем в другой, уже купленный и ожидающий нас в заранее условленном месте. А как выберемся за пределы Нью-Йорка – последует третья пересадка. И только тогда можно будет сказать, что удалось не только взять добычу, но и скрыться вместе с ней.

А помимо этого, в самом скором времени придется кардинально решить еще одну проблему...

Глава 4

*США, железная дорога по пути в Бейнбридж,
июнь 1860 года*

Успех. Полный, абсолютный, сулящий в будущем большие выгоды. Это я о нем, о том самом ограблении «Городского Банка Нью-Йорка». Нам удалось не просто уйти, но еще и обрубить почти все нити. Почти, потому как абсолютно все обрубить в принципе нереально. Но по оставшимся добраться можно было разве что до О'Галлахана, а от него к Джонни. К тому самому Джонни, который и так уже был в розыске, но давно сменил фамилию, место обитания, манеры и образ жизни.

Да и до Стэнли они вряд ли доберутся. Максимум – узнают его имя, так и что с того? Там, где он был раньше, ирландец более не появится. Его хорошо проинструктировали насчет того, как он должен жить дальше, чего ни в коем случае делать не должен и в какой части страны ему больше в жизни появляться не стоит.

Так что катил ирландец сейчас по направлению славного града Новый Орлеан, что в штате Луизиана. Именно там он должен был отсидеться с годик, обладая солидной суммой. Ну а потом уже к нему должен был появиться посланник с основной частью полагающейся ему доли. Нормальной доли,

отмытой и перегнанной во вполне законные активы. Какие? Этого я еще пока не знал.

Почему О'Галлахан согласился на такой вариант раздела добычи? Да хотя бы по той причине, что понимал неуместность споров. Как-никак, разговор происходил почти сразу после того, как количество участников налета на банк сократилось ровно наполовину.

Ожидаемо все получилось... Как раз в тот самый момент, когда мы собирались перегружать чемоданы с ценностями из одного экипажа в другой. Как раз тогда Везерспуны решили разыграть свою партию, ожидаемо подключив к ней Сэма Дубину. Тот своим скудно развившимся мозгом просто не понимал, что его тоже отправят в иной мир, только чуть позже.

Зато это понимали как я, так и Джонни.

Когда удобнее всего убивать подельника? Когда он либо повернулся спиной, либо у него руки заняты. А поскольку поворачиваться спиной к Везерспунам давно никто не соби-рался, то оставался лишь второй вариант. То есть попробовать повернуть дело так, чтобы ценности перегружали мы, а они как бы присматривали за окружающим пространством. Дескать, мы вам самое ценное доверяем, добычу!

Обломились... с громким хрустом и жалобным писком. И стоило мне в хамско-циничной манере намекнуть, что их намерения тайной не являются, как эти субчики сразу решили действовать. Нахрапом, видимо позабыв, что тут им не

здесь, что если об их намерениях известно, то и противодействие подготовлено. Вот и получили... что им полагалось.

А, что тут вспоминать. Не самое приятное дело, но необходимое. Трупы под сено – благо дело происходило в арендованной пустой конюшне – кровь тоже забросать, чтобы видно не было. Оставить старый экипаж и лошадей, после чего дальше отправиться уже на новых. Ну а кучером посадить О'Галлахана. Хорошо хоть он не попытался вступить в резко образовавшуюся перестрелку не на той стороне. Кстати, Джонни все же ухитрился словить револьверную пулю в ляжку. Хорошо хоть ранение было и не опасное, и сквозное.

Вот после случившейся разборки ирландец и стал склонен быстро соглашаться с предложенным ему планом дальнейших действий. Да и просто разум должен был подсказать – явиться куда-либо не просто с большими, а с очень большими деньгами... Верный признак привлечь к себе нежелательное внимание. Ведь он кто? Правильно, бродяга без роду и племени, а за такими всегда местные, тем более южане, наблюдают. Поэтому первое время пусть изображает из себя человека с достатком, но не чрезмерным.

Гарантии, что мы его не облапошим? Помимо слова Джонни и понимания ирландца о том, что с нами лучше быть в хороших отношениях, имелось и еще кое-что. Каждый месяц он должен был получать по телеграфу сообщения. Ну, своего рода подтверждения о том, что все в порядке и что о нем помнят, равно как и о данных обещаниях. Их, кстати, я

нарушать точно не собирался. Свою долю ценностей из банка О'Галлахан честно заработал. И не испаскудил первое хорошее о себе впечатление. Это меня особенно порадовало.

Ну а дальше... Добраться на «лошадином» транспорте вместе со всем ценным грузом до одной из железнодорожных станций – само собой, не самой ближней от Нью-Йорка, где мы сильно пошалить изволили, – после чего банально сесть на поезд и отправиться в родной Бейнбридж.

Слишком просто и рискованно? Вовсе нет. Ложный облик был полностью «стерт», про одежду и чемоданах, в которых были ценности, говорить и вовсе не приходилось. К тому же теперь мы вновь были двумя «джентльменами из южных штатов», возвращающимися из деловой поездки. Вообще в это время не было принято обыскивать багаж уважаемых людей из числа обеспеченных или выглядящих таковыми. И это нельзя было не использовать.

К тому же мы были далеко за пределами города Нью-Йорк, про это тоже не следовало забывать.

Перестук колес, покачивание вагона... Поездка по железной дороге всегда настраивала меня на этакий философско-задумчивый лад. Ну а Джонни был одновременно и рад, и раздражен. Рад понятно чему, да и для раздражения причина имелаась. Рана, она все же не просто так, а вполне себе болит, пусть и неплохо заживает. Да и трость, которую он вынужден был купить, его ну совершенно не радовала.

– И что будем делать теперь, Вик? – спросил он меня, гля-

дя на проносящиеся за окном деревья, коровье стадо, чей-то покосившийся домишко. – И вот что, друг, теперь я даже сомневаться не стану, когда ты очередное дело предложишь. Убедился!

– Только про осторожность не забывай, Джон. Все могут ошибаться, я не исключение. Заметишь что-то показавшееся ошибкой – не постесняйся сказать об этом. Всякое может быть.

– Не постесняюсь, – ухмыльнулся тот и поморщился от боли в ноге, когда наш вагон ощутимо подскочил не то на стрелке, не то на плохо состыкованных рельсах. – Но все же...

Это он про свой вопрос. Верный, кстати. Ведь Джонни хочет получить ответ не в плане «ждемся приезда Филиппа с Вильямом, после чего будем решать дела с оружейниками». Нет, он интересуется про дальнейшие планы. Что ж, их есть у меня!

– Джонни, я же уже говорил тебе про то, что у нас, на Юге, нет почти ничего из нужного для войны.

– Помню.

– Вот и будем это самое «ничего» превращать в «хоть что-то». Производство оружия, патронов, кое-какой необходимой амуниции. А еще будем долго и тщательно думать над тем, как это самое оружие использовать. И кто его будет использовать. Ты ведь не думал, что я прямо сразу брошусь раздавать его всем желающим?

– Я думал, что ты его будешь продавать, – подумав, все же ответил Джон. – Многозарядное ружье должны покупать.

– Консерватизм! – поднял я вверх указательный палец. – Там, наверху, он особенно силен. Пока их в задницу острым не ткнут, не почешутся. Нужно будет как следует задуматься о своих людях. Умеющих стрелять, но вместе с тем считающих не зазорным подчиняться такому неизвестному юнцу, как я.

Джонни понимающе загрустил. Всем было известно, что без какой-никакой известности на тебя как на командира никто и не посмотрит.

– Не делай грустное лицо. Есть у меня идеи и по решению этой проблемы. Сложно будет? Да. Но все возможно.

– А...

– Сейчас не скажу. Потом. Заодно и сам как следует подумаешь, может, что полезное в голову придет. Потом расскажешь, сравним. Сейчас же лучше поговорим о делах более приятных. Например, о том, что теперь ты очень завидный жених...

– Ви-ик!

США, близ Бейнбриджа, июль 1860 года

Вернулись. Не знаю, могу ли в полной мере назвать земли семьи Станич своим домом, но в настоящий момент они ближе всего к этому определению. И еще с того самого момента, как поезд остановился у бейнбриджского вокзала, я успоко-

ился насчет отсутствия угрозы не на девяносто девять, а на все сто процентов. Тут, в краях, где Станичи были своими, не грозило абсолютно ничего.

Оставалось лишь нанять экипаж, загрузить туда ценные чемоданы, устроиться самим и сказать, куда именно нам надобно. А надобно было к дому Станичей. Ведь где же еще должны храниться те самые честно награбленные деньги и иные ценности? Ко всему прочему их сперва следовало как следует разобрать, рассортировать, определить, что именно следует пускать в оборот первым и где реализовывать такие сложные активы, как акции и драгоценные камни.

Как же я был рад, что под домом располагались подвалы, часть из которых не просто запиралась, но и мои дражайшие сестрички туда доступа не имели. В одном из «запретных» для них помещений располагался запас оружия «на крайний случай». В другом... там было пусто. Пока пусто. Ну, почти пусто. Ведь изначально, еще при закладке дома, этот особь крепко запирающийся подвал предназначался для хранения ценностей. Правда, их в столь серьезных количествах у семьи до сего момента не появлялось, но изначально такую возможность предусмотрели. И большое за это спасибо.

Встреча была... Громкой. И основная часть громкости пришлась на Елену, которая с радостным визгом, от коего чуть уши не заложило, бросилась мне на шею, да так там и повисла. Еле отлепил от себя эту пиявку местного разлива! И даже после этого сие чудо не отходило ни на шаг, до-

кладывая обо всех новостях, которые произошли за время моего тут отсутствия. Хорошо хоть Мария была куда более сдержанной. Хотя чувствовалось, что рада ничуть не меньше. Просто не считает верным для себя такое яркое и непосредственное выражение эмоций.

А еще именно она с ходу заметила трость, на которую опирался Джонни. И сразу спросила, но шепотом, за что я ей глубоко признателен:

– Что с ним случилось? И не говори про ушиб или вывих. Так хромают лишь если рана.

– Умная...

– Вся в тебя!

Тут я искренне улыбнулся. В меня она точно быть не может, так что юмор ситуации точно не оценит. Зато позабавило.

– Сквозное. Уже заживает. Просто попробовали нас ограбить, но им объяснили, что они сильно ошиблись. Теперь за свою ошибку там ответят, – я ткнул пальцем в небо. – Дуракам и смерть дурацкая.

– Но Джон пусть доктору еще раз покажется, – поставила точку на этой теме Мария. – Сейчас вас кормить будем. Игнасио! Игнасио, быстро давай, пошевеливайся, а то...

Что там «а то», я просто не расслышал, потому как громкий хохот Джонни лишил меня такой возможности. Тот аж про ногу свою забыл, сгибаясь чуть ли не пополам. Наконец разогнулся. Отдышался, смахнул выступившие слезы и за-

явил:

– Жалко мне будущего мужа твоей сестры... Младшей, конечно. Сильная, самостоятельная, необычная. Сложно с ней придется.

– Зато не скучно. Ладно, сейчас вещи перенесем, а потом уже... Елена, помоги сестре.

– Опять твои страшные тайны, братец, – скорчила хитрую мордашку, подмигнула и игривой походкой неспешно удалилась.

Ну а мне только и оставалось, что позвать одного из слуг и поручить ему перетащить поклажу в подвал. И там оставить, после чего идти по своим делам. После этого озадачить управляющего, старого и надежного Рамона, необходимостью послать весточку Мак-Грегорам и Степлтонам. Дескать, Виктор вернулся и очень хочет в самом скором времени видеть Филиппа и Вильяма. А заодно передать им, что поездка была более чем успешной. Последнее просто чтобы не вздумали беспокоиться. Ах да, ещё и отдельный привет Сильвии Мак-Грегор непосредственно от Джона Смита. Вот не мог я не подколоть его, нравится мне наблюдать за своеобразным выражением лица. Оно почти всякий раз появляется, стоит всплыть имени Сильвии с конкретным таким намёком.

Управляющий понимающе покивал и с достоинством удалился. А там уже командным голосом рявкнул на каких-то двух негров. Хорошо хоть пинка увесистого не выделил, а

то у него это легко и просто. Нет, я понимаю, что хорошо пнутый черномазый первый участок пути просто пролетает, но ведь он еще и мерзко при этом верещит... Так что лучше чуть медленнее, но без столь неприятных звуковых эффектов.

Мы же... Нас ждал подвал. То еще местечко, не самое комфортное и сыроватое, но именно там стоило держать «закрома родины». Каменные стены, несколько дверей... А нам нужна вот эта, внешне от других не отличающаяся, но на самом деле куда прочнее прочих. Да и ключ, к ней подходящий, есть только в одном экземпляре и всегда находится в распоряжении главы семьи.

Хороший такой ключ, к сложному, даже замысловатому замку. Его, кстати, с завидной периодичностью было заведено смазывать, капая туда масло из масленки. Правда, ради непривлечения внимания смазывались все подвальные замки, ну да то дело несложное и нехитрое. На то слуги есть.

Замок открылся легко. Дверь отворилась тоже почти без скрипа. Это хорошо. И вот... небольшая каморка, где из обстановки лишь полка с жестяной керосина, грубо сколоченные стол и три стула, да керосиновая лампа, подвешенная на цепях к потолку. Ее я и зажег, хотя мы тоже не с лучиной пришли. И все равно от двух ламп стало куда как светлее. Особенно в столь маленьком помещении. Теперь затащить внутрь всю нашу добычу, притворить дверь, после чего задвинуть засов.

– Вот тут и оставишь? – полюбопытствовал Джонни.

– Нет, конечно. Тут удобно разговаривать по душам, никто не побеспокоит. А под нашим домом много таких вот комнатушек, – ухмыльнулся я. – Но не о том говорим. Пришла пора посмотреть на плоды трудов наших. Раньше ведь толком возможности не было, всего стереглись. А теперь все, абсолютно безопасное место. Да, кстати, со своей долей как поступать намерен?

– Вопросы серьезные задаешь, – призадумался он. – У меня таких деньжищ никогда не было, и не мыслил, что появятся. Знаешь, Вик, я часть, конечно, возьму. А остальное... У тебя же есть твои планы. Вот и используй. Друга ты не обманешь, я знаю. Если ничего и не получится – останется достаточно, чтобы хорошо жить хоть здесь, хоть в любом другом месте.

Немного сбивчиво выразился, но я его понял. Просто не знает Джонни, что делать с ТАКИМИ суммами. Вот и спихнул проблему на меня, понимая, что я в этом уж точно лучше него разберусь. Сдал, так сказать, большую часть своей доли в «доверительное управление». Тут оставалось только поблагодарить и гарантировать, что жалеть ему о таком решении точно не придется. Что я и сделал.

Кстати о тех самых долях. Джонни, когда договаривался с подбираемыми им людьми, использовал привычное ему обещание раздела добычи в таких вот случаях. Организатор – тот, кто нашел место, разработал план налета и профинан-

сировал подготовку – получал в таких случаях как минимум половину. А вот остальное делилось между участниками в равных долях. Это когда было что-то незапланированное вроде обычного налета – тогда делили поровну. Но у нас был совсем иной случай.

Учитывая же, что часть участников, скажем так, не выполнила условия договора, то их доля делилась между оставшимися. Вот из этого и исходили. Впрочем, не о том речь.

Добыча, извлеченная из чемоданов, серьезно радовала. Вот только легкой в реализации была лишь небольшая ее часть – золото в пяти- и десятидолларовых монетах. И его было не сказать, чтобы сильно много. Пятидолларовая монета весила восемь граммов. Десятидолларовая – шестнадцать. Отсюда легко посчитать, что сумма в десять тысяч тянула аж на шестнадцать килограммов. У нас же было без малого двадцать тысяч в драгоценном металле. Мало? Не сказал бы. Достаточно? Тоже не совсем верно. Но в любом случае с золотом не возникнет никаких проблем. Гарантия.

Теперь банкноты. Английские фунты. Маленькие сложности с ними могут быть, но не так чтобы из-за этого болела голова. Просто фунтами лучше всего расплачиваться при сделках с зарубежными партнерами, только и всего. А они будут, гарантия. Количество же английской валюты – сто тридцать тысяч. Много? Нормально, ведь в серьезных банках всегда хранится немалый запас дензнаков этого действительно влиятельного государства.

Теперь местные банкноты. Проблема была в том, что финансовая система США в отношении бумажных денег в это самое время отличалась редкостным безумием. Достаточно сказать лишь то, что привычных мне однотипных купюр просто не существовало. Пока не существовало. Ведь они появятся именно в период войны Севера и Юга. Сейчас же каждый штат выпускал свои бумажные деньги, да еще и некоторые банки с радостью подключались к сему увлекательному процессу.

Мара-азм! Может прозвучать совсем по-идиотски, но факт остается фактом – в настоящий момент было несколько тысяч видов банкнот. У служащих крупных банков имелись даже специальные иллюстрированные таблицы, с которыми они сверялись, принимая те или иные образчики. Фальшивок было... много. Именно поэтому малые банки старались поменьше иметь дела с таковыми средствами платежа, а уж частные лица, особенно в отдалении от центра распространения – тем паче.

Ну да в нашем случае фальшивок опасаться не стоило – не стал бы столь крупный и солидный банк держать в хранилище чистой воды бумагу.

Еще один нюанс – я специально не брал банкноты, выпущенные в штате Нью-Йорк. Опасно. Проявись такие похищенные деньги в большом количестве – сразу станет ясно, где искать виновника. А мне оно надо? То-то!

В любом случае банкнот разного достоинства и разного

места производства набралось аж на триста семьдесят тысяч. Солидно. Правда, стоило учесть, что их частенько принимали где-то с десяти- или пятнадцатипроцентной скидкой в местах, отдаленных от места выпуска. Ну да ладно, это не столь важно. Хотя сам факт откровенно веселил.

Ценные бумаги на предъявителя. Ну, их оценивать очень затруднительно. Среди доставшихся нам бумаг были как явно ценные, наподобие акций железных дорог и нефтяных компаний Пенсильвании, так и малоизвестные. Рудники, транспортные компании. Судостроительные... В общем, всякой твари по паре.

– А их кто продавать станет? – полюбопытствовал Джонни. – Надо же быть этим... финансистом или в биржах разбираться. Ну вообще можно поискать...

– Можно. Но не нужно. Все это добро, – показал я на разномастные ценные бумаги, – будем продавать не здесь. В Европе. Да, это сложнее. Да, кое-что потеряем, потому как там не слишком нашими акциями интересуются. Зато и найти гораздо затруднительнее. То же самое и с драгоценностями. Они чуть ли не самое ценное, что мы взяли. Но осторожность прежде всего. Плюс к тому именно в одной из европейских стран самый большой рынок драгоценных камней. Да и огранщики там вопросов не задают, если им заплатить.

– Нидерланды.

– Они, Джонни.

Тот понимающе закивал головой. Слава этой страны на-

счет любого рода ювелирки была общеизвестна. Равно как и неразборчивость ювелиров. Эх, были бы хоть какие-то связи в краях «альпийских гномов», то есть в Швейцарии! Тамошние банкиры еще в эти времена были полностью отмороженными в сравнении с другими своими коллегами. Они брали ВСЕ ценности. Равно как и конвертировали замазанные в чистые. Конечно же, за соответствующий процент. Впрочем, насчет этого тоже стоит подумать. Но несколько позже. А пока...

– Вот и закончили с изучением доставшихся нам сокровищ, – улыбнулся я. – Сейчас с собой брать что-то будешь?

– Зачем? Крупных покупок делать не собирался, а на расходы денег хватает.

– Ну тогда иди отдохни. Я чуть позже поднимусь.

Понимающий кивок, и вот уже через минуту Джонни тут как и не было. Мне же остается сделать последнее, что планировалось. Спрятать добычу. Именно здесь, что бы я там ни сказал Джонни немногим ранее.

Тайник. Хороший такой, качественный, устроенный еще при постройке дома. Для открытия надо просто внимательно посмотреть под ноги. Присутствующим тут же веником смести на определенном участке пола землю. Вот и та самая как бы часть пола, а на деле люк. Открыть и его, который ведет в совсем уж крохотное помещение, куда и скинуть чемоданы, не особенно заморачиваясь. Затем спуститься самому, поставить их вдоль стен, а заодно чуток подумать. Насчет

чего? Что именно следует забрать, а что оставить.

Решено. Забираю из тайника почти все, что там было раньше, а в придачу десятку «бумагой», причем вразнобой... Да, я не оговорился, тайник не был пуст. Как-никак семья Станич, помимо плантации и шести десятков негров на ней, имела еще и некоторый резерв «на черный день». Вот его я и выгреб.

Поднявшись обратно, закрыв люк и замаскировав его обратно наметенной землей, я посмотрел на лежащие на столе ценности. Десять «бумагой» плюс двадцать пять золотом. Хорошо. Ну а то, что на счету семьи, то пусть и остается. Не стоит. В дальнейшем же, когда будут вводиться новые и новые крупные суммы, придется работать и со счетами. Ну да это будет потом. А сейчас лежащее на столе в чемоданище. Тяжелый! И вот его, матерясь на драгоценную ношу, потащим к себе в комнату. Там ведь тоже имеется нескораемый шкаф. Массивный, качественный по нынешнему времени. Все равно ведь придется делать «первое вливание». Не сегодня, но в самом скором времени.

* * *

Фил с Вилли появились быстро. Очень быстро по здешним понятиям. Наверняка им не терпелось и нас с Джонни увидеть, и похвастаться своими успехами... полными или же частичными, тут пока сложно было судить.

На сей раз никаких «праздничных» обедов и ужинов не планировалось, поэтому появившегося Вильяма, а за ним и Филиппа просто встретили и проводили в ту комнату, где сидели и расслаблялись мы с Джонни. Причем серьезный разговор не начинался до прибытия Филиппа, так что Вилли обходился обычными сплетнями о нашей поездке и особенностях железной дороги, о которой можно было много забавного рассказать. А уж на плохо подвешенный язык я сроду не жаловался.

– Ну вот мы все и в сборе, – предвкушающе потер я руки сразу после того, как Фил Мак-Грегор не просто оказался тут, но и поприветствовал нас, и осведомился о состоянии подраненного Джонни. – Сразу скажу, что у нас все хорошо, не считая маленькой неприятности с ногой нашего общего друга. Узнали много нового, что понадобится в дальнейшем. Но об этом позже. Что там с оружейниками, с обоими? Порадуйте Виктора, друзья мои!

– Кристофер Майнер Спенсер ждет лишь телеграммы с датой и местом встречи. Готов выехать сразу по ее получении, – с ходу обрадовал меня Степлтон. – С финансами у него не сказал бы что плохо, но выданный аванс в пару тысяч его все равно обрадовал. Но больше всего ему понравилась возможность воплотить в металле свои изобретения. Не единичными образцами, а массово. Он очень честолюбив.

– Для нас это хорошо. А сроки... Сегодня же... Нет, лучше уж завтра надо послать кого-то на телеграф с предложе-

нием выезжать немедленно. Ведь Спенсер согласен передать нам право на производство винтовок своей системы?

– Только в случае, если сам будет участвовать. Я только что говорил, что он честолюбив и не отойдет в сторону.

– Тем лучше. Хорошие оружейники редки, их следует ценить. Только надо будет оформить все на бумаге, заверить у юриста... Ну да с этим справимся. И все же хорошо, что Спенсер честолюбив. Значит, он приложит все усилия, чтобы планируемое мной производство винтовок его системы было действительно эффективным.

– Производство? – несколько удивленно переспросил Вильям. – Я думал, что ты хочешь заказать винтовки на уже действующих... Разрази меня гром! Они же в северных штатах!

– В этом и проблема. Сейчас Спенсер никому не известен. А что будет, если винтовки его системы начнут производиться большими партиями? Местные янки обратят на это внимание, и сделанные выводы могут оказаться для нас не самыми приятными. Так что лучше воздержаться. Но не от закупки на Севере станков, инструментов и разного необходимого материала для оружейного производства. Этого добра много не будет. И еще работники... – я малость загрустил. Понимал, что с последними тоже будут проблемы. Поначалу уж точно. – Ладно, это все решаемо.

– Совсем забыл! – вскинулся Степлтон. – Я ведь привез с собой ту самую винтовку, которую придумал Спенсер. Сей-

час принесу!

Быстро из комнаты выскочил. Хотя, учитывая его беззаветную любовь к оружию, ничего странного. Сейчас будет хвастаться пусть не своей – ведь предназначена заказчику, то есть мне, – но все равно очень интересной игрушкой для настоящего мужчины.

А пока он не вернулся... Все равно эти двое успели друг другу во всех подробностях изложить свои успехи-неудачи.

– Фил, ну скажи же мне, что у меня будет не один оружейник, а сразу два!

– Ты пойми, Вик, Бенджамин Генри, он не просто так, он суперинтендант завода в Нью-Хейвене, в Коннектикуте. Это большая должность, его мало чем удивишь. Он... сюда не приедет.

– Это не страшно. Не приедет он, к нему приедут. Главное, чтобы его что-то из предложений заинтересовало.

– Ему... и так хорошо, – сделал печальную моську Мак-Грегор. – Есть завод, где он может работать и получать деньги. И там же он хочет собственные открытия испытывать. И деньги за них брать. У Оливера Винчестера, хозяина завода. А он южан не жалуется.

Печально. С трудом удержавшись от выражение эмоций, я не смог хотя бы в мыслях не покрыть обоих – Генри и самого Винчестера – многоэтажным матом. Впрочем... Если у меня будет Спенсер, то можно провернуть парочку хитрых «финтов ушами», которые поставят этих двух господ не в

самое лучшее положение. А Мак-Грегор... Не его это вина. Он пытался сделать все от него зависящее, вот и все.

– Отрицательный результат – тоже результат. Все нормально. Фил. Зато мы теперь знаем, чего от этих людей ожидать. А чего ожидать не стоит. О, Вильям, ты вернулся! И даже не один!

Степлтон лишь радостно оскалился, бережно держа ту самую винтовку Спенсера, явно один из опытных образцов. Ну-ка посмотрим. Та-ак... Вот она, та самая новаторская идея – полость в прикладе, куда и вставлялся первый в мире полноценный магазин с патронами. По сути своей обычная металлическая трубка с пружиной, которую вставляем в цилиндрическую полость внутри приклада. Защелкивающаяся крышка... Правильно, чтобы от малейшего движения не вывалился магазин!

Затем опустить затворный рычаг. А механизм? Понятно, выброс из зарядной камеры стреляной гильзы и одновременный захват следующей из магазина. При возврате патрон досылается в ствол, а личинка запирает казенник винтовки. Замечательно. Для этого времени.

Магазин, конечно, сильно непривычного вида и габаритов, ну да что ожидать от «первого блина», который почти всегда комом. И вместе с тем скорострельность может быть воистину фантастическая для середины XIX века. Главное тут, чтобы стрелок носил с собой магазинов двадцать-тридцать. Тогда гарантирован шквал огня, если не от одиночки,

а от, к примеру, роты, вооруженной такими вот девайсами.

— Джентльмены, позвольте представить вам оружие, которое просто обязано перевернуть представления о военной тактике, — поднявшись, я со всей серьезностью произнес эти слова. — При огне из такого оружия используемые сейчас плотные построения просто обречены на уничтожение. Быстрое и жестокое. Но! Никому ни слова. До поры...

— Ты преувеличиваешь! Наверное...

Вскинувшийся Филипп быстро увял, стоило мне лишь внимательно так, с явным скепсисом на него посмотреть.

— Несколько позже. Когда у нас будет с десятков таких винтовок, мы проведем опыт. И ты увидишь. Все мы воочию увидим преимущество этой крошки над однозарядными, тем более с дула, уродцами, которые теперь лишь позорят имя огнестрельного оружия. Это будет скоро... Если вы, тут присутствующие, поможете со скорейшим воплощением замыслов. Так поможете?!

Помогут. Иначе бы не издавали радостных возгласов и не улыбались с искренними радостью и энтузиазмом. Фил радуется просто так, от чистого сердца. Вильяму милее всего в данный момент именно новизна оружия и намеки на изменение тактики боев. Ну а Джонни, у него более сложная и скрытая мотивация. Рад как тому, что уже изменилось в его жизни, так и серьезным перспективам, открывшимся с недавних пор. Теперь туманное будущее для него прояснилось, появилась четкая перспектива. И это хорошо. И для

них, и для меня.

Вино по такому случаю? Несомненно. Достаточно было позвонить в колокольчик, и Хуанита – эта тенью перемещающаяся по дому служанка, – выслушав пожелания, лишь кивнула и удалилась. Ненадолго, как раз на время, potřebное для нахождения и доставки заказанного.

– Да, а что там насчет вроде бы возникшего желания вложить часть семейных средств в производство такого мощного и новаторского оружия? – поинтересовался я, хотя вопрос был скорее в суммах, чем в самом факте. – Скоро прибудет Спенсер, тогда все и начнется. Подготовка и подписание бумаг, закупка станков и прочего оборудования...

– Мой отец видел и оценил винтовку, – говоря это, Степлтон прямо-таки с любовью смотрел на оружие. – Он даст мне деньги. Немало... Тысяч пятьдесят.

– Двадцать, – вздохнул Мак-Грегор, разводя руками. – Он не особенно верит в успех, но рад, что я решил заняться делом.

– Джонни тоже готов принять участие. Его взнос не уступит. Плюс мои вложения. Серьезные, – не озвучивая сумму, я дал понять, что собираюсь использовать немалую часть «семейного капитала». – Этого должно хватить. Но поездить по стране придется.

– Зачем?

Лысый Фил в своем репертуаре. Любит он задавать вопросы, ответы на которые ну просто очевидны.

– Покупку станков и прочего что, случайному человеку доверишь? Поиск специалистов, которые будут производством управлять? Мы ведь в этом не понимаем, нам в этом деле с самых азов разбираться предстоит. Равно как и в других делах.

Филипп осознал. Филипп проникся. Ненадолго, конечно, слишком хорошо я его... помню. Именно помню, поскольку термин «знаю» пока не совсем уместен. Но посылать с целью договориться о поставках его персону... не рискну. Обманут же. Так что если и поедет, то не один. А вот Степлтон – это другой расклад. Его не проведешь и уж точно не обманешь. Въедлив, дотошен, умеет видеть подвох. Ладно, чуть позже разберемся. А пока нам принесли пару бутылок действительно хорошего вина. Не местного, а испанского. По такому случаю даже я от бокала не откажусь... Есть за что выпить. И просто посидеть, дела самую малость в сторону подвинув.

Хорошо все же когда вот так вот тебе приносят нужное. Самому ноги бить не приходится и шарить в винном погребе. Слуги. Привычный здесь элемент домашнего уюта. И именно здесь не раздражающий, в отличие от тех, которые я помню по другим домам. Слуги – это нужно, даже необходимо. Преданные слуги – особенно. Чего стоят знаменитые английские дворецкие, камердинеры, личные слуги того или иного аристократа, ставшие чуть ли не легендой. Передающие свою должность чуть ли не по наследству и искренне ею гор-

дящиеся.

Юг шел по тому же пути, семимильными шагами отдаляясь от тех самых «демократии и равенства», с которыми, аки дурак с писанкой, носились северяне. Они носились, а управляющие нити были у малого числа банкиров, которым эту дурь была откровенно на руку. Нет аристократии, есть иллюзия равенства... Самое то для «теневого управления». Оно как началось в начале девятнадцатого века, так и продолжалось до двадцать первого. Единственной серьезной угрозой был Юг, именно поэтому и началась эта война.

Почему они видели в Юге угрозу? Именно видели угрозу, а не ощущали неиллюзорную боль от пролетающей мимо них прибыли! Плантадоры, они трансформировались. Сначала медленно, потом процесс пошел куда более быстро. Это были уже не совсем землевладельцы. В их быте, образе жизни, стиле проскальзывали элементы той самой аристократии. Тому способствовало большое количество свободного времени, возможность развивать разум, заниматься не тяжелым трудом ради выживания и бездумного накопительства, а самосовершенствованием. Было... неприлично являться не начитанным и не разбирающимся в оружии, происходящем в мире, других вещах, отличающих развитого человека от того, кто предпочитает оставаться в тупой и примитивной пустоте.

И явственно просматривающаяся иерархичность. Причем та, в которой низшие ступени были прочно и безальтерна-

тивно зарезервированы для тех, кто являлся чуждыми элементами. Для рабов. Многие живущие на севере не совсем это понимали, но... Любой прибывший в южные штаты мог оказаться в разном положении, но ниже определенного уровня ему было не опуститься. Никогда! Сама система бы не позволила, ибо это подорвало бы ее основы.

Вот поэтому Юг в моей истории и был обречен. Ну не мог не просто зародившийся, но уже и укрепившийся олигархат допустить возникновение конкурирующей с ним системы. Тем более той единственной, которая действительно страшна для него. Отсюда и все последующие события, стоящие на желании сохранить выгоду, а также ее увеличить, и страх потери имеющегося. Железная мотивация.

Ну а я... Раз уж оказался здесь, да к тому же успел сделать начальные шаги, то сами боги – ну или демоны, не суть – закинувшие меня сюда, велели попробовать изменить ход истории. И шансы на то не сказать чтобы сильно маленькие. Хотя усилий придется приложить огромное количество. Но оно того стоит. Мир, где нет юсовских транснациональных корпораций и разгулявшихся политкорректности и прочей толерастии, он дорогого стоит.

Глава 5

*США, штат Джорджия, Бейнбридж,
июль 1860 года*

Кристофер Майнер Спенсер, оружейник двадцати семи лет от роду и немалого таланту, прибыл в Бейнбридж довольно быстро. Как я понял, сборы заняли у него с момента получения телеграммы не более пары-тройки дней. Ну а затем – неблизкий путь по железной дороге, которая в это время была, так скажем, куда медленнее мне привычной.

Прибыв в Бейнбридж, согласно полученным указаниям, Спенсер снял номер в приличной гостинице, после чего послал с курьером сообщение, в какой именно гостинице он остановился и в каком номере. Все, больше от него ничего не требовалось. Оставалось лишь ждать моего визита, с которым я точно затягивать не собирался.

Да и брать с собой большую толпу тоже не имело смысла. Для доверительной беседы вообще лучше всего формат тет-а-тет использовать. Решил не изобретать велосипед, именно так я и поступил. К тому же и смысла не видел посылать за кем-либо из друзей. У них и так дел предостаточно, отдыхать не часто удается.

Именно дел! Ведь что требуется для фабрики по производству оружия, помимо соответствующего оборудования?

Правильно, земля, на которой она будет располагаться. Поблизости от воды, не в глуши, но чтобы рядом домов не было. Ведь шуму от любого производства... масса. Есть земля? Надо договориться о ее покупке, да не просто договориться, а начать оформлять бумаги. Да и что даст голая земля? На ней ведь надобно начать строительство, а для этого требуются специалисты.

Вот всеми этими вполне естественными, но выматывающими делами они и занимались. Разумеется, не в полном отрыве от общества. Как-никак, у старших поколений семей Мак-Грегор и Степлтон в таких делах опыта куда больше. Вот они и помогали советом. Ну а я... Общий контроль и разработка дальнейших планов. Тут от меня пользы куда больше будет. Я свои сильные и слабые стороны хорошо знаю.

Сейчас же меня ждал разговор со Спенсером. Путь от дома до Бейнбриджа, тем более верхом, да на хорошей лошади... Недалекая прогулка на свежем воздухе, право слово. Я ведь научился получать от пребывания в седле даже некоторое удовольствие. Раньше было просто полученное от прежнего хозяина тела умение, а вот теперь... Есть тут существенная разница, знаете ли.

Город. Большой по меркам южных штатов. Да еще и транспортный узел, куда стекается груз хлопка и прочих экспортируемых товаров чуть ли не с половины штата. И вместе с тем не возникает ощущение присутствия в большом чело-

веческом муравейнике. А вот в Нью-Йорке оно четко прослеживалось. Атмосфера разная, вот и все дела. Местная, что неудивительно, нравится куда больше. Интересная архитектура. Неплохие увеселительные заведения. Девочки красивые...

Только сегодня я сюда не на отдых прибыл, а по важному делу. Так что девочки сегодня в пролете. Печально, но факт.

Вот и нужная мне гостиница под названием «Серебряная подкова». Не самая шикарная в городе, но приличная. Осаживаю лошадь и спрыгиваю на землю. Бросить поводья вместе с мелкой монеткой подбежавшему негритенку. Все, можно и внутрь заходить. О сохранности четвероногого имущества можно не беспокоиться – конокрадов тут без лишних церемоний на виселице потанцевать отправляют.

– К мистеру Спенсеру, восемнадцатый номер, – говорю портье за стойкой, как только оказываюсь в гостиничном вестибюле. – Передайте, что его желает видеть Виктор Станич.

Одно движение руки, и местный «бой» несется во весь опор. Дисциплина, она в таких случаях незаменима. И никакой тебе лени. Прислоняюсь к стене, думая, что пару минут можно просто постоять, отрешившись от происходящего вокруг. Бывает у меня такое настроение...

И тут же его надо порушить. Впрочем, я не в обиде, даже наоборот. Прошло совсем немного времени, а в мою сторону довольно резвым шагом движется не «бой», а совсем даже Кристофер Майнер Спенсер. Да еще с искренней, радостной

и где-то сребролюбивой улыбкой на лице. Сам спустился к дорогому гостю в моем лице. Приятно видеть такое рвение, не спорю.

Взаимные приветствия, рукопожатие... И обратно в номер, причем Спенсер еще порывался было заказать что-то вроде дорогого вина или виски двадцатилетней выдержки. Пришлось вежливо пресечь эти поползновения, объяснив, что сперва дело, а остальное уже потом.

Это оружейника успокоило. Относительно, конечно, все же мандраж по поводу итогов нашей встречи никуда не делся. Ничего, разберемся.

– Ну что же, мистер Спенсер, приступим, – усевшись на диван напротив присевшего на краешек кресла оружейника. – Мой друг, встречавшийся с вами ранее, Вильям Степлтон, кое-что обрисовал, но до конкретики дело не дошло. Так?

– Да, но он уверил меня...

– И правильно сделал. Я вместе с моими компаньонами начинаю строить фабрику по производству оружия и боеприпасов. И первым изделием, которое будет там производиться, должна стать ваша винтовка. Поэтому я желаю выкупить у вас эксклюзивное право на производство. Однако с каждой произведенной винтовки вам не только будут идти определенные отчисления, но и ваша известность станет расти день ото дня. Согласитесь, что сочетание этих двух факторов способно поднять настроение.

– Если...

– Скажу сразу, я с компаньонами готов вложить в работу фабрики несколько сотен тысяч долларов. – Глаза оружейника приобретают уже не раз виденную мной по жизни круглую и заметно выпученную форму. – Что до числа винтовок, вами разработанных и потому обязательно носящих в названии ваше имя... Думаю, что счет пойдет не на сотни, а на тысячи.

– Я готов. Непременно готов обсудить такое серьезное предложение! – зачастил Спенсер. – Я рад наконец-то услышать, что моей винтовкой всерьез заинтересовались. Я устал объяснять этим.... Они не понимают, не хотят смотреть в будущее! Только хотелось бы... Контракт... подписать...

– Понадобится время, – сразу чувствуется обеспокоенность. – Думаю, что до завтрашнего дня я управлюсь. Несколько вариантов уже имеется. Посидим, посмотрим, какой из них окажется более подходящим для всех. – Неверие и радость в глазах. Понял, что никакой затяжки даже не намечается. – И, помимо всего прочего, я намерен предложить вам должность суперинтенданта на фабрике. Ну или главного технолога, если так звучит более для вас привычно.

Слов у Спенсера нет... Видать, горло от избытка эмоций перехватило. Зато кивает очень усердно, того и глади голова отвалится. Э, нет, так не пойдет, на кой мне оружейник без головы?

Чуток успокоившись, Спенсер начал выпытывать насчет

будущей фабрики, станков, мастеров и рабочих. Что касается количества денег, которое будет ему причитаться как единовременно, так и в качестве отчислений с каждой проданной винтовки. Названные цифры... устроили. Хм, а я думал, что придется поторговаться, специально занизил суммы. А оно вот как получилось. Да. Неизбалованный покамест предлагаемыми условиями человек. Удалось перехватить его в нужное время, удалось. Ведь в известной мне истории он, несмотря на революционность своего оружия и имеющиеся на производство опытных партий деньги, поимел массу хлопот. А потом еще несколько месяцев мыкался по всем инстанциям, доказывая эффективность разработанного им оружия.

Сейчас же... не будет никаких скитаний. Оружейник вытащил выигрышный билет намного раньше. А еще он послужит очень хорошим прикрытием для дальнейшей работы. Какой? Ну, пусть я ни разу не технарь, но основополагающие идеи все же помню. Равно как и исторические сведения.

Например, я очень хорошо помню, что жил-был такой человек по фамилии Гатлинг... Здесь жил, в США. И не просто жил, а как раз во время войны Севера и Юга ему пришло в голову, как создать первый в истории пулемет. Пусть он был основан на механическом принципе ведения огня, а не на автоматике, но и это было революционным по тем временам шагом. Существующие до этого митральезы – это скорее многоствольные картечники, стреляющие или из всех ство-

лов разом, или группами стволов. Хлопотно, а толку не столь уж много.

Так вот, возвращаясь к изобретению Гатлинга. Можно было попытаться создать его еще до самого Гатлинга, особенно при помощи настоящего оружейника, уже проявившего себя. Правда, разговор на сей счет с ним стоит вести не сейчас, а несколько позже. Ну а пока... Кристофер Спенсер получил лишь намек на то, что от него потребуется заниматься не только своей винтовкой, находя возможные слабые места и усовершенствуя отдельные узлы конструкции, но и работать над новым. К примеру, над пистолетом наподобие «вулканика», но по принципу зарядки всего магазина сразу, а не по одному патрону. Само собой, тоже не задаром.

Впрочем, Спенсера сейчас всецело поглотило желание поскорее подписать бумаги и получить гарантии своего будущего как оружейника. Я это понимал, поэтому и не стал заострять внимание на более отдаленных событиях. Так, обозначил и не более того. Нет особого смысла вести серьезные разговоры, когда человек мыслями... несколько в ином направлении. Вот когда подпишет, получит на свой счет оговоренную сумму в качестве материального доказательства серьезности моих намерений. Привыкнет к тому, что уже не «непризнанный гений», а человек с хорошим будущим. Тогда и на изобретательские темы с ним поговорим. Благо действительно есть о чем.

Пока же я вежливо попрощался со Спенсером, обещав,

что завтра, уже в первой половине дня, буду у него вместе с бумагами на подпись и с юристом, который должен будет все это заверить. Обещание простое. Правда простое, ведь все уже было готово, надо лишь проставить суммы выплат да озаботиться юристом. Таковых же в Бейнбридже хватало. В том числе и с весьма хорошей репутацией.

Дела на сегодня были почти закончены.... Кстати, я вроде упоминал про то, что в городе есть места, где постоянно присутствуют красивые девушки? Думаю, что небольшой отдых в приятной компании я однозначно заслужил.

*США, штат Джорджия, Бейнбридж и окрестности,
август 1860 года*

Время, оно иногда плетется как беременная эстонская черепаха, а порой несется во весь опор. Сейчас, к сожалению, был верным второй вариант. Время летело вперед на всех парах, ну никак не желая останавливаться. И ведь нельзя было сказать, что впустую. Просто его все равно не хватало.

Построить фабрику, тем более по производству оружия – дело не просто сложное и дорогое, но еще и не быстрое. Одно дело купить землю и начать строить здания. Другое – скупить необходимые для производства станки, причем не стесняясь доплачивать за срочность, перекупать квалифицированных специалистов, заранее позаботиться о закупках сырья. Сырье, кстати, тоже было большой проблемой. Первоначальные запасы можно и нужно было приобретать в северных штатах.

Зато на будущее однозначно стоило позаботиться и о местных источниках. Иначе... Я ведь не позабыл о такой мерзкой штуке, как блокада с моря. Флот по большей части поддержит Линкольна и его свору, этого не изменить. Единственный шанс хотя бы немного выровнять ситуацию – заранее озаботиться насчет закупки военных кораблей в той же Европе. Разумеется, там спихнут «осетрину второй свежести», но за неимением лучшего и она сойдет. Главное, чтобы не подсунули совсем уж откровенную тухлятину.

Только... Корабли, во-первых, нужно покупать на что-то. Во-вторых, необходимо в них разбираться. И в-третьих, для них нужна команда. Если первое еще можно было решить реализацией в Европе акций и драгоценных камней, а по второму пункту найти пару-тройку людей, в военно-морском деле разбирающихся... С командой же на корабли – полный швах. Полный и абсолютный. Тут нужен контакт с властью имущими, причем не просто случайный, а вполне себе на доверительном уровне. Да и не получится приобрести военные корабли в мирное время так, чтобы они очутились вне интересов и досягаемости властей. Тех самых, которые будут однозначно против Юга. Поэтому тут ждем. Точнее сказать – выжидаем нужного момента.

А от поездки в Европу было ну никак не отвертеться. Не лично, конечно, но с использованием доверенных людей. Таковыми могли считаться немногие. Вот и пришлось резать буквально по живому. В довольно спешном порядке в

Европу – а точнее в Нидерланды, эту вотчину неразборчивых ювелиров, к тому же еще и с не самыми малыми биржевыми торговыми площадками – были отправлены двое. Рамон Круз, как проверенный годами управляющий, разбирающийся в финансах. Ну а в качестве цербера и охраны – Джонни, у которого к тому же и нога поджила так, что и трости более не требовалось.

Сроки... Трансатлантический переход мог занять время вплоть до пары недель. То есть этот период туда, там как минимум три-четыре недели, а то и больше, если вдумчиво к вопросам подходить, да еще обратная дорога. То есть где-то в октябре можно было ожидать их возвращения.

Им была вручена большая часть акций на предъявителя, а заодно и примерно третья часть драгоценных камней. Туда они повезут их, а вот обратно – нет. Все должно будет поступить на счет в банке. В нескольких банках, я об этом заблаговременно позаботился. Причем незамедлительно по поступлении счета будут несколько... опустошены, переведены в золотую и серебряную монету. Я-то хорошо знаю, что будет твориться с бумажными деньгами с самого начала войны. А вот золото с серебром цены никогда не теряли. Такова уж их природная особенность.

Спенсер... Тот блаженствовал. Мало того что его финансовое положение, и так довольно неплохое, изменилось в еще более приличном направлении. Так он еще и получил значимую должность. Пусть фабрика только-только строи-

лась, но он частенько пропадал либо там, либо в снятой в городе квартире. Там он то чертил какие-то усовершенствования для своей винтовки, то, вдумчиво изучив полученные телеграммы, прикидывал, что бы еще из станков и прочего инструментария заказать. Помогали также и знакомства оружейника. С его знаниями насчет того, кто именно из фабричных специалистов знает свое дело, а кого лучше даже не трогать, работа по привлечению нужного количества действительно ценных кадров шла куда быстрее, чем я предполагал.

А то, что фабрика лишь строилась... Ничего, лучше нанять основной костяк чуть раньше и платить им недолгое время «вхолостую», чем потом страдать из-за отсутствия спецов на уже готовом производстве. Переживу, благо взятая добыча позволяла некоторые повышенные траты.

Это что касается дел оружейных. Насчет же другой проблемы дела обстояли не столь радужно. Но и не печально. Просто следовало как следует обдумать ситуацию насчет того, кто именно будет вооружен первыми произведенными винтовками и с какой эффективностью они смогут их использовать.

Мне сразу вспомнилось то, что я в свое время читал о первых неделях после объявления войны. Именно тогда проводился начальный сбор армии что на Севере, что на Юге. И сбор этот был... откровенно печальным зрелищем. Кадровая армия в США была в это время весьма невеликой по численности. Пятнадцать тысяч человек – это уже само по се-

бе печально. То есть их только-только хватало на гарнизоны пограничных фортов на охрану арсеналов. Увидеть солдата в форме вне окрестностей тех самых фортов и арсеналов... В общем, редкое это было явление.

Было мало солдат, еще меньше офицеров. Неудивительно, что основную роль играли добровольческие формирования, которыми в большинстве случаев командовали, скажем так, далеко не профессиональные вояки в офицерских чинах. Командир, откровенно говоря, выбирался из числа наиболее авторитетных персон. Он и назначался официально, получал звание и... И вперед. Роты, батальоны, даже полки — они формировались именно так. Думаю, ничего удивительного не было и в том, что вооружение там присутствовало... разномастное.

Ну, допустим, вооружение к тому времени уже будет. Стоп! Не «допустим», а точно будет. Пусть пока не тысячи винтовок, но первые партии уже будут готовы, равно как и боеприпасы к ним. Проблема тут в другом. Маловероятно, что местные, то есть жители Бейнбриджа и окрестностей, согласятся видеть хотя бы в качестве командира роты пусть и своего, пусть и из известной семьи плантаторов, но всего двадцати лет от роду. А быть в подчинении у всех подряд или же оставаться всего лишь «жертвователем оружия и амуниции» меня категорически не устраивает.

Безвыходная ситуация? Да как бы не так! Просто не нужно пытаться прошибать лбом каменную стену. Надо ее всего

лишь обойти... ну или взломать дверь маленькой и тонкой отмычкой.

Нет шансов, что тебя выберут командиром? Так обзаведись теми, кто будет от тебя зависеть. Наемниками, проще говоря. Благо такое в США, а особенно на Юге, далеко не в диковинку. Собрать отряд, чтобы отправиться в дальний рейд вне территорий США? Не так чтобы поощряется, но и запрета нет.

Откуда брать наемников? Уж точно не здесь, не в Джорджии. Тут почти все при деле, а имеющиеся «свободные художники» будут стоять все же слишком много. На северных территориях искать надо, именно там. Почему, ведь они вроде как будущие враги? Так ведь не янки же я имею в виду! Совсем не их.

Эмигранты. Те самые, которые прибывают на другой континент за новой жизнью, считая эту землю землей обетованной. Только вот реальность вдребезги разбивает мечты большинства из них. Вместо легкой работы и большой оплаты – каторжный труд на какой-то фабрике. Не для всех, конечно, лишь для многих. Но эти самые «многие»... они-то сильно разочарованы. Не все из них хотели такого, далеко не все.

Вот и будет им альтернатива тупой и примитивной работе. Тем из них, кто подходит, обладает нужной искрой авантюризма и пассионарности, а также не боится риска. Да что там далеко ходить! Я хорошо помню, что такое город Нью-Йорк. Равно как и о том, какое огромное число людей при-

бывает туда. Зачастую совершенно «пустые», не обремененные даже минимумом денег.

Взять тех же ирландцев. Почему их? Просто я помню, как читал о серьезных беспорядках в Нью-Йорке через не то год, не то два после начала войны. Основную роль в них играли как раз те самые ирландцы, не желающие почти за просто так мобилизовываться и умирать на поле боя. Да и симпатии их не сказать, чтобы были на стороне северян.

Имеется возможность. Грешно будет ею не воспользоваться по полной программе. Ну то есть как «по полной». Послать в город человека с целью завербовать там для начала... с полсотни или сотню людей. И оставить кого-то из тех же самых ирландцев, что потолковее и поавторитетнее, на должности своего рода агента-вербовщика. И держать с ним связь по телеграфу, по необходимости сообщая ему, сколько еще людей желательно нанять. И еще такой нюанс... Брать только тех, которые уже полной ложкой хлебнули от щедрот хозяев нью-йоркских фабрик. Условия там, мягко скажем, хреновые. Вот отведав их, нанятые мною явно не захотят возвращаться обратно. Есть у меня четкое предчувствие, основанное на природе человеческой.

Вот этой идеей я и озадачил Вильяма Степлтона, который, как это часто бывало, нагрянул ко мне ближе к вечеру. Посидеть, поделиться последними новостями, да и просто отдохнуть. Услышав мою задумку, Степлтон нахмурился, после чего взял некоторую паузу. Спустил пару минут и полови-

ну стакана виски он ответил:

– Ты думаешь, наемники будут надежными солдатами?

– Это смотря как повернуть... Там, на севере, они были пустым местом, работая там, куда мы только рабов пошлем. И то с рабами приходится обращаться как с ценным имуществом. Заболеет, так работать не сможет какое-то время. Померет – так и вовсе безвозвратная потеря. А здоровый мужчина-негр в расцвете сил до тысячи долларов может стоить.

– Знаю, отец недавно пять новых работников на плантации покупал.

– Ну вот, ты знаешь, я знаю, все плантаторы и фабриканты Юга знают. А у этих янки что? Заболел работник – пинка ему под истощенный зад. Нового нанять можно. И пусть хоть дальше болеет, хоть вовсе помирает. Это тамошних выжимателей денег не волнует. Понимаешь, что увидят эти самые ирландцы-наемники, прибыв в нам, в солнечную Джорджию?

– Догадываюсь, но не до конца... Продолжай, Вик, я очень внимательно тебя слушаю.

– Что мы даже с РАБАМИ не обходимся так, как их БЕЛЫЕ наниматели обращаются с людьми своей расы и своего языка. Что даже самые никчемные работники-надсмотрщики тут живут лучше, чем они там, на северных землях. Как думаешь, захотят ли они остаться тут и получать хорошие деньги, пусть и связанные с риском?

Степлтон кивнул, полностью соглашаясь с такой поста-

новкой вопроса. Ответ же... был очевиден.

— К тому же им можно будет кое-что интересное пообещать. Не сейчас, конечно, а потом, когда начнется... война.

— Что же?

— Там посмотрим. Есть у меня мысли, но говорить еще рано. Но ты сам как думаешь?

— Любой человек, обладающий честью и достоинством, не захочет, чтобы его ставили наравне с черномазым, — сверкнул глазами Вильям. — Я читал про ирландцев, видел кое-кого из них. Увидев и сравнив, они будут хорошими наемниками. Они будут воевать не только за деньги, но и за свое будущее. Не работника, с которым обращаются хуже, чем с рабом. А свободного человека, знающего, что такое достоинство и гордость.

Ох как Степлтона на пафос пробило! Но здесь это нормальное явление, так что я принял как должное подобный тон. Плюс ко всему сказанное Вильямом означало, что он проникся высказанной идеей. А раз так, то...

— Вот ты, друг мой, и поедешь в Нью-Йорк. Говорить ты хорошо умеешь, деньги на аванс наемникам и проездные для них же тоже будут. Ну и придется открыть счет, к которому будет иметь доступ наш будущий вербовщик, которого пока еще нет...

— А почему не Фил?

Крик души, однако. Вроде и понимает Степлтон, что ехать надо, но уж очень хочет перевалить сию почетную обязан-

ность на другого. Хорошо хоть не на меня. Понимает, что немного не тот профиль. К тому же не хочется мне что-то еще раз в Нью-Йорк. Причин для беспокойства нет, а все равно не хочется. Инстинкт, однако! Где напакостил, от того места некоторое время лучше держаться подальше.

– Послать туда нашего лысого бабника Мак-Грегора? – не скрывая эмоций, задал я ответный вопрос. И тут же сам на него ответил: – Его обаяние действует на женщин. К тому же наш друг... может что-нибудь напутать. Пусть наберется опыта. Он сейчас что делает?

– Договаривается о закупках сырья для строящейся фабрики, – вздохнул Вильям. – Не один, под присмотром.

– Во-от...

– Да понимаю я. Джонни нет, он в Европе. Ты весь в делах. Мне и придется... Просто лень, – вздохнул он, явно понимая, что это не есть веская причина. – Поеду, конечно, Филипп не справится. Полсотни или даже больше наемников. Искать среди ирландцев. А сколько им платить станешь?

Тут и думать особо не пришлось. Плата солдатам в армии никогда не была секретом.

– Простой солдат получает, как я помню, одиннадцать долларов в месяц. Мы положим им пятнадцать. Платить будем ежемесячно, еда и обмундирование. Как и положено, тоже наши.

– Щедро...

– Экономя на медяках, потеряем золотые, – сразу же от-

ветил я. – Но зато прохлаждаться в тенечке они у нас не будут. Бег, пешие переходы, стрельба, умение обращаться с лошадьми. Хотя бы минимальное понимание полевой тактики...

– Она-то им зачем?

– Да затем, чтобы, случись что с офицером, сержант мог временно занять его место. Случись что с сержантом... Ну да ты меня уже понял.

– Замены... Необычно, но я действительно понял. Я сам попробую заняться их обучением по приезду обратно. Это будет интересным экспериментом!

Вот так и договорились. Если у человека есть к чему-либо интерес, то он выполняет такую работу куда более эффективно, не по необходимости, а по зову сердца. Да... Вильям отправится в дорогу и пробудет в Нью-Йорке далеко не один день. Что же до меня... Тут дел тоже предостаточно. К тому же у меня, помимо дел, есть еще и две очаровательные сестренки. Привык я их считать таковыми, что тут сказать. Милые, смышленные, вызывающие исключительно приятные эмоции. И скучать не придется, и отдохнуть в приятной компании всегда можно.

Глава 6

*США, штат Джорджия, Бейнбридж и окрестности,
ноябрь 1860 года*

Это случилось! Шестого ноября одна тысяча восемьсот шестидесятого года прошли выборы шестнадцатого президента США. Им, как я и был уверен, стал Авраам Линкольн, верный цепной пес банкиров и прочего олигархата. Тот самый, который, по их планам, должен был окончательно свернуть эту страну в удобную им сторону, напрочь отсечь все другие пути. И уничтожить тем или иным образом угрозу, которую представляли собой южные штаты.

Линкольн не мог не победить, ведь число жителей Севера значительно превышало число жителей Юга. Но показательным был тот факт, что почти из тысячи южных избирательных округов Линкольн одержал победу... в двух. То есть Юг категорически отказал ему в доверии. Ка-те-го-ри-че-ски! Можно ли было сделать это еще более наглядно? Сильно в том сомневаюсь.

Юг забурлил в тот же день, как только стали известны результаты выборов. Адское варево кипело в котле с наглухо закрытой крышкой. И всем было очевидно, что до момента взрыва не месяцы – недели.

Пока что люди просто собирались, обсуждали произошед-

шее, дружно ругали свежееизбранного президента и утверждали, что не собираются подчиняться этому потерявшему всякое понятие о реальности янки. Это говорили во всех слоях, всех группах – от последнего надсмотрщика на плантации до крупнейших плантаторов, фабрикантов, политиков, которые считали своей родной землей Юг, а вовсе не США в целом.

Ну а я лишь улыбался... По какой причине? По той, что теперь мне не приходилось старательно увиливать от объяснений или отделяваться разного рода отговорками по поводу одного очень интересного вопроса. Что это был за вопрос? Наемники.

Ага, те самые наемники, первая партия которых числом в полсотни прибыла в сентябре. И эти полсотни ирландцев в самые сжатые сроки стали предметом сплетен и обсуждений сначала среди соседей-плантаторов, а потом и до Бейнбриджа добрались. Полсотни здоровых, крепких парней – это же явно не просто так. Прибывают, обустройстваются в специально выстроенных для них за короткое время домах, что больше всего похожи на казармы.

Для работы на строящейся фабрике? Не похоже, ведь там они и не появлялись. Зато в скором времени стали учиться меткой стрельбе, верховой езде. Их частенько заставляли бегать вокруг пруда и даже совершать большие пешие переходы. Тут уж ни у кого не осталось сомнений, чему учат этих людей за землях, принадлежащих Виктору Станичу. Но вот

зачем учат...

Любопытство – страшная сила. Ничего удивительно не было в том, что у меня в гостях перебивала немалая часть видных жителей Бейнбриджа. Не говоря уж об окрестных плантаторах. Все они встречались с максимальным уважением, им охотно показывались нанятые мною ирландцы, равно как и их тренировки, которыми руководили по большей части трое моих друзей, но основную роль играл все же Вильям Степлтон. Его давняя мечта поступить в Вест-Пойнт хоть и не реализовалась, но теперь не им командовали. Командовал он, руководствуясь теми знаниями, которые получил как из книг академии, так и из разговоров с прошедшими войну ветеранами-офицерами.

Но Степлтон был лишь... исполнителем по большому-то счету. Причем сам это и понимал, и признавал. Я даже и не думал оставаться в тени, изначально позиционируя себя как основного командира, а Вильяма как своего первого заместителя. Двоевластие мне нафиг не требовалось.

Впрочем, о гостях, многочисленных и очень разных. Все они рано или поздно, прямо или косвенно задавали тот самый вопрос: «Зачем вы обучаете солдат, мистер Станич?» И не получали однозначного ответа. Равно как и от тех немногих, кто был в курсе, то есть от семей Мак-Грегор и Степлтон. Лишь туман и отговорки, равно как и намеки, что в скором времени... И вот теперь это самое время настало. Но требовались ли теперь эти самые вопросы? Ведь в симпатии

ях к Линкольну и его сторонникам меня точно невозможно было заподозрить.

А меж тем планы реализовывались вполне себе бодренько! Джонни вкупе с Рамоном, моим управляющим, вернулись из Европы, сделав все то, ради чего и были туда посланы. Сторговать акции по приемлемой цене и сдать треть из взятых в банке драгоценных камней голландским ювелирам было бы возможно и обычным путем, однако... Да, я всегда предпочитаю подстраховаться. В данном случае подстраховкой выступили рекомендательные письма для Джонни с Рамоном от Степлтона-старшего и еще нескольких знакомцев семьи Станич. Не бог весть какие весомые рекомендации. Спору нет, зато достаточные хотя бы для того, чтобы выслушали предложение. Ну а выслушав, от светящего крупного куша сложно было отказаться. Продавался-то «горячий товар» со скидкой. А европейские дельцы не идиоты, понимали, что акции на предъявителя – они ж на то и безликие, чтобы ими кто угодно мог воспользоваться.

Закупка там, в Европе, станков для строящейся фабрики. Лишнее? Да ни в коем случае. Я хорошо помнил, что Юг будет в грядущей войне корчиться от катастрофической нехватки производственных мощностей. И если запасы сырья хоть как-то, но будет удаваться восполнять, со средствами производства совсем тоска-печаль.

Казалось бы, что мешало заказать партию современного оружия? Теоретически – ничего. Зато на практике из стрел-

кового подходили лишь ружья системы Дрейзе, да и не были сравнимы по характеристикам с карабинами Шарпса. Так что везти через океан «шило» для смены на местное «мыло»... Толку-то, как говорится, маловато будет. Лучше уж забить зафрахтованное место на судне станками и особо ценным и компактным сырьем, а не страдать откровенной фигней.

В общем, все прошло гладко. Товар продан, оплата получена. Ну а перевести ее уже здесь в золото и серебро – дело простое. Так что проблема с финансами, уже начинающая проследиваться, исчезла, как будто ее и не существовало. Да и сделанные покупки доставлены. Железная дорога рулит!

Оружейная фабрика... строилась. Процесс, мягко скажем, не сильно быстрый, ну так я знал, чего ожидать. Сначала большие затраты времени и особенно денег, ну а отдача пойдет несколько позже. Впрочем, пару десятков винтовок системы «спенсер» все же удалось сделать. Почти что «на коленке», но для тренировки это было очень важно. Ну а первые нормальные партии пойдут, я так думаю, начиная с весны. До этого же времени... Если понадобится, вот такие скудные количества можно выдавать.

Полсотни завербованных в Нью-Йорке превратились в целую сотню. Оставленный там агент, прислав очередную партию, сообщил, что отбирал самых-самых, поскольку желающих хватало. Остальным же, согласно полученным инструкциям, сообщалось, что в относительно скором времени по-

надобятся и новые люди. Впрочем, так оно и было, я планировал по полной разыграть карту наемников. Единственную, кстати, возможную в моем положении на первых порах.

Поскольку людей стало больше, то пришлось выделять из первой полусотни наиболее талантливых и назначать их старшими над десятками. Пока так... Потом уже пойдет разбивка на более свойственную армии структуру.

Затраты... Чистая оплата – полторы тысячи в месяц для сотни человек. Еда и амуниция – тоже на мой счет. Вполне себе приемлемо, учитывая имеющиеся резервы. К тому же потом, с началом собственно боевых действий, я буду не я, если не выбью некоторую сумму из властей Конфедерации. Ведь одной сотней я ограничиваться точно не собираюсь.

Сколько всего людей потребуется? Не совсем правильно поставленный вопрос. Вернее будет задать себе вопрос, сколькими я с моими друзьями сможем эффективно управлять на первых порах? И вот тут все куда более определено. Пара сотен, не более того, да и то с учетом некоторой помощи со стороны. То есть надо будет попробовать соблазнить деньгами или еще чем-нибудь тех, кто уже имеет некоторый боевой опыт. Причем таких, которые не станут взбрыкивать по поводу того, что не они окажутся на вершине пирамиды.

А вот у заботливо прикормленного оружейника работа шла полным ходом. И это я вовсе не о фабрике, на которой он также постоянно крутился. Нет, он был занят воплощением сначала на чертежах, а потом и в металле одной очень

перспективной идеи. Идеи механического пулемета, который теперь точно не назовут «гатлингом».

Я долго чесал в затылке, прежде чем выдавил из своей памяти то небольшое, в чем был точно уверен насчет конструкции пулемета. Хотя бы самого примитивного. Несколько стволов, расположенных по кругу, их вращение, уже примененное в бундэльревольверах... Главное тут было в другом. Все стволы прикреплялись к специальному роторному блоку, В пазах которого были проделаны затворы, числом соответствующие количеству стволов. Шести или там восьми — это неважно. При помощи выведенной наружу ручки, вращением которой стрелок приводил систему в движение, происходило следующее. При вращении роторного блока каждый подведенный к нему ствол проходил шесть стадий, а потом снова и снова, пока не закончатся патроны.

Сначала открывался затвор. Затем шла стадия извлечения гильзы, если только это не было самое начало стрельбы... В последнем случае операция шла вхолостую. Досыл нового патрона из расположенного сверху магазина. Затем затвор закрывался и следовал удар по капсюлю и, соответственно, производился выстрел.

Ну и магазин, из которого шла подача патронов. Расположенный сверху по той простой причине, что патроны подавались не из-за распрямления пружины, а под действием силы тяжести. Быть может, потом и с пружиной удастся разобраться, а пока так, по примитиву.

Все равно тут работы Спенсеру хватало. В лучшем случае к весне что-то получится, а то и к лету, это уж как дело пойдет. Получится – это в смысле нормальный, действующий образец, который можно пускать в серию, пусть пока и малую. Хорошо хоть как применять пулеметы, даже такие вот механические, я знаю. А то эти комики, увидев действие творения Гатлинга, так его по достоинству и не оценили. А ведь для обороны – самое оно было. Особенно если его не выставять у всех на виду, а поместить в специально сооруженный окоп или там траншею. И стрелки не на виду, и сам пулемет накрыть сложнее. Эх, ретрограды-консерваторы!

И еще одна новость вот-вот должна была произойти, никоим образом к политике и важным делам не относящаяся. Джонни нашего наконец-то дожали... Точнее, Сильвия Мак-Грегор дожа ла своего папашу, а уже тот, в свою очередь, дал уже открытое согласие на брак своей дочери и Джона Смита. Не в последнюю очередь на ситуацию повлияло его знание о том, что Джон Смит теперь не просто не пойми кто, а один из владельцев строящейся оружейной фабрики, которой уже прочили большое будущее. Как-никак первые образцы «спенсеров» он уже и видел, и даже сам попробовал пострелять.

Саму свадьбу ориентировочно решили назначить на конец марта или начало апреля. Потеплеет к тому времени гарантированно, ведь зима в Джорджии... она когда как. Может быть относительно пристойной, а может и совсем наобо-

рот. Вроде и южный штат, но солидное число градусов «ниже нуля» тут не так чтобы редкость. Так что у Джонни были в запасе аж несколько месяцев свободной холостяцкой жизни. Только отдохнуть у него... не слишком-то получалось. Злобный я продолжал загружать работой.

Мария, сестренка младшая, продолжала удивлять. В последнее время она проявляла ну совсем уж серьезный интерес к последним политическим новостям, делам фабрики, но особенно к тренировкам наемников. Даже выпросила у Вильяма часть его книг. Ну тех самых, по которым в Вест-Пойнте обучаются. И выклянчила себе одну из винтовок, из которой и училась стрелять. Не абы как, а с полной выкладкой. Прилагая максимум стараний, не пренебрегая советами. Лично я с большим удовольствием наблюдал за ее стараниями. Как-никак родное мне время очень даже способствовало адекватному восприятию женщины с оружием в руках.

В общем, дела двигались в нужном направлении. Делалось все возможное... Заодно и время «на подумать» имелось, а ведь это самое занятие почти всегда пользу приносит.

И приносило! Вот как сейчас. Как следует перетряхнув свою память на предмет надвигающихся событий, мне удалось вспомнить нечто интересное. Вспомнив же, начать выстраивать стратегию, которой лучше всего придерживаться. А поскольку лучше всего подобные вещи обкатывать не наедине с самим собой, а в разговоре с надежными людьми, то... Думаю, ответ очевиден. Вот только из тех самых на-

дежных в конкретный момент поблизости оказался лишь Степлтон. Филипп с Джонни были несколько вне доступа. Ненадолго, максимум завтра должны были появиться, но вот конкретно здесь и сейчас... Только обсудить кое-что хотелось сейчас, не затягивая. Поэтому подвернувшийся под руку Вилли был пойман и под вполне весомым предлогом обсуждения планов на ближайшее будущее доставлен ко мне в дом. Впрочем, именно он был наилучшим вариантом. Ведь темы, которые я хотел затронуть, были ему, как выходцу из крайне аристократического семейства, хорошо знакомы. Не ему лично, так отцу уж точно.

* * *

Хоть ноябрь в Джорджии несколько теплее ноября же, но в средней полосе России, но все равно не лето. Осень, млин, да причем не из слабых. Поэтому чем ближе к источникам тепла, тем оно и лучше. Посидеть у камина, смотря на пляшущий в нем огонь, да еще если этот самый огонь не открытый, а виден через стекло витражей... Красиво, уютно, хорошо. Правда, сестренка младшенькая, Мария, намеренно пропустила мимо ушей мягкое пожелание оставить нас для разговора. И что тут делать? Уж точно веником не погонишь.

Ладно, она, в конце концов, в излишней и вообще болтливости не замечена. Пусть сидит, слушает. Тем паче все равно потом постаралась бы выжать из меня большую часть того,

о чем мы говорили в ее отсутствие.

– Надеюсь, Вик, ты позвал меня не просто перед камином посидеть, – устало проворчал Степлтон, пальцами массируя виски. – Прости, друг... не хотел показаться грубым. Усталость.

– Не считаю это грубостью. И понимаю, что у тебя слишком много дел, особенно с нашими ирландцами. Кстати, как они на твой взгляд?

– Неплохо, – высказался Вильям, подтверждая мои собственные впечатления. – Их не надо заставлять, это добровольцы-наемники. Некоторые из них уже умели обращаться с оружием. К тому же ты сам сказал не уделять внимание муштре. В строю смотреться будут так себе, но стрелять, совершать пешие марши и даже ездить на лошадях способны.

– А когда станут на один уровень с кадровыми?

– Бог ведает... Джонни вроде уже нашел нескольких отставников, готовых заработать. Они помогут в обучении наемников.

– Инструкторы из бывших военных – это хорошо. Но к весне наши люди уже должны представлять собой организованную силу. К весне...

Я-то помнил, с какого времени начнется настоящая война. Равно как и про то, что мобилизацию объявят несколько ранее. Именно тогда лучше заявить о себе в первый раз. Во всеуслышание, чтобы ни у кого и сомнений не было в моем праве быть не просто «солдатом Конфедерации», но одним

из командиров. Только так реально сделать себе имя, чтобы одновременно влиять на принимаемые политиками решения и вместе с тем получить авторитет в армейской среде. Ограничиться чем-то одним – большая ошибка.

В отличие от меня, Степлтон не обладал «послезнанием», но возражать не собирался. Просто потому, что мои слова были вполне логичными. Война, вполне вероятная по мнению большинства южан, должна была начаться в удобное время. То есть не зимой. Зимняя кампания... С нее редко когда начинают. Да и время «на раскачку» конфликта требовалось. Как для одной, так и для другой стороны.

– Сделаем все, что сможем, – голос Вильяма звучал хоть и устало, но уверенно. – Вик... А сколько всего ты собрался завербовать людей?

– Пока не более пары сотен. Больше даже с нанятыми инструкторами не осилим.

– Пока?

– Когда пожар войны разгорится, можно будет строить более смелые планы. Но я даже не об этом. Я тут слышал, что сторонники отделения то ли уже собрались на совещание, то ли только собираются...

– Мой отец тоже это слышал, – подтвердил Степлтон. – Собираются. В Южной Каролине. Где именно – он не знает. Тебе это нужно?

– Не особенно, – ухмыльнулся я.

Да и что тут знать? Эббивилл, вот название того городка,

где пройдет собрание сторонников отделения южных штатов. Совсем скоро, практически на днях. Только меня интересует не это событие, а то, которое последует вскоре после него. Выборы губернатора штата, затем, через пару дней, собрание делегатов из всех городов штата и... Принятие решения об отделении, о выходе штата из состава США. Ключевая точка, которую лично я не хочу пропустить. Поэтому...

– Думаю, нам стоит задуматься о том, чтобы «выгулять» первую полусотню наших наемников в Колумбии, столице Южной Каролины.

– Зачем? – опешил Степлтон.

– Ну как же. Есть у меня уже оформившиеся мысли, что если сторонники отделения собираются в Южной Каролине, да там еще и выборы губернатора в декабре состоятся... Понимаешь?

– Не очень.

– Наверняка именно там и провозгласят отделение от Севера. Далеко от мест, где есть сторонники Линкольна. Только что избранный губернатор, которому никак не откажешь в том, что он не соответствует желаниям народа. Да и Южная Каролина – твердый в своих убеждениях штат. Я думаю, что шансы очень велики. Нам стоит поставить именно на эту карту.

– Хочешь, чтобы тебя запомнили.

Улыбаюсь в ответ. Мария... Сообразительная, да и реакция хорошая. Последние слова вылетели из ее рта, опере-

див явно собиравшегося сказать нечто похожее Вильяма. А ведь до сего момента молчала, лишь внимательно слушая. Напомнила же о своем тут присутствии только тогда, когда представилась очень удачная возможность.

– Верно, сестренка. Полсотни с иголки одетых, хорошо вооруженных бойцов... Это не то, что легко забыть. Зачем появились? Выразить поддержку первым из тех, кто осмелится не словом, а делом дать отпор Линкольну и его своре. И не просто появиться, но заявить о себе еще и словами. Думаю, полсотни ружей – неплохой аргумент для того, чтобы командир отряда имел возможность переброситься хотя бы несколькими словами с губернатором или кто там еще будет из власть имущих.

Вот тут Степлтону объяснять ничего не требовалось. Потомок британских аристократов понимал, что показать часть имеющейся у тебя силы только-только формирующейся власти – дело очень полезное. Особенно если не стремиться получить выгоду незамедлительно, а сработать на перспективу. Кстати, не такую и далекую.

– Это сильный ход, Виктор. Надеюсь, я буду тебя сопровождать?

– Конечно, – легкая и понимающая улыбка. – Семья Степлтонов довольно известна на Юге. В Южной Каролине также...

В отличие от Станичей, которые все же иного полета птицы. Так что присутствие рядом Вильяма сильно поможет в

тех случаях, когда потребуется разговаривать с местными влиятельными персонами. А их в Колумбии – столице штата – явно соберется очень большое количество.

Что же до губернатора, которого должны будут избрать... О, это личность по-своему весьма примечательная. Френсис Пикенс – бывший посол США в России. Сам-то он ничего такого особенного из себя не представлял, зато его жена – это совсем иное дело. Люси Пикенс, в девичестве Холкомб. В отличие от ранее виденных при русском дворе американок – весьма далеких от изящных манер и высокого интеллекта, – Люси произвела крайне благоприятное впечатление. Причем впечатление не только на придворных, но и на самого императора Александра II. Ходили даже упорные слухи, будто император, всегда являвшийся большим ценителем женщин, в конце концов перешел с Люси Пикенс к совсем уж тесным отношениям. А это многого стоило. Особенно для моих планов.

Как ни крути, а именно Люси Пикенс станет чуть ли не самой популярной женщиной Юга. Она передаст свое немалое состояние, включая подаренные императором Александром драгоценности, на нужды армии. Будет всеми своими силами помогать и мужу в его делах, и Конфедерации в целом. И вообще, портрет на долларовой и стодолларовой купюрах Конфедерации просто так не появляется. Это весомый знак признания! Следовательно, упускать возможность навести мосты с семейством Пикенсов упускать точно не стоило. Уже

сейчас.

Так что разговор с Вильямом мне помог. Хотя бы тем, что окончательно подтвердил намерение оказаться в декабре в Колумбии, столице Южной Каролины. Готовиться к поездке? А чего к ней особенно готовиться-то? Транспорт в этом времени уже имелся, поэтому оставалось лишь приобрести билеты. Заранее, потому как полсотни человек это не абы что. Ну и еще разок повнимательнее присмотреться к наемникам. Особо буйные в мирной обстановке как-то ну совсем не требовались. Оставалось подождать совсем немного... самую малость.

Глава 7

*США, штат Южная Каролина, Колумбия,
декабрь 1860 года*

Первый раз в жизни мне довелось присутствовать на действительно историческом событии. И не просто присутствовать, а вдобавок и поучаствовать. Самое же забавное было то, что об этом событии я много лет тому вперед читал в книгах и учебниках по истории.

Выход Южной Каролины из состава США. Начало образования КША, то есть Конфедеративных Штатов Америки, в просторечии Конфедерации. Семнадцатое декабря одна тысяча восемьсот шестидесятого года.

Добраться до Колумбии оказалось просто. Подождать несколько дней тем более. Единственная сложность – разместить полсотни с лишком людей, ведь все гостиницы и разного рода «постоялые дворы» в городе были забиты под завязку. Ведь именно в столицу штата съехались делегаты от всех городов, чтобы принять почти единогласно то самое постановление о выходе из США.

Само собой разумеется, что я, Вильям Степлтон и полусотня наемников-ирландцев днем семнадцатого декабря были у здания Первой баптистской церкви, где и произошло то самое заседание делегатов городов штата Южная Кароли-

на. И само это появление не просто людей, а вооруженных, в однотипной одежде. Больше напоминающей форму, не могло не привлечь внимание. Поначалу настороженное. Затем доброжелательное, когда было объявлено, что мы прибыли поддержать хоть словом, хоть делом людей, собравшихся тут для сохранения свободы Юга от Эйба Линкольна и его банды.

Внимание привлечь удалось. А раз так, то ничего удивительного не было в том, что нам с Вильямом, который таки да нашел среди делегатов нескольких знакомых своего отца, напроситься перемолвиться несколькими словами с новоизбранным губернатором Южной Каролины, мистером Френсисом Пикенсом. Не в этот день, лишь на следующий. И как раз по той причине, что притащили сюда сопровождение из полусотни бойцов. Десять минут – вот сколько времени он согласился нам выделить. Целая уйма времени, но только если знать, что именно ты должен сказать, чтобы действительно заинтересовать человека, нащупать наиболее чувствительные для него места.

Губернаторская резиденция, она же на довольно долгий срок дом Пикенсов... Что тут сказать, внушает. Не слишком помпезно, но в то же время со стилем, да и положению соответствует. Внешние признаки, они тоже играют весьма важную роль.

Понятное дело, что выделенные нам со Степлтоном десять минут были, так сказать, неофициальными. Поэтому и

в резиденции, а не на «рабочем месте». Но мне оно и лучше. Так я буду куда более свободен в своих словах. И в то же самое время могу разговаривать о делах, а не абы о чем.

Саму Люси Пикенс мне увидеть пока не удалось. Жаль... По крайней мере, по дороге к кабинету губернатора я её даже краем глаза не заметил. Ну да ничего. Я надеюсь, что не последний раз тут появляюсь. Очень надеюсь. Ведь мои предложения, они не просто так...

– К вам мистер Станич и мистер Степлтон, – докладывает своему начальнику секретарь, который явно сопровождает новоизбранного губернатора почти везде, даже дома. Оно и понятно, мало того что дел у только что избранного Пикенса много, так еще и подготовка к официальному оформлению выхода Южной Каролины из состава США. Наверняка спать ему еще долгое время придется урывками. Впрочем... такая плата за власть, так что жалеть его я точно не собираюсь.

– Мое почтение, губернатор, – неглубокий, четко выверенный поклон, который повторяет Вильям. Кстати, именно у него я малость подучился действительно хорошим манерам. Дожидаюсь ответа и лишь после этого продолжаю: – Для начала позвольте засвидетельствовать искреннее уважение тому, кто нашел в себе силы сделать первый шаг. За Южной Каролиной в самом скором времени последуют и другие штаты. И Джорджия будет одним из первых.

– Я не сомневаюсь в решимости жителей вашего штата, – вежливо ответил губернатор. – И в вашей решимости

особенно. Иначе вы бы не привели пятьдесят людей... Нет, солдат, отлично вооруженных и экипированных. Да, мистер Станич, а зачем вы их привели?

Первый промельк любопытства в глазах. Это хорошо. Ведь Пикенс далеко не глуп, глупый человек просто не смог бы долгое время подвизаться послом в моей стране, особенно в ее великие имперские времена. Необходимо умение видеть скрытый смысл происходящего, по любому действию и даже намеку на него делать далеко идущие выводы... Так что губернатор понимал, что у меня есть какие-то серьезные мотивы, доселе не озвученные.

Хочет услышать? Он их получит. Не все, конечно, но даже от той части, которую я сейчас собираюсь изложить, отмахнуться не получится.

– Во-первых, я немного опасался, что кто-то может попытаться сорвать собрание делегатов от городов штата. Самую малость опасался...

– Но ведь это только начало, – не спросил, а скорее подчеркнул очевидное Пикенс, хитро прищурившись. Дипломат... Они все привыкли и сами играть словами, и ценили это умение в других. В тех, кто может стать союзником или подчиненным. Верным подчиненным. – Нападение... было почти невероятным.

– Но ключевое слово тут все же «почти», – позволил я себе намек на улыбку. – Впрочем, это не главное. Я имею давнюю и полезную привычку следить за ситуацией в стране. Отсю-

да я не мог не обратить внимание на то, что Чарльстонская гавань служит источником беспокойства для вас.

– Для меня? Интересно, с какого времени?

Пытаешься поймать? Нет, мистер Пикенс, меня на такой крючок ловить бесполезно.

– Лично для вас с того самого, как вы стали для только что избранного, но еще не утвержденного в должности Линкольна, а также для еще исполняющего обязанности президента Бьюкенена бунтовщиком. Как и все жители Южной Каролины, чьи делегаты поддерживали вас не далее чем вчера.

– Продолжайте, мистер Станич.

– В Чарльстонской гавани несколько фортов. Но гарнизоны... символические. И сотни солдат не наберется. Зато есть командир, Роберт Андерсон. Его не зря назначили. Ведь приехал он в конце ноября, меньше месяца тому назад. Не удивлюсь, если нынешний пока еще президент назначил его, предвидя случившееся вчера здесь, в Колумбии.

– Мистер Бьюкенен мудрый человек. А майор Андерсон почти ваш земляк. Его супруга из Джорджии...

Ай молодца, мистер Пикенс! Вы только что по сути признали, что ситуация с фортами в Чарльстонской гавани вас сильно беспокоит. В противном случае вы бы просто не имели представления о деталях вроде родных краев назначенного командиром майора.

– А еще он давний знакомец Линкольна. В одном полку служили. Причем Линкольн находился под его командовани-

ем. А сейчас наоборот будет. Но я не совсем о том... Я уверен, что телеграф уже вчера передал в Вашингтон новость о выходе Южной Каролины из состава США. Выходе по сути, а не «по букве». Буква же последует со дня на день. И что в таком случае будет делать майор Андерсон и вашингтонские власти? – секундная пауза, и я продолжаю, отвечая на собственный вопрос: – Первый, если он не полный профан, переведет гарнизоны в один, наиболее мощный, форт. Остальные же постарается привести в непригодное состояние. На взрыв вряд ли решится, скорее просто приведет пушки в негодность и испортит что-либо еще. Вторые же постараются поскорее прислать ему подкрепление, провизию, боеприпасы. Если я не ошибаюсь, то форт Самтер, наиболее мощный, хорошо защищен не только с моря, но и с суши. Там может разместиться гарнизон более полутысячи человек, при полутора сотнях орудий. Крепкий орешек, такой сложно будет разгрызть. И вот тогда...

Итак, нужные слова сказаны. Теперь всё зависит от губернатора. Я рассказал ему об уже имеющейся у него проблеме. И довольно толсто намекнул, что проблему надо решать. Быстро решать, чтобы потом не пришлось очень сильно пожалеть о своей медлительности. Теперь я очень хочу услышать от Френсиса Пикенса любую фразу, которую можно будет повернуть в нужное для меня русло.

– Меня, как губернатора независимого от Вашингтона штата, не может устраивать нахождение войск США на тер-

ритории Южной Каролины. Но мои возможности...

Понимаю. Кадровой армии как таковой нет. В Чарльстоне наверняка найдутся местные, так сказать, ополченцы, но без четкого приказа далеко не факт, что предпримут даже попытку атаковать гарнизоны фортов. И вообще, отдавать чёткий и явный приказ начать военные действия... Пикенс всё же больше дипломат, привык искать обходные пути. Что ж, именно это я и хочу ему предложить. Повод он уже дал своими последними словами.

– Вам достаточно лишь отдать приказ... Мне. И выдать документ за вашей подписью, согласно которому моему отряду будет позволено привести форты Чарльстонской гавани к покорности перед властями Южной Каролины. И проблема будет решена. Обещаю.

– Полсотни ваших людей будет недостаточно.

– Пятьдесят бойцов, вооруженных многозарядными винтовками новой системы. Тех, которые последние месяцы ежедневно готовились к надвигающейся войне. Хорошо мотивированные и подчиняющиеся командирам – мне и мистериу Степлтону, который является моим заместителем. Позвольте усомниться в ваших последних словах, губернатор... К тому же вы в любом случае ничего не потеряете.

Френсис Пикенс и впрямь ничем не рисковал. Получится у меня затея с захватом фортов? Он на коне как отдавший приказ. Не получится... Во всем виноват болван Станич, опрометчиво сунувшийся под выстрелы верных Вашингтону

солдат. А письмо, подтверждающее правомерность действий этого самого Станича... Помилуй бог, его можно и забрать обратно, и повернуть написанное там под другим углом. Уж на заковыристых речевых оборотах дипломаты не одну свору собак схарчили.

Думал губернатор недолго. А надумав, потянулся за листом бумаги. Затем открыл чернильницу, обмакнул туда гусиное перо и заскрипел им по бумаге. Закончив спустя пару минут, подписал его, посыпал песочком, чтобы клякс не образовалось... Теперь осталось лишь приложить печать и... готово.

– Возьмите, мистер Станич. Здесь то, что вы просили у меня. – Дождавшись, пока я возьму у него из рук уже не просто лист бумаги, а важный документ, Пикенс дождался короткой благодарности, после чего уточнил: – Вам нужно что-то еще?

– Места в поезде, который направится в Чарльстон.

– Нужный вам поезд **НЕПРЕМЕННО** отойдет сегодня. Курьер будет отправлен в течение часа. Это все?

– Еще раз благодарю. Этого более чем достаточно. Разрешите откланяться. Губернатор...

– Мистер Станич. Мистер Степлтон...

Вновь полагающиеся неглубокие короткие поклоны от нас, соответствующие действия с его стороны. Всё, аудиенция окончена. Обе стороны получили от неё желаемое. Теперь можно покинуть губернаторскую резиденцию. Доль-

ше нас здесь ничего не держит. Зато ждёт поезд, который НЕПРЕМЕННО сегодня же отправится в Чарльстон, имея зарезервированные для нас места.

Что ж, в самом скором времени полусотня наемников примет свой первый бой, так сказать «огненное крещение». Как они себя поведут? Надеюсь, что достойно. В конце концов, все они понимали, что их последние месяцы гоняли не просто так, а с вполне определёнными целями. Если же найдутся желающие смыться... Для таких пуля в спину – самое то.

Вместе с тем если готов применить «кнут», то не стоит забывать и про «пряник». Например, о чем-то вроде премиальных выплат, если все пройдет успешно. Я от подобного не обеднею, а буйные ирландские парни, нанявшиеся ко мне из-за лютого безденежья и доли авантюристичности в характере, такой подход явно оценят. Вот перед отправкой на вокзал им и скажу. И ещё... Надо будет срочно отправить телеграмму в Бейнбридж и в Нью-Йорк. Первую понятно по какой причине. Уведомить Джонни с Филом, равно как и сестричек, что задерживаюсь по важной причине. И просьба усилить как работы на фабрике, так и подготовку оставшихся наёмников. Агенту в Нью-Йорк – активизировать вербовку наёмников и готовиться, в случае чего, «ложиться на дно». Этот ирландец показал себя неплохим специалистом по подбору кадров, не хочется терять ценный ресурс в его лице.

А нас ждёт Чарльстон. Очень ждёт, ведь медлить нельзя.

Насколько я помню, майор Андерсон ещё не перешёл к активным действиям, да и ополченцы Чарльстона толком не собрались. Решение об отделении Южной Каролины принято вчера. Официально ещё не вступило в силу, так что... Но часики тикают. Тик-так, тик-так!

Глава 8

*Южная Каролина, Чарльстон,
декабрь 1860 года*

Неслабо так меня мотает по стране, из одного города в другой. А куда деваться, обстоятельства требуют. Вот сейчас они настоятельно рекомендовали быть в Чарльстоне – том самом городе, в котором, собственно, был дан старт войне между Севером и Югом. Только в привычной мне истории ситуация искусственно затягивалась из-за откровенной нерешительности участников событий. И затянулась аж до апреля месяца.

Кому было выгодно так тянуть время? Может показаться, что Югу, но это лишь на первый взгляд. Зимой северяне всё равно бы не проявляли активных действий. Зимняя кампания – тот еще гемморой, особенно для страны, у которой и полноценной кадровой армии толком не было. Вот объявление мобилизации – это да, это другое дело. Хотя тут для Севера тоже были значимые препятствия, о коих чуть позже. Зато активизация Севера автоматически заставила бы активнее действовать и южные штаты. А на Юге качество солдат было куда как выше. Да и мотивация весомее, что также не стило забывать.

Решительные действия – они всегда понятнее и привле-

кают симпатии не власть имущих, а более простых людей. В данном случае плантаторов, которым не может не понравиться чувствительная оплеуха, отвешенная сторонникам Линкольна. Не хотите по доброй воле освободить укрепления на территории отделившейся от вас Южной Каролины? Тогда и не удивляйтесь, что получили весомый пинок сапогом под зад. И никаких стенаний переговорщиков по поводу «ну вы уж оставьте форт, уж будьте так любезны»... Нет, такое горячая кровь южан воспримет куда хуже.

Еще один нюанс... Покамест действующим президентом США оставался Джеймс Бьюкенен – человек крайне нерешительный, которому перед действительно важным действием требовалось большое количество времени на глубокие раздумья. Плюс, несмотря на всю его нерешительность и аморфность, он был избран при поддержке Юга. Следовательно, не мог так просто взять и ополчиться на оказавших ему поддержку. Грозные слова, имитация намерений, но не более того. Его психологический портрет не то что говорил, громко кричал об этом.

Каков итог? До инаугурации Линкольна можно было смело предпринимать любые действия, в ответ один бес ничего, помимо громких слов, не последует.

Примерно в таких словах я и объяснял перспективность активных и быстрых действий Степлтону во время нашего движения к Чарльстону по железной дороге. Тот не возражал, хотя и сделал одно дельное замечание, заявив, что: «В

таком случае, Вик, тебе во что бы то ни стало надо захватить форты быстро и без больших потерь».

Так именно это я и собирался сделать. Помнил, что пока майор Андерсон с большей частью людей засел в форте Мольтри, где располагался штаб гарнизона фортов Чарльстонской гавани. А у этого форта не было никакой защиты со стороны суши, и со дня на день Андерсон должен был перевести весь гарнизон в форт Самтер. Именно этого и нельзя было допустить.

Бойцы... Признаться, они порадовали меня тем, что никакого ропота и откровенного страха в глазах не было замечено. Как проворчал один из них: «Знали, что стрелять учат не для того, чтобы только по мишеням. И лучше уж в бою под пулями, но с деньгами, чем как раб с утра до ночи на хозяина фабрики, но с почти пустым карманом». Да-а, и впрямь правильных людей подобрал вербовщик-ирландец. Не зря свои немалые деньги получает.

Чарльстон встретил нас солнечной погодой. И неслабым интересом местных жителей. Правда, как только здешние представители власти увидели подписанный губернатором Пикенсом документ, в котором предписывалось оказывать «мистеру Станичу» возможное содействие в деле «урегулирования проблемы с незаконно находящимися на территории Южной Каролины солдатами другого государства»... Прониклись. Мало того, как я и думал, солдаты майора Андерсона жителей Чарльстона откровенно раздражали. Те-

перь же, когда было официально объявлено о выходе штата из состава США, чарльстонцы всерьез подумывали насчет атаки фортов своими силами.

К сожалению, «подумывать» и воплощать мысли в действия – это разные понятия. В известной мне истории они додумались до того, что проворонили уход отряда майора Андерсона из форта Мольтри в форт Самтер. Ну да здесь, если удастся запланированное, такого не случится.

Всё, что мне было нужно от местных – пара людей порешительнее и потолковее в качестве проводников. И этого будет более чем достаточно. Разве что стоило добавить отсутствие помех. Ну да это гарантировал подписанный губернатором документ.

Ждать пришлось недолго. Хотя и не под открытым небом, но суть не в том. Просто любое ожидание сейчас работало отнюдь не на нас. Я не помнил, когда именно Андерсон перетасит своих солдат в форт Самтер, это был слишком мелкий факт, который не отложился в памяти. Как ни крути, а я никак не мог предположить, что меня неведомым образом забросит в далекое прошлое. Впрочем, вряд ли он сделает это днем, слишком велик риск. А ночь... Сейчас четвертый час дня, время по-любому есть.

Необходимую нам пару местных нашли быстро. Не абы кого, а из числа не просто смышленных парней, но хоть немного разбирающихся в военном деле и знающих о ситуации с фортами в Чарльстонской гавани. Я, недолго думая,

взял в оборот того, который на вид показался более энергичным. Не прогадал. Мэтью Финч уже не первый день внимательно наблюдал за гарнизоном фортов и мог кое-что порассказать. Правда, делать это ему пришлось по дороге к гавани.

Отправились туда пешком. Ноги не отвалятся, температура несколько выше ноля, так что никаких неприятностей ожидать не стоило. Да и особой спешки я не требовал. Не имело смысла гнать бойцов на пределе их возможностей. Я отнюдь не собирался атаковать с ходу. Во-первых, атака в лоб сама по себе внушала мне нехилое отвращение. Во-вторых, здесь так не принято. Для начала следует хотя бы обозначить свои намерения. Репутация, однако! Лишишься ее – потом вовек не отмыться. А мне требовалось не лишаться оной, а напротив, нарабатывать. Так что сперва будут переговоры. Уверен, что безуспешные.

– Когда ты последний раз наблюдал за фортом Мольтри, что ты заметил? – спрашиваю у идущего рядом со мной Финча.

– Все как обычно, мистер Станич. Его солдаты ведут себя смирно, но уходить не собираются.

– Форт Самтер?

– А что Самтер? – слегка удивился чарльстонец. – Штаб в Мольтри, а в Самтере лишь с десятков караульных, может и меньше. И сколько-то из obsługi.

Все понятно, больше уточнений не требуется. Блокаду Мольтри местные даже не подумали устроить. Нормальную

блокаду, чтобы и мышь не проскочила. Благодать для кадрового военного, который просто обязан разбираться в тактике. Ничего, мы тоже не из-под печки выползли и не лаптем щи хлебаем!

Чарльстонец мне пока больше не требовался. Зато со Степлтоном поговорить стоило. Так что я чуть убыстрил шаг и подошел вплотную к Вильяму. Тем паче что он, как и я, находился примерно в середине колонны.

– Вильям!

– Да, Вик?

– Местные даже не почесались. Майор Андерсон со своим отрядом сидит в форте, а его там даже не заблокировали.

– Думаю.... Думаю, что у них не было приказа.

– И голов на плечах, как я понимаю, тоже, – саркастически хмыкнул я. – Инициатива, если она разумна, лучше слепого повиновения и тем более бездействия.

Степлтон лишь невесело улыбнулся.

– Безынициативным людям легче жить. Они лишь повинуются приказам.

– Скучно. Зато мы от скуки точно страдать не станем. Ты готов вести переговоры...

– Но я думал, что ты...

– И ты. И я. Причем лично с майором Андерсоном, на нейтральной территории, то есть вне стен форта. Попробуем воззвать к его здравому смыслу. Не для успеха, ибо он почти нереален.

– Тогда для чего?

– Для слушающих наш разговор. Пусть сам майор окажется виноватым в том, что произойдет дальше.

– Дальше?

– Я планирую выманить гарнизон из форта. Мольтри не приспособлен для обороны с суши, в отличие от форта Самтер. И что будет, если я сегодня буду угрожать Андерсону тем, что завтра гарнизон будет атакован силами чарльстонских добровольцев?

Степлтон призадумался. Сильно, потому как даже замедлил шаг. Ненадолго, потом снова ускорившись, чтобы не выпадать из ритма колонны, идущей по Чарльстону.

– Он не сдастся. Андерсон храбрый солдат.

– А мне и не нужна сдача. Я хочу спровоцировать его на выгодные мне действия. Если он будет знать, что завтра форт Мольтри, неприспособленный для отражения атаки с суши, будет атакован, то постарается покинуть неудобную позицию. Сменить ее на куда более выгодную...

– В форте Самтер! – воскликнул Вильям. – Он переведет гарнизон туда. Весь гарнизон... Как ты и говорил губернатору.

– Майор Андерсон не сумеет попасть в форт Самтер, – жестко отрезал я. – Мы оставим наблюдателей. Как только в форте Мольтри начнется суeta – это будет знаком для нас. Днем они не рискнут. Отправятся ночью. Точнее отплывут. На лодках, которые имеются в форте Мольтри. Нам необхо-

димом сделать лишь одно – оказаться в форте Самтер и захватить его таким образом, чтобы это не оказалось замеченным Андерсоном и его людьми. Остальное – рутина. Можем расстрелять только что высадившихся на берег хоть из пушек, хоть из винтовок. Как бы то ни было – залпами на малой дистанции хоть из пушек, хоть из «спенсеров» весь гарнизон будет уничтожен. Ночь не станет помехой при высоком темпе огня наших винтовок. Уцелеют немногие... И тем самым немногим останется лишь сдаться... или умереть. Меня устраивают оба варианта.

Степлтон молчал, явно переваривая услышанное. Что ни говори, а для середины XIX века подобные методы ведения войны были... в новинку. Да и высокий уровень жестокости в бою для джентльменов с Юга был... непривычен. Мягко говоря.

Вместе с тем Степлтон уже успел привыкнуть к «новому Станичу», который стал куда более сложной личностью, нежели старый вариант. Да и успел убедиться, что другие мои планы имеют обыкновение реализовываться. Правда, пока они не имели прямого отношения к военным действиям, ограничиваясь лишь общим планированием. Хотя... Тут тоже планирование, и выглядит оно весьма перспективно. В общем, в том, что он не даст «задний ход», я был уверен. Просто к такому сложно сразу привыкнуть. Сложно, но нужно. Придется, ведь иначе во время военных действий будет весьма непросто.

Ну а я, получив возможность немного отвлечься, рассматривал Чарльстон. Красивый город. Именно город, а не городок. Ведь Чарльстон был весьма старым, по меркам этой страны, городом. Основан еще в семидесятых годах семнадцатого века, а до конца восемнадцатого именно Чарльстон был столицей штата. Да и после потери этого статуса, перешедшего к Колумбии, Чарльстон оставался одним из важнейших портов юга. Все увеличивающийся трафик хлопка и прочих экспортируемых в Европу товаров увеличивал благосостояние города и его жителей, способствовал развитию порта, общей инфраструктуры. Неудивительно, что городские здания отличались монументальностью и словно бы источали ауру уверенности, достатка, ощущения самодостаточности этого места.

Наверное, после того, как проблема с фортами будет решена, стоит пройтись по улицам города. Не так как сейчас, а от души, желательно ночью. Ночной город – это вообще нечто особенное. Нет людей на улицах, зато на небе луна, звезды и просто черный бархат ночного неба. Красиво...

Потом, это все потом. А сейчас мы уже близко. Чарльстонская гавань открывается перед нашими глазами. Пять фортов, три из которых сейчас были не опасны, а вот форты Мольтри и Самтер... Особенно Самтер!

– Боевой порядок. К форту Мольтри, – скомандовал я. – На дистанцию огня не подходить. Выслать парламентаря с предложением о переговорах.

– Кого пошлем, Виктор?

– Одного из наших ирландцев в сопровождении местного. Финча... – ответил я Степлтону, уже успевшему воспринять и принять сказанное мной ранее. – О’Рурк!

– Здесь!

Голосина у этого бойца... Да и сам больше всего похож на оживший кусок камня, настолько широкоплеч и с грубыми чертами лица. Но вместе с тем еще и храбр, да и во время подготовки показывал один из лучших результатов в стрельбе и выносливости. Правда, кавалерист из него совсем никакой. Он не любит лошадей. Лошади не любят его... Ну да сейчас это значения не имеет.

– Берешь белый флаг и в сопровождении Финча – чарльстонец, наш проводник по городу и окрестностям – приближаешься к форту. Вот этому форту, который форт Мольтри. Твоя задача – договориться с командиром гарнизона, майором Робертом Андерсоном, о переговорах. Вне форта, между ними и нами. По три человека с каждой стороны. Понял?

– Да.

– Тогда иди. Не мешкай.

Ждать. Ждать и смотреть. Не просто так, а при помощи подзорной трубы. То ещё, доложу я вам, убожество, в сравнении с привычными биноклями, тем более с электронной составляющей. Но тут до них полтора века п...чим паром!

Так, дошли, причем О’Рурк машет флагом так, будто стремится, чтобы белая тряпка оторвалась от палки. Что-то кри-

чит... Бедный Финч. Наверняка у чарльстонца аж в ушах звенит от такого громового вопля. Не стреляют... Хотя и не должны, тут такое было бы вообще чем-то непредставимым, середина девятнадцатого и начало двадцать первого века в этом диаметрально различны.

Та-ак... Ведут внутрь. Все, просмотр закончен, теперь остается ждать возвращения парламентаря. Пока же...

– Ну что, Вильям, видишь, что форт Мольтри с суши укреплен... Да никак он не укреплен, хоть развернутым строем в атаку идти, противопоставить атакующим просто нечего. Особенно ночью, особенно в том случае, когда у противника преимущество в огневой мощи.

– Вижу, Вик. Просто не думал я, что война...

– Война. Ты сам сказал. Применить военную хитрость – значит победить. Будешь держаться старого и пытаться чересчур сильно облагородить военные действия – проиграешь. Нужно уметь и сохранить честь, и использовать все, что ей не противоречит. Поэтому мы и скажем майору, что до завтрашнего вечера произойдет штурм. Честь не нарушена, мы ни в чем не солгали.

– Но нападение ночью, неожиданно... А, я и сам понимаю твои резоны! – с досадой махнул рукой Степлтон. – Он захочет обмануть нас, а ты обманешь его.

– Игра на опережение, друг мой Вильям. Просто я стараюсь всегда оказаться в ней первым. Не люблю проигрывать. Особенно когда платить приходится кровью.

Немного помолчали. Степлтон уж не знаю о чем думал, я же прислушивался к шепоту своих бойцов. Слышно было очень плохо, но кое-что я все же улавливал. И эти самые обрывки вселяли уверенность.

А меж тем парламентары возвращались...

* * *

Ну что, пришло время поговорить. С тем, кто является представителем врага. Того врага, которого, по сути, я сам себе выбрал. Но самое парадоксальное было в том, что майор Роберт Андерсон являлся сторонником тех идеалов, что разделяли жители южных штатов. Разделял, но вместе с тем продолжал поддерживать Вашингтон и засевших там субъектов – старого Бьюкенена и нового Линкольна. Это называется «мышь плакала, кололась, но продолжала жрать кактус».

Поговорим, кактусофил! Степлтона я с собой на переговоры все же взял, хотя поначалу и хотел оставить. Не из-за недоверия, просто по привычке к контролю всего и вся. В данном случае – своих бойцов-наёмников. Но потом все же внял его желанию присутствовать на весьма значимом событии – первых переговорах только что начавшейся войны. А бравая полусотня... Не дети, тем более что в пределах прямой видимости и даже слышимости. Ну а третий... О'Рурк, однако. Тут и грубая сила, и неплохая подготовка. Что же до

ума и сообразительности, так на то мы с Вильямом, а от ирландца совсем другое требуется.

Мы двинулись навстречу Андерсону со товарищи, когда они уже достаточно удалились от форта Мольтри. На всякий случай, не хотелось мне очень уж далеко отходить. Не то чтобы паранойя, просто здоровое беспокойство. Насчет же возможных эксцессов со стороны собственно переговорщиков... Сильно сомневаюсь, что они вообще могут возникнуть. Но если и да, то оружие, то у меня всегда при себе. В данном случае – пара пистолетов «вулканик», которые по моему глубокому убеждению были куда полезнее револьверов на малой дистанции. Да и про «спенсеры» у Вильяма с О’Рурком я не забывал.

– Приветствую вас, майор Роберт Андерсон, – кивок в сторону остановившегося в нескольких шагах от нас командира гарнизона и двух сопровождающих его солдат в сержантских званиях. – Имею честь представиться... Виктор Станич, командующий отрядом добровольцев, подчиненных властям Южной Каролины. Мой заместитель Вильям Степлтон.

– Майор Андерсон, – приняв максимально приближенную к парадной позу, майор скользнул взглядом сначала по нам, потом по стоящим в отдалении моим бойцам. – Добровольцы... В... мундирах, одинаково вооруженные.

– Пока их нельзя назвать кадровыми военными. Южная Каролина еще не создала кадровую армию. Но переговоры

не на эту тему, майор.

– Понимаю, мистер Станич. Или может?..

– Пока что у меня нет воинского звания. Пока. Итак, к делу. Вы готовы выслушать меня в качестве уполномоченного представителя губернатора?

Андерсон кивнул, соглашаясь с таким восприятием ситуации. Не орет про мятеж – это уже хорошо. Значит, хотя бы частично адекватен.

– Гарнизон, командиром которого вы являетесь, должен покинуть форты, сдав оружие. Знамена и личное оружие офицеров останутся при вас. В фортах не должно быть совершено никаких действий, направленных на уменьшение их боеспособности. В случае отказа выполнения законных требований законной власти этой территории, я уполномочен начать боевые действия. Срок на раздумья – три часа. И от души советую вам, майор, соглашайтесь. Иначе завтра немногие из ваших солдат останутся целы и невредимы.

– Вы слишком самоуверенны, – кисло ухмыльнулся Андерсон, понимая, что его положение действительно серьезно. Малое число солдат, непригодность форта Мольтри к обороне при атаках с суши и еще кое-что. – Да и моя честь никогда не позволит сдаться мятежникам, даже не пытаясь оказать сопротивление.

– Честь – это хорошо. Только вот должным ли образом вы ее понимаете? Линкольн, которого вы сейчас защищаете – абсолютно чужероден здесь, на Юге. Продвигаемые им и

его приближенными идеи никогда не найдут здесь отклика. Южная Каролина уже официально подтвердила это, со дня на день ее примеру последуют и другие штаты. Ваша жена, как я помню, родом из Джорджии. Как и я сам, кстати. Спросите у нее, как она относится к аболиционистским бредням?

– Её убеждения мне известны. Они к делу не относятся. Как и мои.

– Забавно... Сражаться и иметь большой шанс умереть за чуждые идеалы. За торжество тех, кто пытается растоптать тот мир, который нравится вам куда больше, нежели тот, что дол жен занять его место по планам ваших хозяев. Уважаю верность присяге, но понять не могу. И здесь, – жест в сторону Чарльстона в частности и Юга в целом, – здесь тоже мало кто поймет. Впрочем... три часа у вас еще есть. Буду надеяться, что верность идеалам переборет верность государственной машине, во главе которой встал... не тот человек. Уходим!

Вот и поговорили. А поговорив, отправились каждый к своим. Бой состоится. Это было очевидно для меня с самого начала, но нормы приличия следовало соблюдать. Да к тому же хотелось лично увидеть столь интересное явление – человека, сочувствующего идеям Юга, но сражающегося за Север. Ведь в разговоре я не кривил душой. Действительно, никогда не смогу не то что понять, а принять такое вот поведение.

– И теперь... – произнес Степлтон, когда мы вернулись к

отряду и отошли чуть в сторону от чужих ушей.

– Разворачиваемся и удаляемся. Так, чтобы Андерсон и его помощники поверили в это. Оставляем лишь нескольких наблюдателей, это будет нормально воспринято. Сами же, дождавшись, когда начнет темнеть, начнем действовать. Сейчас не лето, зелень нас не прикроет. Да и не очень тут ее много даже летом.

– А ты уверен, что они будут отходить к форту Самтер именно этой ночью? Могут ведь понадеяться, что ты всего лишь пугал их.

– Ты же видел глаза майора. Он не испугался, но серьезно воспринял сказанное мной. Понимает, что в форте Мольтри его сомнут. А я обещал, что завтра ему и его людям будет совсем плохо. Он будет отходить к Самтеру! Само собой, предварительно позаботившись о том, чтобы вывести из строя артиллерию форта Мольтри. Иначе лодки с ним и его людьми просто перетопят.

– Наши действия?

Хороший вопрос. И ответ будет дан незамедлительно и во всех подробностях.

– Форт Самтер. Воспользуемся тем, что он беззащитен. Несколько гражданских из числа обслуживающего персонала, да максимум с пяток караульных. Всего с пяток, а не в каждую смену. Они просто напрашиваются на то, чтобы этот форт был захвачен. Главное сделать это незаметно для находящихся в Мольтри.

– Как?

– Пользуясь местными условиями и по сути мирной жизнью города и окрестностей. По заливу плавают себе лодки, это никого не удивляет, открывать огонь по ним никто даже не пытается. Это не должно насторожить караульных форта Самтер.

– А форта Мольтри?

– Ну, друг мой, именно поэтому лодки будут находиться в том месте, которое скрыто от наблюдателей майора Андерсона. Между фортом Джонсона и батареями Каммингс-Пойнта. Пара-тройка лодок, где гребцы будут одеты как обычные рыбаки или кто там сейчас на лодках катается. Ну а другим предстоит, растянувшись на днище, оказаться незаметными. Шуточка старая, но вполне себе действенная даже в наше время.

Что тут можно было сказать? А ничего. Да, определенный риск присутствовал. Хотя... Караульные в Самтере уж точно не станут стрелять по лодкам, не видят они в них ни малейшей угрозы. Ну а когда эти самые лодки пристанут к берегу – причем вне видимости с Мольтри, – тут уже отдельный разговор.

Самый худший расклад? Поднимут тревогу, и засевший в форте Мольтри Андерсон поймет, что в форте Самтер ему делать совсем уж нечего. Останется или выбрасывать белый флаг или тупо сидеть в непригодном для обороны с суши месте, ожидая неведомо чего.

Излишний оптимизм с моей стороны насчет собственно захвата Самтера? Вовсе нет. Ну что могут сделать максимум пять караульных, поняв, что дело пахнет керосином, чисто с военной точки зрения? Привести в боевую готовность хотя бы несколько орудий и попытаться начать пальбу? Тут проблема даже не в том, что они, на минуточку, не артиллеристы. Просто форт велик, а численность караульных.... тосклива и печальна.

Ворота закрыты? И ладно. Достаточно лишь нескольких «кошек», которые будут использованы для того, чтобы забраться на стены форта. А уж оказавшись внутри... Так что единственная проблема – поднявшийся шум и не более того.

Организовать нужные приготовления оказалось... несложно. Добраться до нужного места, временно изъять для своих целей несколько лодок, а именно три, дабы не нервировать находящихся в форте Самтер излишне большим числом, а заодно, на всякий случай, заплатив владельцам лодок. Ну и, собравшись, начать действовать.

Находиться на дне лодки, рядом с другими, в тесноте и понимании того, что лучше даже не пытаться шевелиться. Неприятно... но терпимо. Гораздо больше раздражает то, что ни черта не видно из-за ткани, которая скрывает наше наличие в лодках от всего лишь возможных особо любопытных взглядов. Может, я и перестраховываюсь, но все же, все же.

Однако все рано или поздно заканчивается. Закончилось

и это «морское» путешествие. И, судя по отсутствию каких-либо предупреждений от тех двух бойцов, что сидели на веслах – наше прибытие на остров или вовсе не заметили, или не обратили особого внимания. Что же до двух других лодок, этого я пока не знаю. Все же мы должны были высадиться не совсем рядом, ибо это точно вызвало бы подозрения.

Буквально выпрыгиваю из лодки, поднимая брызги. Хорошо еще, что сапоги высокие, вода внутрь не залилась. И сразу же окидываю взглядом окрестности. Маленький островок, очень маленький, а на большей его части как раз и находится форт. Большой, современный, хорошо вооруженный, с высокими стенами. И почти безлюдный.

– К стене, быстро!

Вместе со мной шесть человек, все вооруженные и готовые действовать. Из числа тех, которые лучше других были готовы не просто стрелять, но еще и убивать, не боясь крови. И неподалеку должны быть еще две группы по пять человек... Почти одновременное нападение на трех участках – это лучшее, что можно было сделать. Равно как и приказ не стрелять, если к тому не вынудят обстоятельства. Шуметь... не хотелось.

Вот и сам форт. Такое впечатление, что никто из находящихся внутри даже не думал обращать внимание на творящееся у его стен. Разгильдяйство чистой воды. Впрочем, нам от этого только лучше. О'Рурк, как наиболее мощный из

всех, забрасывает прикрепленную к канату «кошку». Архаизм в какой-то мере. Но в нашей ситуации самое оно. В результативности «заброса» сомневаться не приходится, равно как и в том, что крючья не сорвутся во время подъема по стене. Как-никак, заточены они неплохо. Да и первым лезть тому самому О'Рурку, как наиболее массивному.

Есть! Он уже на стене. А следом за ним и я. Да, давненько мне не приходилось взбираться по канату на стену. Сразу вспоминается подростковое и очень недолгое увлечение городским альпинизмом. Вот же ситуация! Никогда не думал, что спустя довольно долгое время полученные азы знаний в этой области мне пригодятся на деле.

Большой форт. Очень большой. Оказавшись не вовне, а внутри, понимаешь это еще сильнее. Равно как и тот факт, что несколько караульных – это просто смешно.

Стоп! А вот и один из них. Идет, что характерно, в нашу сторону, но при этом явно не врывается в ситуацию. Невдомек ему, что люди на стене могут оказаться весьма опасными. Может, думает, что это кто-то из гражданского персонала, ведь лица с такого расстояния разглядеть... сложновато.

Приказываю бойцам быть готовыми, но не стрелять, пока я не разрешу. Ну и не светить незнакомыми лицами перед этим... караульным. Меж тем он подходит все ближе, но угрозы нет. Оружие за спиной, что с любой точки зрения... глупо.

Ближе. Еще ближе... Выражение недоумения на лице. Ру-

ка тянется к винтовке, чтобы сбросить ее с плеча, рот вот-вот откроется, чтобы закричать. Не получится. Бросок ножа, который я до этого момента держал обратным хватом, так, чтобы не было видно со стороны... И клинок входит точно в шею, заставляя без нескольких секунд покойника тянуться руками уже не к оружию, а к пробитому сталью горлу. И крика... не получается, лишь едва слышный хрип. Минус один караульный. Осталось... В любом случае немного. Со всем немного.

Собственно, промелькнувшая в голове мысль оказалась верной. Караульных и впрямь осталось немного. Всего трое. И нейтрализовать их удалось быстро. Сами подняли руки, когда на них наставили стволы винтовок. Последние сомнения у них исчезли после того, как им предложили «последовать в мир иной следом за приятелем». А туда, «в жизнь вечную, где нет ни слез, ни вздыханий», согласно проповедям, парням явно не хотелось. Про гражданских тем паче упоминать не стоило. Им ведь вообще ничего не грозило. Просто сказали, что форт Самтер теперь переходит под контроль независимого от США штата Южная Каролина, ну а им следует некоторое время просто тихо посидеть, после чего могут быть абсолютно свободными. Мало того, некоторые вполне смогут остаться на прежних местах работы. Если, конечно, не являются такими уж рьяными почитателями Эйба Линкольна и его прихлебателей.

В общем, форт Самтер был взят. Оставалось лишь до-

ждать темноты и уже без особых предосторожностей перевезти на остров оставшихся бойцов. А там уже будем ждать гостей. Тех самых, с майором Андерсоном во главе. Они-то не должны знать, что в форте «власть поменялась». Вот и пусть плывут... напрямик в ловушку.

Спустя малое время после того, как начало темнеть, в форт прибыли и остальные бойцы во главе со Степлтоном. Он, кстати, успокоил меня, сказав, что никакой особой тревоги в форте Мольтри не было замечено. Следовательно, очень велики шансы на то, что Андерсон со своим отрядом все же сунутся сюда, не подозревая об истинном положении дел на острове.

Нам же только и оставалось, что приготовить максимально горячую встречу. А для этого стоило использовать не только стрелковое оружие, но и артиллерию. Благо уж чего-чего, а пушек в форте Самтер хватало. Проблема была в другом – мы не были артиллеристами. Вот и пришлось положиться на довольно скудные знания самого Степлтона, да «добровольную» помощь местных гражданских специалистов. Не из числа подсобных рабочих и прочих уборщиков территории, само собой. Ведь имелись и куда более образованные люди, причастные к обслуживанию артиллерии. Не артиллеристы, конечно, но на краткий ликбез... годились.

В общем, пушки были заряжены, худо-бедно наведены на предполагаемые места высадки противника. Оставалось только ждать. Благо на долгий срок ожидание и не должно

было затянуться.

Тишина. Бойцы как-то не особо стремились болтать, давал о себе знать мандраж перед, по сути, первым в их жизни боем. Молчали и мы со Степлтоном. Лишь смотрели в ту сторону, где находился форт Мольтри. Полчаса, потом час.

– В форте началось движение, – сообщил Вилли, пристально вглядываясь в сторону мало-мальски, но все же освещенного форта Мольтри. – А вот отплывающих лодок я пока не вижу.

– Это как раз понятно, Вилли. Разрушают все, что только можно разрушить, не взрывая сам форт. И наверняка заклепывают пушки, зар-разы. А ведь пушки – это тот ресурс, которого нам будет сильно не хватать в этой войне.

– И мы ничего не можем сделать...

– Можем. Чуть позже, когда они появятся.

Чуть позже – понятие относительное. Да и изгаживание содержимого форта в промышленном масштабе тоже дело небыстрое. Так что прошло еще почти два часа, прежде чем гарнизон под командованием майора Андерсона погрузился в лодки и отплыл в нашем направлении.

Плыть им было... недалеко. Причалили к берегу они спокойно. Точнее даже не к берегу, а к имеющемуся причалу. И никаких подозрений у Андерсона и его людей явно не было. Никаких подозрительных нюансов, освещение форта строго по уставу. В общем... лепота да и только.

Было, пока быстро не сплыло. А сплыло как раз тогда, ко-

гда Степлтон, как обладающий голосом несколько помощнее моего, не крикнул, сам находясь под прикрытием стены:

– Форт Самтер находится под контролем штата Южная Каролина! Сдавайтесь, майор Андерсон, или мы откроем огонь. И мой командир надеется, что вы не взяли с собой в лодки гражданских. Ведь не взяли, да?

– Не взяли, – отозвался майор, понявший, что дела у него в полной... Да, именно в ней. – Дадите время на размышления?

Ага, как только, так и сразу. А то я не вижу, что они аккуратно так пытаются отступить обратно к лодкам. Явная надежда – и вполне обоснованная – на то, что среди захвативших форт нет грамотных артиллеристов. Ведь если так, да время удастся потянуть, то отплывающие от причала лодки будут осыпаны лишь пулями. Причем Андерсон-то рассчитывает на три-четыре выстрела в минуту, свойственные для дульнозарядок. Обломится. Да в полный рост!

– Дам, я ж не зверь какой, – включаюсь в разговор. – Считаю до пяти и после открываю огонь. Один... Два...

Майор, надсаживая глотку, орет на своих, чтобы те отступали к лодкам, а заодно и стреляли в нашу сторону. Поэтому следующие цифры отсчета идут куда быстрее.

Заранее наведенные пушки – это хорошо. Даже если они наведены так себе, кривовато. Даже если в качестве артиллеристов выступают мои наёмники. Даже если... Ведь расстояние мизерное, а в этом случае много списывается, очень

многое.

Залп. Что тут сказать, уши от него закладывает нехило. Зато результативность откровенно радует. А сразу после, исполняя заранее озвученный мною приказ, бойцы открыли шквальный огонь из «спенсеров». На этом фоне отдельные ответные выстрелы... не смотрелись. Да и сколько их было, ответных? Особенно после орудийного залпа из пяти стволов и последующего винтовочного огня. Лишь малая часть пыталась отбиться, огрызнулась ответным огнем. Однократно, потому как их оружие-то однозарядное. А перезаряжать его в темноте еще неприятнее, чем при свете дня. И к лодкам!

О, а вот и пальба из револьверов. Стреляет всего несколько человек. Офицеры, неведомо как выжившие после залпа, может, кто-то из сержантов еще.

Огонь из револьверов затих... Все, тут уже не отступление противника, а его резвое убегание. Только куда убегать-то? Если в лодку и пытаться грести, то по таким огонь вести не прекращают. Лишь те имели шанс выжить, кто упал на землю и прикидывается мертвым, либо бросил оружие и машет руками, аки взбесившаяся мельница.

Все кончено. Пытавшиеся отстреливаться или уйти на лодках мертвы или прикидываются таковыми. Подающие сигналы о сдаче... В них, вестимо, стрелять не следует. Не по правилам, так сказать.

– Четыре пятерки вниз. Пленным связать руки, проверить

раненых, найти тех, кто притворяется трупами. И осторожно, мало ли что. Затем собрать трофеи. Выполнять!

Нелишние команды. Мало ли кто из недобитков решит в героев поиграться. Тут это вроде не принято, но я лучше подстрахуюсь. Шкура, она ведь своя, а умирать больно и очень паршиво. Знаю, прочувствовал так, что второй раз ну совершенно не тянет.

Вильям тоже распоряжается, но уже насчет более бытовых моментов. К примеру, свериться насчет того, кто жив. Кто ранен, пусть и легко, а кто убит наповал. Да и о вражеских раненых тоже позаботиться приказание отдает. Это правильно. Война не повод для откровенного зверства.

Результаты... впечатляли. Как меня в хорошем смысле слова, так и всех остальных, но уже куда более неоднозначно. Обычные бойцы были рады тому, что потерь было мало. Собственно, погибло лишь двое, да и то один по причине того, что слишком уж открыто стоял, забыв о необходимости укрытия от вражеских пуль. Ну а второй – просто случайное попадание от того самого жидкого ответного огня. Плюс пять раненых, но ни одна рана тяжелой не являлась. Однако первые смерти все равно дали о себе знать. От тел своих глаза... отводили. Понимаю, на такое всегда тяжело смотреть.

Успех, что ни говори! Особенно если учесть, что на поле даже не боя, но расстрела попавших в засаду осталось где-то пять десятков трупов, более десятка раненых, ну а остальные... пленники. Уйти с острова, тем более такого малень-

кого – это, извините, просто фантастика. Иными словами, гарнизона форта Мольтри больше не существовало.

– Майор Андерсон... мертв, – сообщил Степлтон, когда первая помощь раненым была оказана, да и пятерка бойцов на одной из имеющихся теперь в избытке лодок была послана к властям Чарльстона. Объяснять, так сказать, причину случившегося и достигнутый результат. – Похоже, что все офицеры убиты. Находились не в задних рядах, отстреливались из револьверов. По ним тоже стреляли.

– Война, – пожал я плечами. – Сложись все иначе, на их месте могли бы быть мы. Но мы не на их месте, поэтому улыбнись, Вильям. Смерть пронеслась мимо нас, ее крылья простерли свою тень над нашими врагами. И это есть хорошо.

– Хорошо...

– Да, именно хорошо. Суть войны не в том, чтобы погибнуть за свою Родину или за идеалы. Пусть те, по ту сторону прицела, гибнут за свою Родину, свои идеалы. А ты должен не просто выжить, но победить. Думай именно так, и тогда все воспринимается гораздо легче. Не проще, а именно легче. Ну что, успокоился?

– Да... Наверное. Немного успокоился.

– Правильно. Ведь это лишь первая из битв, которые нам предстоят. А их, я уверен, произойдет немало. И крови там будет литься куда больше.

Глава 9

*Южная Каролина, Чарльстон,
декабрь 1860 года*

Утро красит нежным светом... Да ни хрена оно не красит! Оно встретило мелким, противным дождем и туманом. Та еще погодка, контрастная настроению. Вот оно было на высоте. Одержана первая победа, причем важная не столько по своей фактической значимости, сколько в психологическом плане. Первая битва – это раз. Соотношение потерь – два. Быстрота и эффективность – три. Осталось лишь поставить победную точку.

Какую именно? Вернуться в столицу штата, Колумбию, да доложить тому, кто меня сюда направил. Хотя бы чисто формально, но действительно направил. Во всех подробностях доложить, а не кратким сообщением по телеграфу, которое было послано незамедлительно. Кратенькое такое. «Форты Чарльстонской гавани под вашим полным контролем. Гарнизон частично уничтожен, частично взят в плен или разбежался, более не представляя опасности. Командир гарнизона майор Андерсон пал в бою. Станич».

Расписывать более подробно? Пока не стоит, это все при личной встрече. Главное, что форт Самтер был взят. И конечно, я ни за что не смог бы отказать себе в удовольствии

прогуляться по этому самому форту, который значительно позже окончившейся войны был признан архитектурным памятником и вообще национальным достоянием. Вот я и не отказался. Степлтон, что логично, тоже. Ну а простым наемникам слушать разговор начальства вроде как-то и не следует. Хотя в форте они были, осматривали все и вся, проверяли, чтобы никто из посторонних тут случайным образом не нарисовался.

Вот мы и в той части форта, что обращена к морю. Не внутри, а снаружи, там и свежий, пусть и холодный, ветер, и ощущение какой-то странной свободы от мира. Лично мне очень даже нравится.

– Красиво, – вдыхаю полной грудью холодный воздух с запахом океана. – И на душе хорошо. Первая, но я уверен, что не последняя победа. И вражеская крепость, павшая к твоим ногам. А сам-то ты как оцениваешь наш успех?

Вильям, до этого стоявший подобно статуе, да еще с закрытыми глазами, открыл их, посмотрел на волнующийся океан и лишь затем ответил:

– Необычно. Чувство гордости из-за победы. Понимание, что вчера мог погибнуть от совершенно случайной пули. Беспокойство... за будущее. Этот ночной бой был большим, чем мог показаться.

– Верно...

– Теперь в Вашингтоне не захотят решить дело миром. Или потребуют слишком многого, на что у нас никогда не

согласятся.

– А им и не хочется решать дело миром. Все слова – пустота, пыль, поднимаемая ветром, – криво усмехнулся я. – Стоящие за Линкольном люди никогда не позволят южным штатам спокойно уйти. А еще будут тянуть время, пока хоть немного не подготовятся к войне. Им ведь сейчас воевать некем. Кадровой армии почти нет, она разбросана по фортам и пограничью. И далеко не факт насчет того, какую из сторон она поддержит. Если же точнее – расколется на части. Так что... Им нужно время. Нам нужно время.

– И когда начнется, Вик?

– Я не пророк, – на лице эмоций не отражается, но внутри переполняет ирония. Не пророк, но кое-что из послезнания можно и нужно использовать. – Думаю, что весной. Скорее всего, начало или середина. И времени на сбор солдат хватит, и погода совсем хорошая для ведения боевых действий образуется.

Недолгое молчание. Вильям думает, переваривает, окончательно укладывает получившийся результат в голове.

– Нам нужно к губернатору. Срочно.

– Причины? – спрашиваю его, поскольку хочется знать, как глубоко он вник в суть проблемы.

– Убедить, что надо начинать собирать добровольцев и делать из них армию. Оружие, амуниция, припасы. И офицеры, которые смогут сделать из людей армию.

– И всё?

– Нет, – мой друг яростно мотает головой в древнейшем знаке отрицания. – Другие губернаторы, из Джорджии, Миссисипи, Флориды, других южных штатов. Они должны поторопиться. Объявить о выходе вслед за Южной Каролиной, начать собирать людей. И... нужно общее государство.

– Думаю, это уже происходит. Только теперь все пойдет куда быстрее из-за нашей ночной победы. Но по сути ты верно мыслишь. И это меня очень радует. Хотя бы потому, что тот же Фил и трети тобой сказанного не произнес бы.

– Ну, Мак-Грегор, он всегда таким был.

– Так ведь не один он такой. Ладно, постояли на свежем воздухе, полюбовались видами океана, пора и честь знать. Сейчасждемся отряда добровольцев из города. Передадим им форт Самтер и начнем собираться. В Колумбию. Все же там сейчас наше место, вовсе не здесь.

Да, пора. Тем более что те самые чарльстонцы уже направлялись к форту, чтобы занять освобожденный от сторонников Вашингтона форт. А мы уходим. Оставляем здесь тела, которые похоронят на местном кладбище. Пяток раненых... Трем из них тоже предстоит остаться тут на несколько дней, а вот у двух остальных всего лишь легкие ранения, не мешающие переезду. По железной дороге, само собой разумеется. Уж если у меня есть документ, рекомендующий оказывать всяческое содействие, то я собираюсь пользоваться им на полную катушку. Хотя бы из соображений собственного комфорта. Да и наемникам куда лучше проехаться по желез-

ной дороге, чем любым из других средств передвижения.

И еще... Раненые – это разговор особый. Сейчас мы их оставляем на попечение чарльстонских врачей, квалифицированная медицинская помощь им гарантирована. Но это сейчас, а в целом над этим вопросом стоит очень конкретно задуматься. Нужен собственный врач. Хороший, надежный, к тому же не боящийся войны как таковой и своего нахождения в боевой обстановке. А то пока есть лишь минимальные знания о первой помощи, которые все же были донесены до наемников. Совсем минимальные, надо отметить. В общем, еще одна проблема, которую следует решать. И решать незамедлительно. Равно как и еще один нюанс. Похороны своих. Неприятный церемониал, печальный, но от него никуда не скрыться. Придется присутствовать, а еще выступить с короткой речью. Слава богам, что язык у меня неплохо подвешен. Так что... справлюсь.

*Южная Каролина, Колумбия,
декабрь 1860 года*

Сразу же по прибытии в Колумбию я отправил одного из бойцов в качестве курьера к губернатору. Просить о встрече, разумеется. Ну а еще нескольких – на предмет размещения несколько поубавившейся числом полусотни. Ага, покамест я не собирался отправлять их обратно. И для внушительности, и просто из-за вечно бдящей подозрительности.

Ну а мы со Степлтоном и парочкой бойцов в качестве не

то свиты, не то дополнительной охраны, в ожидании известий расположились в баре поблизости от вокзала. Хороший такой бар, куда по большей части заходила исключительно приличная публика. Отсечка ценами, да и при попытке побуянить тут явно реагировали сразу. Вышибал сразу видно, а здесь они могли как кулаком или деревянной дубинкой поработать, так и пустить пулю, если кто-то совсем страх и чувство меры потеряет. Впрочем, такое на Юге редко происходило.

Только расположились и успели лишь немного посидеть, отдыхая от уже откровенно утомившего перестука колес – мы отдельно, бойцы, что логично, тоже отдельно – как вернулся взмыленный боец. Тот самый, посланный курьером к губернатору. Рванулся к нам и замер как истукан в метре от столика. Стоит, ждёт разрешения. Молодец, значит, определенный уровень дисциплины достигнут.

– Говори... Мак-Тавиш.

– Губернатор приглашает вас и мистера Степлтона к себе домой. Вечером, в шесть часов. И передал, что доволен быстрым выполнением его приказа.

Приказа, млин! Обожаю власть имущих за особенности их мышления. С другой стороны, формально все верно. Он главный в Южной Каролине, а значит, произошедшее в Чарльстоне происходило по его приказу.

– Полагаю, ответа он не требовал, и так все очевидно, – слегка улыбаясь, я жестом отпускаю наёмника к его товари-

щам. – Ну вот, Вильям, и первый отклик на наши действия. Теперь нас вполне официально приглашают к губернатору домой. Уверен, нам найдётся о чем с ним побеседовать.

– Наши люди... Их надо отправить домой.

– Завтра. После сегодняшнего разговора с мистером Пикенсом. К тому же мы отправимся к нему не одни, а в сопровождении хотя бы нескольких бойцов. Почетная свита, знак статуса.

– Хочешь поставить нас как можно выше?

– Именно так и есть, Вилли. Очень уж ситуация благоприятствует. Уверен, что в газетах или уже напечатали о случившемся в Чарльстоне во всех подробностях, или вот-вот это сделают. Без наших имён и указания той роли, которую мы во всём этом сыграли, точно не обойдётся. Пресса любит как сенсации, так и тех, кто их творит. И наверняка господа журналисты будут надеяться на повторение столь роскошного повода для своих творений.

Журналисты... они вечны, равно как и их повадки. Просто здесь, в этом времени, они все же не склонны столь откровенно врать. Причина? Так ведь могут найти, взять за ухо или же за иные органы, после чего предложить поучаствовать в дуэли. А братия эта невеликой храбрости, поэтому.... Вот поэтому откровенной клеветы и брехни в газетах гораздо меньше, чем могло бы быть. Особенно в адрес тех, кто априори может устроить настоящие, физические проблемы.

А приглашение – это хорошо. Разместив – а точнее порас-

пихав – почти полсотни человек по нескольким «постоялым дворам», мы отправились к губернатору Южной Каролины, мистеру Френсису Пикенсу. Времени как раз хватало на то, чтобы сделать это не спеша, вдумчиво и с расстановкой прогулявшись по улицам города. Люблю, признаться, такие вот прогулки по новым для меня местам. Ну чистой воды экскурсия, причем без вечно мешающего экскурсовода.

Хм, а вот это уже действительно интересно. Я сейчас не о городских достопримечательностях, а о жителях города, которые попадают по дороге. Они на нас смотрят. Любопытство, доброжелательный интерес, промельки искреннего восхищения у некоторых. О причине и догадываться нечего, всё более чем очевидно. Телеграмма-то была послана ещё до нашей отправки из Чарльстона. А шила в мешке не утаишь, тем более такого, которое связано не с поражением, а с победой. Не слишком важной, но первой, а потому такой необходимой с чисто моральной точки зрения. Психология ж, эти её!

Делать вид, что не замечаю этих взглядов, нет никакого смысла. Так что улыбку туда, короткий кивок сюда, а этой очаровательной девушке можно не только улыбнуться, но еще и подмигнуть. Ох ты как засмущалась, аж румянец на щеках сразу появился. Стеснительная, однако.

Вот после такой приятной прогулки и настроение ещё немного поднялось, хотя и до этого было весьма приличное. Всё, пришли. Знакомая уже резиденция губернатора, но

встречают уже с куда большим радушием. Слуги из негров суетятся, ну да им это по жизни положено. А встречает нас не секретарь, аж сам... О как! Не хозяин, а хозяйка дома. Прелестная и очаровательная миссис Люси Пикенс, в девичестве Холкомб. Та самая, которая даже императора Александра Николаевича впечатлить умудрилась. И я теперь понимаю, что было чем впечатлять.

– Я в восхищении, – цитирую одного шкодливого демона, не забывая поклониться красавице. Благо она этого достойна. Ну и поцеловать её затянутую в перчатку руку тоже и по этикету, и просто приятно. А теперь уже на родном для себя языке: – Неудивительно, что в России вы произвели большое впечатление на двор и на императора лично.

– Лестно слышать, мистер Станич, – акцент... сильный, очень сильный. И видно, что разговор по-русски дается ей с трудом, поскольку она сразу переходит обратно на английский. – Вы жили в России?

– Мой дед был вынужден покинуть страну из-за проблем с нежелательными дуэлями. Но родной язык в нашей семье остается таким же родным, как и был раньше. И поверьте, миссис Пикенс, я буду признателен, если вы поведаете о том, что сейчас происходит в тех далёких, но родных для нашего рода краях, откуда вы с мужем не так давно вернулись.

– О, с удовольствием расскажу о своих впечатлениях тому, кто сможет по достоинству это оценить, – ещё более заметно оживилась красавица. – У нас, даже в южной части

страны, всё-таки нет того блеска, что при дворе Санкт-Петербурга...

– Южной части? – добродушно усмехнулся я. – Есть у меня подозрение, перерастающее в уверенность, что это сведения несколько устаревшие.

– Ах да, и правда. Особенно после ваших недавних подвигов в Чарльстоне, мистер Станич.

– Для вас можно просто Виктор, миссис Пикенс.

– Хорошо, Виктор... Но сейчас вас и мистера Степлтона, – милостивое наклонение головы в сторону моего друга, – ждёт мой муж. Для разговора о делах. А потом мы с вами снова увидимся. За чашечкой кофе или бокалом вина вы расскажете нам с мужем что-нибудь интересное. А я расскажу вам о красотах русской столицы.

– С благодарностью принимаю столь радующее меня предложение.

Снова легкий поклон, показывающий, что сейчас беседа закончена, но вместе с тем никаких прощаний. Всего лишь пауза. Ещё одна улыбка, и вот красавица разворачивается и уходит куда-то по своим делам. А нам пора... Твою же мать.

– Вильям, отомри, – совмещаю свой локоть и бок Степлтона. – Понимаю, что красивая дама, но ведь не Медуза, чтобы взглядом в камень обращать.

– Она... Она совершенна, – выдохнул друг, наконец выходя из состояния статуи, но всё ещё находясь под серьёзнейшим впечатлением от губернаторской жены. – Я и не думал,

что такая женщина может быть реальной.

– Может. Мало того, после разговора с губернатором ты вновь можешь наслаждаться не просто созерцанием, но и поговорить с ней. А то стоял, словно немой истукан, даже слова не проронил. Пошли уж, впечатлительный!

Молчание в ответ. Но на месте уже не стоит, топает следом за мной. Да, серьёзно его амурчики по голове приложили. Ну или стрелами во все подobaющие места утыкали, это не суть как важно. Мда. Слабоват Вилли оказался насчёт устойчивости к женским чарам, слабоват. С другой стороны, Люси Пикенс – признанная красавица и просто очаровательная женщина. Это признано не только тут, но и при императорском дворе, даже лично Александром II. В общем, влип человек по полной. И я даже не знаю, что с ним теперь делать, чем помочь. Остаётся надеяться, что это помрачение рассудка любовного характера всего лишь временное. Иначе... хлопот не оберёшься.

Губернатор нас ждал. Это было видно сразу. Хотя бы по той причине, что, заведя нас, слуга-негр, стоящий у дверей хозяйского кабинета, изобразил то, что, как я понимаю, считал приветливой улыбкой, и распахнул дверь. Внутри же нас ожидала другая улыбка, на сей раз губернаторская.

Френсис Пикенс на сей раз не просто поднялся из-за стола, а даже сделал несколько шагов навстречу, тем самым выражая крайнюю степень приязни посетителям. Взаимные раскланивания, приветствия, приглашение присаживаться,

дабы не утруждать ноги. Хорошие признаки, очень хорошие. Но как только мой организм соприкоснулся с креслом и почувствовал себя вполне уютно, губернатор, тоже не любящий стоять, когда можно более уютно устроиться, перешёл к делу:

– Мистер Станич, мистер Степлтон. Вы выполнили порученное вам очень быстро. Добились желаемого и даже... – переменив тон с добродушно-восторженного на чисто деловой, он поинтересовался: – Я могу опустить излишние дипломатические обороты?

– Несомненно, – кивнул я. – Тут детей нет, наивных восторженных идеалистов тоже. Хотя идеалы присутствуют, иначе ничего из случившегося в последние дни не произошло бы.

– Понимаю вас. В разгроме противника, столь успешно вами осуществленном, есть не только выгода, но и проблемы.

– Эйб Линкольн в бешенстве, так?

Пикенс скривил губы в подобии улыбки, что больше напоминало оскал.

– Не только он, но и действующий президент. Они оба не могли подумать о том, что от требования покинуть форты Чарльстонской гавани мы перейдем к силе оружия. Признаться, я сам и мои советники хотели попробовать выкупить форты у Вашингтона.

– Это бы вам не помогло. Затягивание переговоров, невы-

полные условия, а может, и хвалебные статьи в газетах, посвящённые «героям форта Самтер», которые держатся в окружении многократно превосходящих сил подлых мятежников. Теперь статьи другие. Этим, – презрительный жест, адресованный вашингтонским заправилам, – остается лишь жалобно скулить о понесённых потерях и обвинять «коварных и жестоких мятежников». А это уже совсем другое. Крики проигравших не производят должного впечатления.

– Ваши слова более подходят политику, а не военному.

– Предпочитаю совмещать эти два увлечения, мистер Пикенс Однако...

– Да?

– Вы же не просто так пригласили сюда меня и моего друга, – констатирую очевидный факт, внимательно смотря на губернатора и отслеживая мимику, движения рук, тела. – Светская беседа – это хорошо, приятно, особенно когда между умными людьми. Но вы ещё и политик, дипломат с большим опытом. Следовательно...

Я говорил, Пикенс слушал. Что же до Вильяма, то он сидел с улыбкой на лице, малость блаженной. Понимаю, Люси, она такая Люси. Ничего, пусть посидит, помечтает. Благо его активное участие в разговоре мне сейчас не так чтобы сильно нужно.

– Верно, мистер Станич. Но сначала я спрошу, понимаете ли вы, что будет происходить в ближайшие не месяцы, а недели? Здесь, на Юге.

– Выход большинства южных штатов из состава США. По той модели, которая была успешно опробована вами. Думаю, что быстрее всего это сделают Джорджия, Луизиана, Алабама, Флорида, Миссисипи. Увидев, что процесс пошёл, должен присоединиться Техас. Они не для того воевали за свою независимость с Мексикой, чтобы подчиняться откровенно бредовым пожеланиям из Вашингтона. А с остальными штатами придется... сначала поговорить, как я понимаю. Арканзас, Теннесси, Северная Каролина, возможно Виргиния. Решительности там... поменьше.

Приятно озадачить человека. Особенно если он изначально тебя недооценивает. Пусть я сейчас нагло пользовался банальными знаниями известной мне истории, но эффект от этого ни на йоту не снижался. Губернатор Пикенс получал полный расклад по состоянию дел в южных штатах, об их готовности поддержать отделение сразу или же чуть позже, после определенных усилий. Разумеется, он и сам это знал, но слышать такое по сути от случайного человека... Да, случайного, пусть уже и успевшего выполнить одно очень серьёзное поручение. В общем, надрыв шаблона происходил успешно. И это меня радовало.

– У вас информированные источники...

– Источников почти нет, – улыбнулся я. – Есть лишь умение читать газеты, говорить с людьми. Обычными людьми, не обладающими секретной информацией. И на основании всего этого делать выводы. Похоже, они приближены к ис-

тинному положению дел, судя по вашим словам.

– Я проверю.

– Мне скрывать нечего. – Ну, помимо ограбления банка, крупнейшего в этой стране. Заголовки газет лишь не так давно прекратили постоянно о нем напоминать. Но до этого тебе не докопаться, да и рыть именно в этом направлении тебе даже в голову не придет. – Однако я ответил на заданный вами вопрос.

– Больше чем просто ответили. Но если вы так хорошо разбираетесь в расстановке сил, то должны понимать – без создания единой страны ничего не получится. А у любой страны должен быть...

– Лидер, – не дожидаясь окончания сделанной Пикенсом паузы, говорю я. – О выборах тут речи не идет, он, скорее всего, будет назначен влиятельными людьми Юга из числа тех, кто известен за пределами родного штата и пользуется уважением и авторитетом. При войне на пороге ни затягивать, ни шутить не стоит.

– Снова вы попали в цель, мистер Станич, – тон губернатора напоминал тон учителя, беседующего с подающим надежды учеником. – Может, и кандидатуры угадать сможете?

Стоп. А это уже точно будет лишним. Их, учитывая имеющуюся в открытом доступе информацию, просчитать практически нереально. Значит, сейчас прозвучал вопрос-ловушка. Отвечу верно – покажу неправильную информированность. Неверно – смажется уже заработанное впечатле-

ние. Поэтому...

– Не зная, какой круг людей будет осуществлять выбор, я просто не могу делать разумные предположения. А угадывают пусть игроки в рулетку.

Снижение напряженности и даже некоторая расслабленность – вот то, что я уловил, наблюдая за Пикенсом. Тест я прошел. Неудивительно, что следующими словами он чуть приоткрыл завесу тайны... о которой я пока что и так имел представление.

– У нас, губернаторов отделяющихся штатов, есть... кандидат. Даже несколько, но те лишь про запас. Нам нужен президент, разбирающийся в военном деле и не боящийся принимать жесткие решения. Но и поддающийся управлению со стороны тех, кто позволит ему занять такую высокую должность.

– Это необходимые качества.

Я согласился, не кривя душой. Для них необходимые, а вот по сути... Последнее как раз и опасно. Да и кандидатура Дэвиса – то ещё сомнительное решение. Нет, он был искренне предан Югу, изо всех сил старался сделать всё от него зависящее. Вот только обладал довольно ограниченным кругозором и категорически не умел отличать действительно полезные советы от тех, которые лучше даже до конца не дослушивать, не то что применять.

Иными словами – идейный дуболом. Вот только его избрание по сути предрешено. Все отделяющиеся штаты, по-

мимо Джорджии, будут за него. Джорджия, как я помню, поддержит второго из вероятных кандидатов, Роберта Тумбса. Однако тот сам снимет свою кандидатуру, осознавая, что расклад не в его пользу. А зря. Более подходящий кандидат, как по моему мнению. Впрочем, моё мнение по весу пока что немногим отлично от нуля. Но уже отличается, за что следует благодарить как раз недавнюю победу. Ну да ладно, сейчас немного не о том. Тем более Пикенс, прервавшись на то, чтобы плеснуть в стакан немного виски и приложиться к оному, вновь заговорил.

– Как только мы выберем себе президента, каждый из губернаторов объявит о созыве ополчения. По поручению президента, конечно.

– Тут лучше, хм, поторопиться. Мало созвать людей, их надо еще и обучить. Не стрелять, а быть именно солдатом, а не просто человеком, умеющим метко стрелять. Я понимаю, что у наших «друзей» из Вашингтона те же самые проблемы, но лучше быть впереди, а не догонять.

– Я губернатор Южной Каролины. И только... – хитро так посмотрел на меня Пикенс. – После победы в Чарльстоне я могу использовать подъем патриотизма и объявить о наборе нескольких тысяч добровольцев. Особенно тех, кто уже имеет боевой опыт.

– Офицеры и унтер-офицеры, – понимающе кивнул я. – Они смогут обучать остальных. Это поможет. Очень поможет. Но я хотел бы обратить ваше внимание на ряд проблем.

Губернатор благосклонно кивает. Хорошо, поскольку я сейчас буду говорить о вещах крайне неприятных.

– Как у Южной Каролины, так и у других штатов Юга вот-вот начнутся большие... Нет, скорее огромные проблемы. У нас есть деньги, на которые можно многое купить. Однако кто даст нам гарантии, что мы сможем это сделать.

– Не понимаю вас, мистер Станич...

Вот именно. Действительно не понимает. Или, что ещё хуже, гонит от себя плохие мысли. Хотя нет, этот, похоже, и впрямь не осознаёт суть встающей во весь рост ПРОБЛЕМЫ.

– Флот. Я кое-что слышал о настроениях среди моряков. И они меня опечалили. Почти все они поддержат Линкольна. А значит, стоит ожидать блокады. Полноценной блокады, когда мы не сможем ни отправлять тот же хлопок – наш главный источник дохода – в Европу, ни получать оттуда особенно нужные нам сейчас товары. Товары, необходимые для ведения войны: оружие, боеприпасы, аммуницию.

– Войны еще нет.

– Да, ее ПОКА нет. Поэтому и стоит этим воспользоваться. Вы губернатор, поэтому вас послушают или хотя бы внимательно выслушают. В отличие от меня.

– Мы с Виктором и ещё парой компаньонов сейчас строим оружейную фабрику, – неожиданно для меня вышел из состояния отрешенности Степлтон. – Она будет довольно большой, на ней будет производиться современное оружие,

но она одна. У нас не так много денег, как хотелось бы. И уж тем более мы не можем заказать в Европе большие партии необходимого нам сырья и прочего.

— Мистер Степлтон дело говорит, — подхватил я. — Инициатива нескольких людей ничто в сравнении с государственной машиной. Помогите запустить её, это в ваших силах. Хотя бы попытайтесь.

— Блокада, — губернатор словно бы пробовал на вкус это понятие. — Вы мрачно смотрите на мир. Да и флот еще не сказал своего слова. Может, он поддержит нас, может, мнения разделятся и часть моряков окажется на нашей стороне.

Хочется побиться головой о стену или там столешницу. Ну вот почему очевидные, казалось бы, вещи столь трудно донести до некоторых персон. Пикенса же не просят верить, ему лишь намекают на то, что всё может обернуться как удачно, так и неудачно. А он лапки крестиком и ждать.

— Если живете в деревянном доме, лучше позаботиться о том, чтобы во дворе имелись средства для тушения пожара, — покачал я головой, укоризненно глядя на губернатора. Хорошо ли будет одним прекрасным днем узнать, что флот не поддерживает Юг. А уж то, что Линкольн с удовольствием установит блокаду... Или вы верите в его бесконечное благородство?

В благородство Линкольна Пикенс верить точно не собирался. Одно имя свежеизбранного президента служило для губернатора источником нехилого раздражения. Хотя он и

скрывал эмоции под маской опытного дипломата, но пару раз всё же не удержал лицо. Как-никак дома находился, да и я не тот человек, чтобы совсем уж сильно стараться удерживать подобающую физиономию.

– Я проверю, что говорят на флоте. Если вы правы, то тогда... Тогда будем решать.

– Решать – да. Но сейчас можно скупить в северных штатах то, что Югу в любом случае понадобится. Только не тем, кого свяжут с Южной Каролиной или с вами лично. Это будет и полезно для новообразующейся страны, и выгодно для тех, кто поймет перспективность ситуации.

– Выгодно? – наострил уши Пикенс. – Уточните, в чём заключается эта выгода.

Доводов хотите? Что ж, их есть у меня... много. Так что ближайшие минут двадцать пришлось при помощи Вильяма подробненько так поговорить о тех товарах и о сырье для производства оных, которые по-любому будут необходимы, даже если война не началась бы.

Странно все это. Ведь не дурак губернатор. Скорее наоборот. Тогда почему этот разговор вообще свернул на очевидное? Инерция мышления, консерватизм? А ведь пожалуй, так оно и есть. Ну да ладно. Что мог, то я сделал. Попробовал достучаться до конкретной личности, на которую удалось не просто выйти, но еще и установить какие-никакие отношения. Плюс к тому у Пикенса на мою персону явно прослеживаются вполне определённые планы. Я даже догадываюсь,

какие именно.

И на закуску...

– Сами понимаете, мистер Пикенс, я вскоре отправляюсь обратно в Джорджию. Если точнее, то в Бейнбридж, где находятся как унаследованная от отца плантация, так и строящаяся оружейная фабрика. Нужно дать очередные указания управляющему, озаботиться еще некоторыми делами, но... Все это вторично. Сейчас у меня сотня бойцов, в скором времени прибудут еще. Но их сначала надо должным образом обучить. Процесс обучения уже поставлен, хотя я и стараюсь его усовершенствовать, – тут немного приукрашено, потому как инструкторов только-только наняли. Да и не все так гладко, как хотелось бы. – Однако сейчас мои бойцы не обладают никаким официальным статусом.

– Звание?

– Оно самое. Мне и моим помощникам. Одного из них вы сейчас видите, – Степлтон поднимается, вытягивается в струнку, словно настоящий выпускник Вест-Пойнта, а затем вновь присаживается. – Двое других сейчас обучают пополнение.

Губернатор изображает глубокую задумчивость. Именно изображает, уж я-то понимаю, что мое предложение выгодно и ему. Почему? Да просто оно делает меня ему обязанным. Что же до правомочности, то он может сделать это как чисто с формальной точки зрения, так и по духу ситуации. Назвать меня юнцом и выскочкой? Это могут. Зато никчем-

ностью, купившей звание или получившей за не связанные с воинским искусством заслуги – это уж, извините, теперь нереально. Не после того, что случилось в Чарльстоне.

– Полковником вам не стать, мистер Станич. Меня просто не поймут, – в глазах губернатора словно бесенята пляшут. – Ведь у вас более сотни, но менее двух сотен солдат? Тогда поздравляю вас со званием капитана. Документы о присвоении получите сегодня же. Мистера Степлтона назначим первым лейтенантом, а двух других ваших помощников – вторыми.

– Благодарю вас, губернатор, – теперь уже встали мы оба. – Значит, рота...

– Рота, – подтвердил Пикенс. – Обмундирование у вас однотипное, это уже хорошо. Знаки различия... Пока можете использовать старые, новые еще не существуют. И не забудьте о названии роты и знамени.

– Несомненно.

– Тогда... Капитан Станич, первый лейтенант Степлтон, приглашаю вас на чашечку кофе, вино и сигары. Моя престная жена составит нам компанию. Вы ведь уже познакомились?

– И даже успели немного поговорить. Она обещала рассказать о жизни двора Санкт-Петербурга...

– Ей есть о чём рассказать. Как и мне. Пройдёмте.

Вот и закончена официальная часть. Началась неофициальная, которая может оказаться не менее информативной

и лишь немногим менее важной, чем первая. Хотя о делах как таковых разговоров не будет, но вот прощупывание намерений, составление более подробного впечатления – это по полной программе. Семья дипломатов, как ни крути. Со всеми присущими им особенностями. Ничего, я уж постараюсь. И за Вильямом прослежу, чтобы этот впечатлённый красотой и стилем жены губернатора что-нибудь внезапно не ляпнул. Умный у меня друг, но удар кувалдой амура по голове всякое творит с человеком...

Глава 10

*КША, штат Джорджия, Бейнбридж,
февраль 1861 года*

Конфедеративные Штаты Америки, они же КША или просто Конфедерация. Здесь они образовались несколько раньше, чем в привычной мне истории, пусть и на пару недель. Девятнадцатое января одна тысяча восемьсот шестьдесят первого года – вот эта самая изменившаяся дата. И количество штатов тоже изменилось. В лучшую сторону, потому как Техас, впечатленный резким ответом на попытку верных властям США частей удержать за собой форты Чарльстонской бухты, присоединился к шести штатам без каких-либо задержек. Неплохой знак.

А вот город, где состоялось «конституционное собрание», остался тем же. Монтгомери, столица Алабамы. Именно его и объявили столицей новообразованной Конфедерации. И через десять дней, двадцать девятого января, был выбран президент, которым ожидаемо стал Джефферсон Дэвис, бывший военный министр.

Кстати, я, к некоторому своему удивлению, оказался в числе приглашенных как в первом случае, так и во втором. Конечно же не в качестве участника, но и сам факт приглашения по поводу провозглашения Конфедерации и на тор-

жество в честь избрания её президента... Это уже был заметный шаг вперед. Да и с верхушкой КША удалось некоторым количеством слов перемолвиться. Тут сыграли роль как рекомендации губернатора Южной Каролины, так и моя собственная известность. Газеты.... На сей раз они сработали в нужном для меня ключе, со всех сторон обмусолив биографию «победителя сражения при фортах Чарльстона». Грех не воспользоваться. К тому же я был уже не просто «мистер», а капитан Станич. Всяко внушительнее. А с учётом отзывов прессы, даже ворчания насчёт «юного выскочки» не прозвучало.

Вообще, с учётом уже произошедших изменений, ситуация развивалась заметно быстрее. По крайней мере, со стороны Конфедерации. Как раз из-за того, что всем было ясно, что после состоявшегося сражения и пролившейся крови решить дело миром будет... сложновато. Поневоле Югу приходилось пошевеливаться, мало-помалу отбрасывая в сторону прекраснодушные иллюзии насчёт «мирного выхода из США».

К тому же пусть действующий президент Бьюкенен ещё что-то мямлил про мирное решение вопроса и о бескровном возврате штатов, пытающихся отделиться... Зато Авраам Линкольн воистину бесновался как при публичных выступлениях, так и в раздаваемых газетчикам интервью. Там доставалось всем: мятежным штатам, конгрессменам-предателям, конкретным личностям. Даже меня, зараза этакая,

упомянул как «кровавого и подлого мятежника, предпочитающего сражаться не лицом к лицу, а нападать ночью и из засады». Это я не понял, он действительно таким образом оскорбить пытался? Как по мне, помимо «подлого», все верно.

Впрочем, это всё по большей части лирика. Зато назначение Дэвисом членов правительства Конфедерации – это действительно важное дело. Хотя назначенные кандидатуры частично вызывали... непонимание. Да и выбранный вице-президент Александр Стивенс заставлял недоумённо чесать в затылке. Ну вот не понимал я причин его назначения и все тут! А память ничего не подсказывала, поскольку эти нюансы как-то не особо в ней задержались... если вообще там когда-либо присутствовали.

Ладно, будем посмотреть, что покажет время. Равно как и результаты принимаемых этим кабинетом министров решений. Важнее было то, что президент КША первым же делом разослал губернаторам вошедших в Конфедерацию штатов письма с просьбой объявить набор добровольцев с необходимым общим минимумом в сто тысяч человек. Тут он, как военный министр, принял абсолютно правильное решение. Равно как и насчет отправки полномочных представителей в те штаты, которые могли присоединиться к Конфедерации. Таковых ведь хватало.

А вот за что его однозначно стоило обматерить особо заковыристыми конструкциями, так это за вялое отношение

к ситуации с флотом. Ага, тем самым, который почти что в полном составе перешел на сторону Линкольна с его сворой. Не помогла даже речь губернатора Южной Каролины, который хоть и не полностью, но все же проникся угрозой блокады.

Твою же мать! Мнение «ну нет флота, так его можно и построить» просто поражало. Не построить, так заказать в Европе – поражало не меньше. Ведь военные корабли быстро не строятся, этим надо озаботиться практически незамедлительно, а не когда-нибудь потом. Выкуп же уже существующих и несколько устаревших военных судов тоже надо было производить быстро и с большой осторожностью. Принцип «не продашь, не нае...шь» действует везде и всюду. Так что при покупке устаревших судов в Европе следовало пристально изучать продаваемое. Чтобы не всучили откровенный хлам. Да и несчастные две верфи, имеющиеся в КША, следовало загрузить работой на все сто процентов, одновременно задумываясь о их расширении.

Короче говоря, с флотом было откровенно печально. Определенные надежды имелись лишь в плане покупки кораблей в Европе, которую собирался продавливать губернатор Южной Каролины. И на которую даже я собирался внести определенную долю. Небольшую, потому как фабрика сжирала большую часть имеющихся денег и алчно требовала еще. Но сам факт моей уверенности и готовности вложиться в это дело заставлял Френсиса Пикенса поверить в искрен-

ность моих намерений. И не столько его, сколько его жену, Люси, на которую и был расчёт. Я помнил о том, что эта женщина чуть ли не все свои драгоценности, в том числе и подаренные Александром II, продала, чтобы помочь снарядить несколько воинских частей конфедератов. Вот и надеялся, пусть и несколько циничным образом, подвигнуть её использовать финансы в несколько ином, сейчас более важном направлении. Посмотрим, как карта ляжет. В таких делах не давят, лишь тонко намекают, осуществляя почти незаметные воздействия.

Февраль месяц... И никакого покоя для меня лично. Я понимал необходимость этого, равно как и поездки в Монтгомери, в Колумбию и возвращение обратно в Бейнбридж. И все равно – тяжело.

Вся эта круговерть завертелась почти сразу после того, как мы со Степлтоном и бойцами вернулись из Южной Каролины уже совсем в ином статусе, отличном от того, в коем покидали родные края. Ведь уезжали, если смотреть со стороны, два юнца со странными, хоть и очень амбициозными планами. Вернулись же офицеры, выигравшие первое сражение в войне, да к тому же сумевшие завязать очень полезное знакомство с губернатором соседнего штата. Да ещё, по сути, получившие полный карт-бланш на официальное формирование отряда. Сейчас роты, но всем было ясно, что при дальнейших успехах подразделение может... подрасти.

В общем, встречали нас как триумфаторов. Я не говорю

о друзьях и хороших приятелях — это как раз нормально и естественно. Но ведь и до сего момента относившиеся с легким скепсисом резко поменяли свое мнение. Это, что ни говори, серьёзный знак.

Получение же капитанского звания позволило придать по сути уже сформированному отряду официальный статус. Пока что роты. Долго думать над названием я не стал. Народ у меня довольно дикий и злобный, но командам вполне подчиняется. Отсюда и возникла мысль обозвать роту «Дикая стая». Со знаменем пришлось мало-мало поломать голову. Ведь оно должно и запоминаться, и привлекать к себе внимание, и в то же время соответствовать названию, равно как и духу подразделения.

Нужное сочетание нашлось. Оскалившаяся голова волка над песочными часами. Часы и волчья башка цветов серебра, ну а общий фон, вестимо, черный. Данная символика самую малость будет напоминать еще и о пиратских флагах, ну да оно тоже неплохо. «Джентльмены удачи» никогда мягкостью характера не отличались, как не будет страдать этим и собранный мной отряд.

Приложить руки к собственно созданию знамени вызвались... обе мои сестрички. Все же в плане работы с тканями и относительно вышивки им подобное вполне можно было доверить. А отдавать на сторону... Можно, конечно, но тогда и обид не оберёшься. Зато внутри семьи подобного уж точно не требуется. Вот они и постарались, в рекордные сроки

соорудив действительно достойный результат.

Сами же бывшие наёмники, отныне же солдаты Конфедерации, изменения приняли спокойно. Патриотических чувств к Северу никто из них, вчерашних эмигрантов, да к тому же хлебнувших лиха полной ложкой, точно не испытывал. Разве что некоторые, оставившие в Нью-Йорке и окрестностях дорогих им людей, попросили посодействовать насчет их прибытия сюда. Разумное требование, чего уж там. Пообещал, хотя и предупредил, что добираться их близкие будут не в самые сжатые сроки. Ну да на это никто и не претендовал, понимали возникшие сложности. Рады были и тому, что от них не отмахиваются. А отмахиваться было бы очень глупо с моей стороны. Психология, однако, во всей своей красе. Если твои бойцы беспокоятся за близких, то их эффективность в сражениях резко снижается. Следовательно, при возможности надо это беспокойство нейтрализовать. Что я и собирался сделать. И делал по мере возможностей.

Подготовка же... вышла на новый уровень. Нашлись несколько ветеранов, которые были наняты в качестве инструкторов. Да и уже нюхнувшие пороха бойцы делились пусть скромным, но всё же опытом с товарищами. Ах да, и про знаки различия не забыли. Пусть привыкают к тому, что часть их них, более отличившиеся, становятся капралами и сержантами. А это, соответственно, влечет и некоторое увеличение получаемого жалованья.

И медицина. О ней я ни в коем случае не забывал. Пер-

во-наперво нужен был врач. Хороший врач, специализирующийся по возможности на огнестрельных и колюще-режущих ранах, да и про переломы понятие имеющий. Плюс обязательным условием была готовность находиться если и не в самой гуще военных событий, то где-то рядом.

Не самые скромные требования, согласен. А как иначе-то? Зато финансовый вопрос даже рядом не стоял, платить такому эскулапу я готов был много. Ну и выбить звание тоже не вопрос, ведь военврач без звания... по моим понятиям это как-то не комильфо.

Поиски шли довольно долго, сложно, но успехом всё же увенчались. Хотя кандидатура, если смотреть на неё с точки зрения классического южного джентльмена, была, скажем так, крайне специфическая.

Доктор Маркус Шмидт, специалист на все руки, не привязанный конкретно ни к одной из областей медицины уже довольно долгое время. Возраст у него был уже под сорок, а биография... замысловатая. Выходец из Гессена, одного из немецких микросоударств, подался в США от каких-то возникших в Европе проблем. Впрочем, легко догадаться, каких именно, потому как тут они у него тоже возникли довольно быстро. Любил доктор симпатичных пациенток. Так сильно любил, что ему было глубоко безразлично, имеются ли у них мужья.

А связи с пациентками, они для докторов всегда были... под запретом. И даже если «со спущенными портками» не

ловили, то урон репутации был катастрофический. Вот и у доктора Шмидта она после подобного обрушилась не то что до уровня пола, а, пробив оный, потерялась в сумраке подземных ярусов. В том числе и оттого, что он чисто по врачебному рассчитался с одним из обматеривших его рогатых мужей, тем не менее отказавшимся участвовать в дуэли по каким-то причинам. Уж неизвестно каким образом – а может и при помощи женушки того человека – доктору Шмидту удалось подсыпать бедолаге какой-то сильный галлюциноген. И после этого... Зрелище вроде как почтенного джентльмена, лунной ночью передвигающегося на четвереньках, облаивающего столбы и воющего на полную луну... Такое в Джорджии происходило... нечасто.

Всем всё было понятно, но доказательств... не было. Да и отказ того, кому достался галлюциноген, от дуэли не давал возможности некоторым особо горячим головам самим вызвать Маркуса Шмидта. Поэтому результатом стало полное отсутствие у него пациентов... из числа приличного общества. Зато если кому-то требовалась нелегальная пакость из области фармацевтики – все знали, к кому именно обращаться. Ну и операции он все же проводил. Большинство из них, правда, были насквозь нелегальными. Проще говоря, выезжал к таким клиентам, кому с законом лучше было совсем не пересекаться. Однако, если у такого человека были деньги, то доктор Шмидт был всегда готов.

На жизнь ему хватало, но не на шикарную. А хотелось

больше. Поэтому я не удивился, когда в ответ на поступившее предложение стать штатным врачом роты «Дикая стая» Маркус Шмидт ответил согласием.

Правда, Степлтон с Мак-Грегором откровенно воротили нос от подобного... субъекта, но все же понимали необходимость наличия хорошего врача. Врачом же Шмидт был хорошим, невзирая на особенности его характера и мировосприятия. Да и загрузил я его по полной программе. От него требовалось преподавать бойцам мало-мальски приличные уроки оказания первой помощи. Потом же выбрать из числа бойцов тех, у кого они сильнее прочих в голове отложились. Ведь пара-тройка помощников ему по-любому потребуются.

Оружейная фабрика... Большая чёрная дыра в плане финансов в настоящее время. В том смысле, что сколько туда ни вбухай, всё равно мало. Но процесс строительства идёт полным ходом, да и винтовки, пусть и в «аптекарских дозах», всё же выпускаются. Равно как и необходимые для них магазины и патроны. Медленно, очень медленно, ну да на другое я и не рассчитывал. Для вывода фабрики на действительно приличную мощность понадобится еще около года. Вместе с тем темпы-то всё равно будут постепенно увеличиваться, так что поводов для пессимизма не наблюдается.

Особенно чётко это стало ясно после того, как обстоятельно поговорил со Спенсером. Тот, воспользовавшись выдвинутыми идеями насчёт создания пулемета, используя полученные от меня грубые наброски необходимой для работы

механики, успел кое-что сделать. В смысле не просто чертежи, хотя и они присутствовали, но первое воплощение в металле.

Мда-а... Тот ещё, доложу я вам, уродец получился. Неуклюжий, громоздкий, с грубой нашлапкой магазина на полсотни патронов сверху и неслабой такой рукояткой, вращение которой приводило в действие роторный блок из шести стволов. Про периодические заклинивания патрона и вовсе молчу, чтоб нецензурно не выражаться. Однако прототип он на то и есть прототип, чтобы болеть всеми «детскими болезнями», которые только можно себе представить. Главное было в том, что девайс в принципе способен был плевать пулями в резвом темпе и на относительно приличное расстояние. Остальное поправимо. Поэтому Спенсер получил массу комплиментов в адрес его талантов, неплохую премию и пожелание ускориться в плане устранения недостатков.

Естественно, работу первого в этом мире пулемета наблюдал не я один, но и друзья, все трое, и даже одна из сестер. Мария, конечно. Старшая, Елена, оружием как-то ну совершенно не интересовалась, увлечения у нее были чисто девичьи. В отличие от младшей, к которой стоило прикрепить ярлык «пацанка». Не по внешности даже, а по поведению и интересам. Её вообще мало-мальски сдерживала исключительно эпоха, в которой она жила. Если точнее, то место, которое здесь занимали женщины. Даже образованные, из общества.

А впечатления от опытных стрельб были... Они были, и этим все сказано. Особенно после того, как я рассказал, что именно случится с пехотой, попавшей под такой вот огонь. Тем более если пехота движется в плотных порядках.

– Стрелок за этой «кофемолкой», – вполне логично обозвал Джонни пулемет из-за той самой ручки, которую надо было вращать, – он же уязвим. Большая она, эта машинка, сразу поймут, что опасность представляет и залпом туда!

– Так это первый образец, друг мой, – сразу же ответил я в ответ на логичное замечание. – Потом поставим броневой щиток, что будет защищать стрелка и его помощника. Да и располагать это новое оружие сперва придется в окопе или траншее. Тогда попасть затруднительно будет, да и вражеские пушки не сразу накроют. К тому же лучше перемещать с места на место.

– Да ты, Вик, всё продумал!

– Пока не всё, но стараюсь, Джонни. Сам имел возможность убедиться.

Филипп с Вильямом, не говоря уж о моей сестре, не поняли, почему Джонни сразу широко и искренне заулыбался. А он всего лишь вспомнил то самое ограбление банка, которое имело все шансы стать «ограблением века». Сочетание откровенной наглости, тщательного расчёта и кое-каких фокусов родом из будущего, как ни крути, а дало замечательный результат. Без «честно награбленного» было бы куда сложнее, если не совсем невозможно, реализовывать все

мои немаленькие планы.

Но приложился к пулемету каждый, причем с большим удовольствием. Даже Мария, аж радостно взвизгнувшая, когда массивный монстр раскрутил стволы и начал плевать пулями по мишеням. В общем, пока не расстреляли отведенное для теста количество патронов, не успокоились. И никакие заклинивания патронов помехами не стали. Неполладки устранялись и веселье продолжалось... пока патроны выделенные не закончились.

И было еще одно событие местного, так сказать, значения. Приятное. На волне энтузиазма, поднявшегося после нашего возвращения в Бейнбридж, Сильвия Мак-Грегор все же дождала своего отца насчет свадьбы. Точнее не насчет нее самой, а насчет смещения даты одного события. Разумно аргументировала это тем, что во время явно надвигающейся войны далеко не факт, что её обожаемый Джонни, уже в офицерском звании, не отправится в далекие от этих мест края по военной надобности.

Крыть отцу Сильвии было нечем... разве что матом. Вот он и согласился. А согласившись, начал приготовления, соответствующие значимости события. Мак-Грегоры – известная и влиятельная в Джорджии семья, так что...

Не обошлось и без своего рода «мальчишника», то есть хорошей такой пьянки жениха в компании друзей. Учитывая же, что именно друзей у него было трое – остальные же всего лишь приятели – то неудивительно, что это самое событие

мне ещё долго будет в кошмарах сниться. По причине того, что малопьющего меня все же... уговорили. Не то чтобы много выпил, но с утра все равно было плохо. Второе в жизни похмелье, чтоб ему пусто было. После первого, пойманного в ранне-юношеском возрасте, я если что и пил, то вино и в очень малых дозах. А тут... В общем, желание бросить пить вообще не просто возникло, но и окрепло. И плевать на легкое непонимание окружающих, которое может быть, а может, и вовсе обойдется баз такого нюанса.

Свадьба... Она прошла по высшему разряду. Приглашенные чуть ли не со всего штата, роскошные подарки новобрачным, невеста в восхитительном платье и абсолютно счастливая из-за «сбычи мечт». И слегка ошарашенный жених, лишившийся привычного ему холостого состояния и толком не понимающий, как на это всё реагировать.

Ну а после торжественной церемонии и части застолья, когда новобрачные уже удалились, оставив гостей догуливать... Народ, само собой, стал окончательно разбиваться на небольшие компании. Так всегда происходит, независимо от положения собравшихся гостей в обществе. Люди, они всё же во многом одинаковые.

Отпочковалась и наша тесная компания. Я, Фил с Вильямом, да последнее время старающаяся ходить за нами хвостом Мария. Елена... та осторожно флиртовала с кавалерами, не переходя, впрочем, ей же самой установленные рамки приличий. Как по мне, довольно строгие. И это при том, что

я уже имел с ней откровенный разговор насчет того, что не собираюсь никоим образом ограничивать ее личную жизнь. Главное, чтобы без беременности и хотя бы с мало-мальски подходящими парнями.

Засмушалась, покраснела... И ведь абсолютно искренне это сделала. Оказалось, что пока она об этом и не думала, ожидая того самого «любимого и единственного», с которым и собирается невинности лишаться. Ну-ну. Это уж исключительно по ее выбору. Мне главное было уверить местами наивное и однозначно очаровательное создание, что я никаких препятствий ей ставить не собираюсь. Тем более в плане выбора теоретического жениха. Разве что минимальные рамки, которые считал необходимыми вне зависимости от времени и места бытия. И вообще, странно было бы, поступи я иначе. Моя психология ведь родом из времени на полтора века вперед.

Зато младшенькая, Мария, погревшая уши на этом разговоре, сама мне заявила, что если я позволяю это ее старшей сестре, то и она считает себя вправе воспользоваться разрешением. Не конкретно сейчас, но если будет такое желание. А что тут можно было сказать? Лишь от души рассмеяться и подтвердить, что позволяемое одной сестре верно и в отношении другой.

Забавно. Смущающаяся и ожидающая «единственного» сейчас кружится в танце то с одним, то с другим кавалером. Ну а та, которая с заметными уверенностью и наглостью бук-

важно выхватила такое же разрешение и для себя, им даже и пользоваться пока не собирается. Парадоксы природы человеческой, что тут ещё скажешь.

– Ну что, парни, вот один из нас и женился, – улыбнулся Мак-Грегор, растекшийся по креслу релаксирующей и довольно нетрезвой лужицей. – Причем Джонни, на которого я бы и не поставил. Интересно, кто будет следующим? Может ты, Вик?

– Это вряд ли, – усмехнулся я, лишь услышав подобное предположение. – Во-первых, пока об этом даже не задумывался. Во-вторых, не встречал ещё ни одной девушки, которая бы смогла за душу зацепить. Поэтому, скорее всего, вторым будешь либо ты сам, либо Вильям. Хотя... чтобы впечатлить до состояния женитьбы такого казанову, как ты, это как же постараться девушке придется! Разве что по доисторическому методу, только наоборот.

– Это как?

– Да очень просто, Фил. В древности мужчина хватал женщину, перекидывал через плечо и с ней в хижину или там пещеру. А тут вот найдется какая-нибудь решительная леди, подкрадется сзади да ка-ак даст по голове чем-нибудь тяжелым. После чего поперек седла... и в церковь, к сговорчивому священнику. Теперь понял?

Мак-Грегор попытался было изобразить оскорбленную невинность, но она почти сразу сменилась искренней улыбкой. Шуточка, являющаяся весьма бородатой в моем време-

ни, тут была в новинку. К тому же планов в ближайшее время ограничивать себя оковами брака у него явно не наблюдалось. Разве что отец настоятельно порекомендует начать подыскивать невесту... Тогда Филу и впрямь придется это делать, папаша у него личность довольно суровая.

– Не получится меня по голове, я бегаю быстро, – откровенно Фил даже от шуточной попытки представить его в роли жениха. – Скорее уж Вильяму попадётся какая-нибудь очаровательная мисс с длинной чередой благородных предков и с достойными высшего света манерами. Такие как раз в его стиле.

Однако в точку. Даже более того, в самый центр мишени. Не в смысле пристрастий Степлтона – о них его друзьям было хорошо известно – а в плане того, что Мак-Грегор нечаянно наступил Вилли на большую мозоль. На ту самую, связанную с его неожиданной влюблённостью в губернаторскую жену. Всем стало видно, что Вильям помрачнел, загрустил, к стакану потянулся... Правда суть этой нахлынувшей тоски была известна только мне. Другим я это как-то рассказывать не собирался. Личная жизнь, она на то и личная, чтобы другие о ней не знали. Так что копать против воли в сердечных делах друга... в высшей степени дурной тон.

Филипп толком ничего и не заметил. В отличие от Марии, которая сразу просекла причину грусти друга своего брата. Да и знала она Степлтона не первый год, могла отличить причину плохого настроения.

– А ведь ты в кого-то влюбился, Вилли, – проворковала сестричка. – Точно влюбился... И похоже, твоя обоже тебя либо не замечает, либо замужем. Бедненький!

– Машуль, ну что ты к человеку в душу-то лезешь? – одернул я сестру, которая, пусть и из лучших побуждений, могла сделать всё ещё хуже. – Вилли не мальчик, сам справится. Если же что нужно будет – он сам скажет. Ну а мы, опять же если реально, поможем.

– Сам... справлюсь. Или нет, но тоже сам. Помочь тут не получится.

Эх как он с оставшимся в стакане виски-то разделался. Залпом, даже не поморщившись. Мда, дела. Кому другому, менее искушенному в знакомствах с прекрасной половиной человечества, я бы длительную прогулку по борделям посоветовал. Увы, не тот случай. Вильям Степлтон вниманием женского пола обделен сроду не был. Да и бордели порой посещал, устраивая там серьезные загулы. Благо средства более чем позволяли. Здесь же другое. Тут чувства накатили, а они шлюхами не так чтобы хорошо лечатся. Зато воинскими делами – вполне реально. Думаю, что пара-тройка сражений быстро выбьют из него довольно дурную влюбленность, по сути, в незнакомую красотку. По крайней мере, я сильно на это надеюсь. Очень сильно...

Сразу же после того, как избранный президентом Джефферсон Дэвис поручил губернаторам входящих в Конфедерацию штатов организовать набор ста тысяч добровольцев в формирующуюся армию, начался сам процесс. Надо заметить, что начался он довольно быстро. Каждый относительно крупный город из своих жителей и тех, кто проживал в его окрестностях, формировал свое вооруженное формирование. Как правило, это была, скажем так, рота. Численность, что логично, от полусотни до полутора сотен. Порой, если город был крупным, то рот могло быть больше, чем одна.

Собственно, сделать это было не так и сложно. Городские власти опирались на старую милиционную организацию, только перекраивалось всё на новый лад. Как только известие о создании «роты» разносилось по городу и окрестностям, начинали стекаться добровольцы, возрастом, как правило, от немногим менее двадцати до сорока с лишним лет от роду. Приходили со своим оружием, которое было... разным. Порой таким, от которого хотелось плакать и смеяться одновременно. Его бы в музей выставлять, а они... Зато имелось искреннее желание воевать, этого не отнять.

Если есть добровольцы и создаваемое из них подразделение, то должен был быть и командир. Что самое забавное, в

большинстве случаев он... избирался самими добровольцами. Хотя надо признать, что выбирали они обычно кого-то из ветеранов войны, особенно если он был в офицерских чинах. Ну или недавнего выпускника Вест-Пойнта, этой военной академии. Хотя выпускников было куда меньше, чем офицерских должностей. На порядок меньше, а то и больше.

Но это был лишь первый этап. После формирования рот, выбора ими названий и командира, им следовал приказ двигаться в учебный лагерь. Как правило, их было по два, максимум три на штат. И вот там начиналось самое «весёлое».

Моей роты это все прямо не касалось, однако, согласно формальностям, я все же должен был проскользнуть по этим стадиям. Поэтому и отметил в одном из таких учебных лагерей, появившись там вместе со всеми тремя офицерами. Других, признаться, я еще не подобрал. Доктор наш покамест без погон щеголял. Пусть пообтешется, себя проявит. А нужно было хотя бы еще двух, лучше даже трех, причем Шмидт в это число не входил, он – дело отдельное. Пусть местные роты и не чета мне привычным, для них трех офицеров, что называется, «за глаза», но у меня иные понятия. Да и численность местных рот поменьше привычной, «Дикая стая» на их фоне была явным переростком. Плюс ко всему, абы кого назначать не хотелось, нужны были специалисты в военном деле, а не выдвиженцы из числа моих наёмников. Ну да это еще терпело. Пока, но время уже поджимало. Подполковник, явно разменявший свой пятый десяток,

командующий учебным лагерем, сначала пытался изображать скепсис. Однако, стоило представиться, как скепсис сменился несильным, но все же интересом. Без малого две сотни бойцов были внимательно осмотрены, бегло оценены и признаны заслуживающими внимания. Особенно после того, как я вывел их сначала на стрельбище, а потом продемонстрировал, что тактике на минимальном уровне они тоже обучены. Пусть непривычной для старого вояки, привыкшего к тем самым «плотным построениям пехоты», но всё же именно тактики. Да и ореол «победителя при Чарльстоне», он давал некоторые преимущества.

В общем, как и ожидалось, смотр роты «Дикая стая» был по большому счёту формальностью. Особенно учитывая тот факт, что она уже существовала и была официально признанным подразделением армии Конфедерации. Причем рота «Дикая стая» являлась отдельным подразделением и могла придаваться тому или иному полку для выполнения какой-либо задачи, но не более того. Не удивлюсь, если губернатор Пикенс тоже понимал, что ротой дело не ограничится, что у меня куда более серьёзные планы.

Другие же роты... Их прямо в учебном лагере сводили в полки. Командиры рот выбирали полковое начальство, после чего начиналась муштра. В нормальном значении этого слова, поскольку о дисциплине и азах тактики мало кто имел хоть какое-то представление. Зато у меня появилась возможность полюбоваться на то, как тут дрессируют другие под-

разделения. Наблюдал я за этим всего несколько часов, но мне хватило.

И ведь не придерёшься, гоняли их в хвост и гриву по совершенно заслуженному поводу. А в ответ неслись стоны, крики, ругательства... Не привыкли добровольцы к серьёзным нагрузкам, а на офицеров-инструкторов смотрели, словно голодные волки на добычу. Я не удивился, когда командующий лагерем подполковник сказал мне, что никто из инструкторов не будет командовать теми, кого они обучают. Слишком уж сильна неприязнь к ним, порой переходящая в откровенную ненависть.

Разумеется, я не мог не спросить, что будут делать эти нужные для армии люди чуть позже, когда через них пройдёт вот это море новобранцев. Ответ был прост и понятен. Их планировали влить на командные должности в другие подразделения, которые обучаются в иных лагерях. Это и в самом деле был лучший вариант.

По результату нашего визита в учебный лагерь, рота окончательно была встроена в механизм армии КША, причём на весьма хороших условиях. Оставалось лишь дожидаться собственно начала полноценных боевых действий. Ведь в настоящий момент их как таковых... не было. Да что там, до своей инаугурации Линкольн даже не имел права объявить набор добровольцев уже в армию Севера. Не имел, но неофициально он таки да, проводился. Но неофициально – это всё же немного не то.

А Бьюкенен... Он, по своей обычной нерешительности, продолжал тянуть резину, ограничиваясь полумерами. Какими именно? Ну, помимо чисто словесных, он старался стянуть в единый кулак имеющиеся кадровые части армии, равно как и официальные военизированные формирования.

Печальное явление, ага! Особенно учитывая размер кадровой армии. Около пятнадцати тысяч, то есть двенадцать пехотных полков и по четыре кавалерийских и артиллерийских. А ведь стоило учитывать то, что немалая часть их состава предпочла «сделать ноги», присоединяясь к образующейся армии Конфедерации.

Эх-х! Вот если бы Дэвис решился на превентивный удар! Воспользовавшись выигрышем по времени, можно было ударить с такой силой, что Север был бы если и не повержен сразу, то получил бы хороший такой нокдаун, от которого бы долго отходил. Тем самым предоставив Конфедерации резерв времени для занятия выгодных территорий. Но нет, местная патриархальность в данном случае играла против Юга. И это было печально.

Значит, март. Именно март, потому как инаугурация Линкольна назначена на четвёртое число. Всё согласно букве закона. Не удивлюсь, если на следующий же день будет объявлен призыв добровольцев тоже эдак тысяч на сто или поболее. Затем хотя бы минимальное обучение новобранцев. Не думаю, что больше месяца, скорее обойдутся парой-тройкой недель, после чего бросят «мясо» на поле боя, стремясь

решить дело одним ударом. По крайней мере, в привычной мне истории они сделали именно так. Да и теперь люди-то те же самые. Мотивация практически не изменилась. Разве что они ещё более обозлённые по причине оскорбительного для них щелчка по носу.

Повлиять на командование мне пока никоим образом не под силу. Кстати о командовании. Знаменитый в мое время Роберт Ли, чуть ли не самый известный военачальник Конфедерации, пока еще даже не был призван на службу. О его местоположении я тем паче ничего не знал. Сейчас наиболее значимую роль играли такие военачальники, как генералы Пьер Борегар и Джозеф Джонстон. Последний хоть и был родом из Виргинии, которая пока еще находилась в подвешенном состоянии, вроде поддерживая Юг, но официально не выходя из состава США, но уже склонился на сторону Конфедерации. А сделав выбор, покинул армию США и присягнул Конфедерации. Ну а про Борегара и говорить нечего, он с самого первого дня был готов служить хоть простым солдатом, но лишь бы против янки.

Впрочем, это генералы, а я всего лишь капитан. Пока капитан. Зато с некоторой свободой действий. Следовательно, стоило хорошенько призадуматься, куда именно северяне нанесут свой первый удар. Им очень нужна была хотя бы символическая, но всё же победа. Чтобы хоть как-то сгладить унижительную оплеуху, полученную в Чарльстоне.

Очевидно, что точка, к которой они попробуют прило-

жить силы, будет... Ясно, что где-то в штатах, которые склоняются к Конфедерации. Время? Вскоре после того, как тот или иной штат присоединится к КША. Так что остается внимательно следить и быть готовым выступить в направлении, которое покажется наиболее подозрительным. А для этого придётся еще раз поговорить с одной влиятельной персоной, которая мне... не то чтобы благоволит, а скорее видит свою выгоду в дальнейшем сотрудничестве. Да и выходы на военного министра Лероя Пола Уокера имеет. Как-никак губернатор, оно и неудивительно.

Глава 11

*КША, штат Виргиния, Александрия,
апрель 1861 года*

Ну вот и всё, она началась. Она – это активная фаза войны. Ведь десятого марта, спустя несколько дней после инаугурации, теперь уже полноправный президент США Авраам Линкольн издал прокламацию о наборе ста пятидесяти тысяч добровольцев в армию США. В этой, уже изменившейся реальности, он не стал скромничать, сразу желая получить серьезную армию, способную, по его мнению, силой загнать южные штаты обратно и уж точно не допустить выхода доселе не сделавших этого.

Реакция последовала довольно быстро. Сначала Виргиния, а затем, с промежутком в несколько дней, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас дружно послали Линкольна куда подальше и объявили о выходе из состава США. Не последнюю роль сыграло и то, что Линкольн предъявил требования к губернаторам этих штатов также осуществить набор добровольцев в немалом размере. Неудивительно, что реакция последовала незамедлительная, пусть и не та, на которую тот рассчитывал. Губернаторы рабовладельческих штатов хорошо понимали, что эти набранные войска будут доставлять неприятности им же в первую очередь. Так что...

всё было более чем логично.

Однако существовал нюанс, на который следовало обратить пристальное внимание. При объявлении о выходе из состава США примерно треть представителей штата Виргиния была против этого. Существенный нюанс, особенно если учитывать их географическую обособленность, «сдвинутость» на запад в географическом смысле. И они как раз твёрдо намеревались остаться в составе США, отколовшись от Виргинии.

От Виргинии... Штат уж больно интересный с географической точки зрения. Основная его особенность была в том, что он почти вплотную примыкал к Федеральному округу Колумбия, где и располагалась столица, город Вашингтон. Десяток километров – это, извините, даже не смешно. Всем было понятно, что допусти Линкольн такое, то получит «столицу на ногте мизинца» со стратегической точки зрения. Один удачный удар и всё, сушите сухари. Поэтому он и его военачальники просто обязаны были как-то реагировать на подобные новости.

Как именно? Необходимый минимум – перейти реку Потомак и занять хотя бы часть территории по эту её сторону, включая несколько городов, которые удобно использовать как базы, опорные пункты для войск. Арлингтон и тем паче Александрию – непременно. Да и другие, но уже во вторую очередь, опираясь на эти два города. Так удобнее и эффективнее во всех отношениях. Иначе... всё будет очень пе-

чально для янки.

Так что интересующая меня «точка приложения сил» была найдена. Оставалось лишь оказаться там в нужное время, при этом ещё и глупо не подставившись. И тут помогло удачное стечение обстоятельств. Не случайное, а то, к достижению которого были приложены определённые усилия.

Флот. Именно его отсутствие у Конфедерации и желание бригадного генерала Пьера Борегара исправить это опасное для КША стечение обстоятельств и свело нас в одной точке времени и пространства. В столице штата Южная Каролина, в присутствии губернатора Пикенса и его очаровательной жены. Казалось бы, при чем тут они? А ведь на самом деле все просто.

Генерал Борегар почти сразу после получения им от Конфедерации сего высокого звания, буквально затерроризировал президента Джефферсона Дэвиса насчет необходимости скорейшим образом обзавестись флотом, способным хоть как-то противостоять тому, что имелся у Севера. Даже сумел вытащить на свет божий одну очень интересную информацию. Компания «Фрейзер, Тренхольм и К^о», занимающаяся выгодной перепродажей всего и вся, причем в крупных объёмах, должна была получить с десятков военных кораблей Британской Ост-Индской компании. Распродажа имущества, ведь после подавления восстания сипаев сия структура приказала долго жить. А имущество-то хорошее! Все корабли паровые, причём четыре из них имели железный

корпус, что ставило их на голову выше остальных шести, деревянных. Соответствующее вооружение, небольшой износ машин... В общем, хоть и секонд-хэнд, но вполне приличный. Главное же, способный создать начальный противовес имеющемуся у северян флоту.

И что бы вы думали, какая реакция была у президента Дэвиса? Ноль, дырка от бублика! Дескать, не видит он смысла тратить довольно большие деньги на сомнительную авантюру с покупкой подержанного хлама. Флот сейчас не так важен и вообще, если надо, сами построим. Ага, на двух верфях с не такой уж большой производительностью!

В общем, Пьер Борегар, шипя и плюясь ядом в адрес дуболома на президентском посту, удалился. Но шипел он так громко, что ни для кого не остался тайным этот разговор и последовавшая за ним склока. В том числе и для губернатора Пикенса. Вот тут-то его проняло всерьез. Вспомнил о нашем с ним разговоре и заново оценил его значимость. Всё же какой-то там капитан Станич, пусть и с перспективами – это одно. Зато аж целый генерал, чуть не самый сейчас авторитетный в Конфедерации – это уже совсем другой расклад. А тут ещё мои прямые намёки на то, что готов поучаствовать в создании флота финансово, плюс возникшее у Люси Пикенс сразу после начала войны намерение пожертвовать немалой ценой драгоценности, в том числе подаренные императором Александром II, скупостью сроду не отличавшимся, на благо победы Юга. Всё вместе сложилось в очень цельную и при-

влекательную для губернатора картину.

Капитал политический, если с его помощью удастся создать зародыш флота Конфедерации. Капитал материальный, ведь имея флот, можно не столь сильно опасаться действительно полноценной блокады. Да и установление действительно хороших отношений с генералом Борегаром – тоже не пустяк. Вот итогом губернаторских раздумий и стала та самая встреча, где присутствовали губернатор с женой, генерал Борегар, ну и моя не слишком-то скромная персона.

К чести своей, Пикенс не стал скрывать, что первоначальная идея была предложена мной, хотя и в несколько теоретическом виде. Зато желание оказать помощь пусть и не столь большими, но деньгами – это уже не теория, а практика. Люси Пикенс подтвердила свое намерение пожертвовать на создание флота немалую сумму. Ну и сам губернатор, что логично, обладал возможностью на официальных основаниях запустить руку в финансы Южной Каролины. Цель? Обеспечение безопасности торговли, против такой формулировки мало кто мог бы возразить.

Генералу же нужно было заняться иным аспектом, не финансовым. Люди. Ведь без матросов и командующих ими морских офицеров флот не флот, а всего лишь стальные – ну или деревянные – коробки, ни на что не пригодные. В общем, Борегар должен был собрать в кратчайшие сроки костяк для команд судов, которые планировалось купить у «Фрейзер, Тренхольм и К^о». А собрав, обеспечить их от-

правку в Европу, чтобы они приняли покупаемые корабли. Не вместе отправить, а несколькими группами, чтобы избежать «неизбежных на море случайностей» со всеми вместе.

Уговаривать генерала армии КША не пришлось. Совсем не пришлось, он подхватил идею сразу и пообещал, что сделает и всё возможное, и в максимально сжатые сроки.

На душе стало... поспокойнее. Будет хоть какой-то флот, появится выигрыш по времени. Тогда блокада не установится сразу, да и будет она весьма дырявая. Одно дело, когда у блокируемых «флота нет ва-аще», и другое, когда «есть хоть какой-то флот». А там и верфи должны заработать.

Ну а для меня такая вот встреча с Пьером Борегаром позволила высказать ему кое-какие идеи, которые хотелось бы осуществить. В частности, относительно применения своей роты в качестве не просто отдельного подразделения, а подразделения, способного действовать в отрыве от основных сил. В общем. «рейнджерская тактика» в стиле налетел, больно укусил, быстро отступил, если нет возможности быстро и с гарантией разгромить противостоящие силы противника.

Козырная карта для воздействия на вышестоящее начальство у меня имелась. Та самая победа при Чарльстоне, одержанная как раз одним, но очень неожиданным для противника ударом. Вот и доказательство эффективности избранной тактики ведения боя, от него просто так не отмахнёшься.

Вот Борегар и не отмахивался, хотя подобное ведение боя

ему, как джентльмену и дворянину с богатой родословной – полное имя его было Пьер Гюстав Тутан де Борегар – пришлось не слишком по душе. Зато необходимость понимал. И сам готов был использовать.

Возможную опасность вторжения северян в Виргинию для обеспечения безопасности Вашингтона он вроде бы и принимал, но как нечто больше теоретическое. И почему-то был уверен, что в том не будет особой проблемы. И уж точно не собирался выдвигать туда сколь-либо значимые отряды. Правда, и к моему намерению проследить за творящимся там отнесся с пониманием, признавая полезность подобного. И на том спасибо. Теперь у меня имелся вполне конкретный приказ от вышестоящего начальства. Причем такого начальства, которому мало кто, в свою очередь, приказать в состоянии.

Так что... рота «Дикая стая» отправлялась в Виргинию, причем поближе к границе с Федеральным округом Колумбия. Думаю, что немного времени в запасе у нас всё же имелось. Откуда такая уверенность? Да просто Виргиния хоть и вышла из состава США, но официальный документ об этом еще не был готов. Но будет готов буквально на днях. А там, в Вашингтоне, все еще надеются, что удастся воздействовать на ситуацию, оставив за собой не только западные территории штата, а всю Виргинию целиком.

Нет, не удастся. Я в этом даже не сомневался, а потому и двигался вместе со своей ротой на максимальной скорости.

На сей раз не по железной дороге, ситуация не та. На лошадях. Ведь лошади при нынешних временах лучший способ быстро и надёжно отступить с поля боя. А подобное было не то что вероятным, а наиболее реальным исходом всей моей затеи.

Зачем тогда весь этот рейд к городам близ реки Потомак и рядом с Федеральным округом Колумбия? Ответ прост. Нельзя было давать северянам ощущение уверенности в собственных силах, в том, что они могут вот так просто взять и хапнуть кусок не принадлежащей им территории. Психологический фактор, он в войне играет очень важную роль. Здесь об этом ещё не особенно задумываются, а вот потом начнут в полной мере осознавать влияние морали войск на исход тех или иных сражений и исхода войны в целом. Ну а я... Я знаю уже сейчас и хочу использовать к выгоде выбранной мною стороны.

* * *

Александрия... Никогда не понимал склонность американцев называть многие свои города теми же именами, которые носили или все ещё носят города другие. Не в пример более великие и с многовековой историей. Право слово, просто пакостная насмешка какая-то! Ну разве можно сравнить великий город, основанный самим Александром Македонским, ставший столицей Египта времен династии Птоле-

меев, служивший центром науки, искусств, бывший родиной великих людей, которых мир до сих пор помнить и помнить будет и... вот это.

Там – были великий маяк, не менее великая библиотека, пусть и не дошедшие до наших дней. Зато сохранились мрачные и величественные катакомбы Ком-эль-Шукафа – многоуровневый лабиринт, к которому ведет спиральная лестница. Сама по себе достойная объявлением ее новым «чудом света». Правда... это чудо откроют в начале XX века, но суть-то не в этом. Американская Александрия – всего лишь довольно убогий городишко, ничем не славный и не примечательный в сравнении с Александрией истинной, первоначальной и ещё существующей. В общем – обычная и ничем не обоснованная мания величия, свойственная местным. Тьфу на них.

Но именно этот небольшой город со стратегической точки зрения имел большое значение. Потому мы и здесь. Мы – это полторы сотни бойцов. Не две, потому как малую часть пришлось всё же оставить. Тех, которые ещё не до конца были готовы в плане боевой подготовки или же совсем плохо держались в седле. Лишние потери мне были не нужны.

Прибыв в Ричмонд, столицу штата, удалось почти без временных затрат узнать, что официальное объявление о выходе из состава США – не де-факто, а уже де-юре – произойдет через три дня, двадцатого апреля одна тысяча восемьсот шестьдесят первого года. А это означало, что нам надо было

торопиться. Ведь на месте вражеских военачальников я, если уж не было приказа перейти Потомак до объявления Виргинией о выходе из США, сделал бы это сразу после такого события. Незамедлительно. Рассчитывать же на нерасторопность или глупость врага – изначально порочный путь. Может сработать раз, другой, но потом ты сам неизбежно окажешься в дураках. Нет уж, пусть лучше вражеские промахи всегда будут приятными сюрпризами, но никак не тем, на основании чего можно строить далеко идущие планы.

Смена изрядно вымотавшихся лошадей – спасибо вам, генерал Борегар, за отданный официальный приказ и возможность использовать ресурсы местных властей – после чего продолжение выматывающей тело скачки в направлении Александрии.

Успели. В город мы въехали девятнадцатого числа, во второй половине дня. Изрядно, кстати, удивив местное население. Они, к моему глубокому офигению, пребывали в таком глубоко расслабленном состоянии. У меня складывалось искреннее впечатление, что местные даже не думали о том, что на днях их вполне могут того, мало-мало завоевать. И это при том, что Конфедерацию тут поддерживали многие, несмотря на близость к Вашингтону. Хотя поддержка поддержке рознь. Тут она была больше на словах, а вот оказывать её с оружием в руках, да по собственной инициативе... Этого я не замечал. Почти не замечал.

Впрочем, на подарки судьбы я старался не рассчитывать,

хотя всегда готов был с благодарностью их принять. Не мешают местные – и то радость. За Потомак свалить не пытаются, дабы предупредить «федералов» – тем более радуется. Кстати, конные патрули вдоль Потомака я всё равно выслал, равно как и по ведущим в город дорогам. Лучше было подстраховаться, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно отбитые яйца. Пусть оно и в переносном смысле, равно как и боль, но от того не особо легче будет.

На эти действия я с болью в сердце оторвал три десятка бойцов. Остальным же предстояло сделать то небольшое, что было в наших силах, а именно как следует затруднить федеральным войскам высадку на этом берегу реки.

Почему я считал, что высадка произойдёт именно в Александрии? Да просто очень уж хорошая тут пристань, к такой большим пароходам причаливать самое то. Разумеется, в том случае, если на северный берег реки не перелетит слух о появлении в Александрии войск Конфедерации. Так что на телеграфе с самого нашего прибытия в город постоянно находились двое-трое моих бойцов. Для того, чтобы заблокировать передачу телеграмм частными лицами. Секретность, однако. И плевать мне на лёгкое ворчание некоторых местных, которые именно сейчас вознамерились послать кому-то телеграммы. Может, это и безобидные послания. А может, и совсем наоборот! Проверять как-то не хотелось, равно как и рисковать.

Следующим действием, после рассылки патрулей и взя-

тия под контроль телеграфа, стал поиск всего, что может взрываться. Проще говоря, имеющегося в пределах города пороха. Было его, надо сказать, не так чтобы очень много. Однако и то хлеб, учитывая то, что у нас самих тоже был определенный запас взрывчатки. Для произведения нормальных таких, полноценных взрывов. Равно как и средства для проведения этих самых взрывов в дистанционном варианте. Как-никак электродетонация при помощи проводов и машинок, основанных на гальванических батареях, была известна аж с десятых годов XIX века, а в не так давно закончившейся Крымской войне уже весьма широко использовалась. Особенно моей родной страной, Российской империей.

Подрывная машинка имелась, запас проводов тоже. Взрывчатка... Хотелось бы большего, но и уже имеющегося было достаточно для устройства «большого бума». Так что организовать классические «фугасы на дороге» было делом довольно простым. Хотя... не совсем классические. Сам по себе порох или иная взрывчатка этого времени обладают невеликой убойной силой. Зато если к взрывчатому веществу добавить «начинку» в виде гвоздей и прочего малогабаритного железа, то убойная мощь становится куда солиднее.

Места расположения фугасов? Пристань как основная цель и ведущие в город основные дороги как вспомогательные. При таком раскладе с какой стороны ни сунутся, всё равно нехило огребут. Ну а что до конкретных мест, то ко-

пать ямы под заряды, проводить провода, а после этого хорошенько маскировать будут исключительно солдаты моей роты. Местным я такое точно не доверю.

К слову, относительно местных. На всякий случай несколько бойцов из числа тех, у кого голос соответствующий, проехали по улицам Александрии и проорали то, что я хотел донести до жителей города. Во-первых, что прибывшие в Александрию войска КША будут рады, если к ним присоединятся местные добровольцы. Во-вторых, пристань и её окрестности вплоть до особого распоряжения объявляются «свободной от присутствия гражданских лиц территорией». В-третьих, в течение нескольких дней покидать город строго воспрещается. Попытка же пересечь Потомак будет считаться попыткой перейти на сторону «федералов» и караться согласно с реалиями военного времени.

Лично я был уверен, что таковые найдутся. Но одно дело отстреливать таких красавцев просто так, а совсем другое, если предварительно предупредить о грядущей судьбе таких вот доброхотов Севера. И вообще, я им не местные малорешительные представители власти, да и понятие «достойного для джентльмена» у меня гораздо шире. Что до наёмников-ирландцев, ставших солдатами Конфедерации, но жалование продолжающих получать от меня, так тем вообще по барабану, с какой степенью жёсткости будет идти война. Ну а насчет кого-то пристрелить... этим они уж точно заморачиваться не собираются. Потомки кельтов, больше тут и ска-

зять нечего.

Места были выбраны, земляные и последующие за ними маскировочные работы начались. Участвовать в них лично не было никакого резона. Разве что потом, чтобы проверить, все ли правильно сделано и не вызывает ли получившееся подозрений.

Можно было и отдохнуть. Не в полном смысле, конечно, а так, немного расслабиться, хотя и держа руку на пульсе происходящего. Тем более что дело уже к вечеру, сумерки на дворе. Однако сумерки там или нет, а патрули по границам города и вдоль реки были усилены. И если насчет пытающихся покинуть город был приказ сначала пытаться остановить по-хорошему, то насчет желающих переправиться на ту сторону реки приказ был однозначным – стрельба на поражение. Впрочем, по возможности, взять хоть одного живым и разговорпригодным.

Ну вот, подчиненные озадачены. Часть из них в патрулях, другая часть отсыпается, после чего пересменка и так далее... Я же могу одновременно и отдохнуть, и обсудить кое-что со своими друзьями, они же офицеры роты. Предварительно, конечно, озаботившись тем, чтобы нас никто не подслушал. Благо это сделать довольно просто – занять весь этаж в единственной действительно нормальной гостинице города. Точнее, не весь этаж, а его крыло. И выставить караульных, само собой разумеется, которые должны заворачивать любого любопытного куда подальше, пусть и с макси-

мальной вежливостью.

– Значит пристань, Вик? – неспешно прохаживающийся взад-вперед Джонни был несколько взвинчен, но это так, обычный для него мандраж перед делом. Примерно то же самое наблюдалось перед ограблением банка, так что волноваться не стоило. – Я тебя знаю, фугасы на дорогах ты закопал только чтобы исключить случайности.

– Пристань тут удобная, – усмехнулся я. И, предупреждая возможные возражения того же Степлтона, добавил: – А ещё завтра, прямо с утра, вывесим большие такие, издалека видные флаги Конфедерации. Такие, чтобы с того берега Потомака хорошо видно было, пусть и через подзорную трубу. Подсыплем под хвост Линкольну и его своре молотого перца.

– Провоцируешь на действия. Умно.

– Ну а как иначе-то, а, Вилли! Знамена Конфедерации в десятке километров от Вашингтона – это угроза. Её, угрозу эту, надо будет срочно парировать. А зная невеликие воинские таланты линкольновских выдвиженцев, вероятнее всего будет предположить, что они всей оравой на одном или нескольких пароходах сюда и приплывут. Пристань же тут и впрямь удобная, сами всё видели.

Степлтон, развалившийся в кресле со стаканом в одной руке и сигарой в другой, кивнул, принимая объяснения. А вот Филипп нервничал, стоя у окна и смотря куда-то вдаль. Это было заметно всем, не только мне.

– О чем так переживаешь-то, Фил? – не выдержал Джон-

ни. — Бой, он ведь такой, не сильно по существу отличается от того, что мы делали, будучи в «патруле». Риск головы лишиться и там, и там есть. Только людей и у нас, и у врагов куда больше. Вот и всё, как по мне. Да и людей ты уже убивал, я сам видел.

Мак-Грегор тяжело вздохнул, поворачиваясь к окну задом, а к нам, соответственно, фасадом.

— Фугасы эти пороховые, которые Вик задумал закопать и взорвать в нужный момент. Оно... Джентльмены так не воюют.

Джонни лишь сдавленно фыркнул, не слишком успешно подавляя смешок. Степлтон, уже успевший поговорить со мной на эту тему, лишь печально улыбнулся. Ну а отвечать на сей «крик души» ожидаемо пришлось именно мне.

— А как, по-твоему, воюют джентльмены, Фил? — кривя губы в саркастической усмешке, спросил я. И тут же, не делая паузы, сам ответил на вопрос: — В чистом поле. В классических боевых порядках, как будто вернулось время рыцарских турниров и всего такого прочего. Так я тебя разочарую, друг мой. Даже в те времена имеющие преимущества не стеснялись ими пользоваться. Английские «длинные луки», тогда оружие страшно неблагородное, изрядно проредали французскую рыцарскую конницу во время Кресси и Пуатье. Затем были арбалеты, которые тоже клеймили, затем первое огнестрельное оружие...

— Но то ведь оружие!

– И это оружие. Как пороховые заряды, которыми подрывали стены вражеских крепостей, перед этим тихо и неслышно подкапываясь под них. Нет уж, Филипп, на войне хорош как любой вид оружия, так и любой хитрый тактический прием. А наши пороховые фугасы... Скажи, ну чем они хуже того же «чеснока»? Ну тех простейших кузнечных поде-лок, которые разбрасывали по полю и которые останавливали лихую кавалерийскую атаку.

Потупился, смотрит в пол, потому как доводов не находится. Понимаю, тяжело. Но у меня ещё не всё высказано. Надо продолжать, чтобы больше у Мак-Грегора подобных мыслей не возникало.

– Ты же знаешь, Фил, что северян банально больше. Намного больше. И воевать с ними, как ты выразился, «как по-добает джентльменам» – верный путь к поражению. А оно, поражение, обрушит весь мир, который нам привычен и до-рог. Для примера возьмём именно нашу ситуацию и рассмот-рим ее «от и до». Давай представим себе с нашей стороны ту самую «джентльменскую войну». Дадим мы высадиться прибывшим сюда федеральным войскам, после чего ровны-ми рядами пойдем на них в атаку, стреляя из своих винтовок. Рота против полка, а то и двух, которые, как я думаю, долж-ны высадиться в первую очередь. Какой будет результат?

– Раздавят нас с хрустом и треском, – сказал как отплю-нулся Джонни. – И живыми мало кто уйти сумеет.

– Вот именно. Так что подумай еще разок. Как следует по-

думай, стоит ли относиться к врагам «истинно по-джентльменски».

Кажется, и до Мак-Грегора начало доходить. Искренне надеюсь, потому как проблемы внутренние мне уж точно не требуются. И вообще, Филу сейчас лучше всего банально напиться, после чего проспать и потом быть по уши загруженным разного рода ротными хлопотами. Решено, так и сделаем. Щелчком пальцев привлекаю внимание Джонни и выразительно смотрю на бутылку, а потом на поникшего Фила. Дескать, действуй. Ну, Джонни парень понятливый, сразу понимает суть. Так что... Накачает его под завязку, тут я даже не сомневаюсь. Мне же лучше пока выйти из комнаты, пройтись. Потом и самому поспать. Долго ведь все равно отдохнуть не дадут. Сомневаться не приходится.

Глава 12

*КША, штат Виргиния, Александрия,
апрель 1861 года*

Напророчил! Выспаться действительно не получилось. Точнее не дали. Когда в дверь замолотили кулаком, я первым делом схватился за пистолет, но голос О'Рурка, ставшего кем-то вроде ординарца, мгновенно снял вспышку подозрительности. Просто срочно требовалось моё присутствие в связи с поступившими новостями.

А вторым делом я посмотрел на часы. Самое начало пятого... Изверги! Поспать как следует так и не получилось. Однако, если уж карта легла, то ничего не поделаешь. Никто не обещал, что будет легко. Быстренько приведя себя в порядок, я вышел из номера и, сопровождаемый О'Рурком, спустился на первый этаж гостиницы. Именно туда и принесли, хм, тело. Живое и жалобно скулящее тело, принадлежащее одному из здешних рабов.

– Докладывайте...

– Мы берег реки патрулировали, – вытянувшись во фрунт, начал доклад сержант Дональд О'Ши, парень довольно смышленный, за что, собственно, это звание и получил. – А тут шорох, тень какая-то проскользнула. И туда, где должны были лодки стоять.

– Должны были?

– Раньше стояли, – поправился сержант. – Мы их, как вы, капитан, и приказали, все в одно место перегнали. Но эти, которые туда шмыгнули, того знать не могли. Лодку не нашли. Стали что-то вроде плота из досок вязать. Вот мы их там и поймали. Они бежать попытались. Двоих застрелили, а этот живой. Нogu прострелили, потом перевязали. И у них деньги нашли. Серебряные доллары, у рабов столько быть не может. А орет он так, жалость вызвать пробует. Может, ему по зубам?

– Благодарю, сержант. Хорошо службу несете. Этого оставляете тут, а сами... Отдыхать идите, вас сменят. О'Рурк, проследи.

Ну что, вот и попытка донести информацию до «федералов». Чего-то подобного я и ожидал, потому и подстраховался, усилив патрули. Не зря, значит, старался. Теперь остается лишь выпотрошить вот этого субъекта.

– Лейтенанта Смита разбудить и сюда его. Срочно!

Один из бойцов на всех парах унесся в сторону занимаемого Джонни номера. Ну а этот... Поганить гостиничный холл нет никакого желания, поэтому...

– Тут, насколько я помню, есть и подвальные помещения? – Дождавшись положительного ответа, я продолжил: – Вот и хорошо. Тогда в то, где всякий старый хлам лежит, тащите это явление. И пасть ему заткните наконец, вопли откровенно раздражают!

Ну вот. Стало куда как тише. И спокойнее. Я же раскурил тонкую сигарку и стал ждать, пока сюда спустится Джонни, наверняка столь же раздраженный внезапной побудкой.

Ждать долго не пришлось, пару минут, не более того. А вот насчет настроения друга я не угадал. Джонни был бодр и весел, словно его и не будили. На не прозвучавший, но легко читавшийся по моему лицу вопрос он ответил:

– Жизнь научила быстро просыпаться и мгновенно в бодрое состояние приходить. Иначе...

– Понимаю.

– А у нас тут, как я понял из слов разбудившего меня, негра поймали. И не простого, а захотевшего с друзьями на тот берег перебраться.

– Именно. И мне очень хочется узнать, кто его на это надутил.

– Думаешь?

– А то как же, – хмыкнул я. – У самих у них мозгов бы не хватило. Они не более чем инструмент. Мне же нужен мозг. Вот его имя нам вскорости и расскажут. Иначе... ну, ты меня понимаешь.

– Понимаю. Можем сами заняться, может, нашего доктора, клятвой Гиппократата не особо обремененного, позвать. Пошли?

– В подвал. Иди за мной.

Подвал как подвал. Всякий явно списанный хлам: старые кровати, стулья, какая-то утварь, прочее... Вот на один та-

кой отчаянно скрипящий стул посадили негра-бегунка со связанными за спиной руками. Едва мы вошли, как я приказал вытащить кляп изо рта. Он нам говорящий нужен, а не что-то невнятное мычащий.

– Кто приказал тебе и твоим друзьям перебраться на ту сторону реки? Говори!

– Сам я, масса, сам! Я бежать туда, где не поймать. И Джим с Боб тоже бежать. Через реку бежать. Хотел лодку, лодки нет. А в нас стрелять, я упасть, бояться. Не виноват ни в чем! Я простой негр, ничего не знаю!

– И у простого негра в кармане... – смотрю на горстку серебра, примерно оценивая количество монет и их номинал. – Сорок долларов. И не у одного тебя, а и у тех двоих, которых мои люди пристрелили. Да и всем в городе известно было, что любой, попытавшийся переправиться через реку, будет убит.

– Я не читать...

– Зато слышать в состоянии, – усмехнулся я столь наивной и примитивной попытке выскользнуть. – Об этом по всему городу кричали. Громко, многократно. В общем, дурной ты, черномазый, у тебя всего два пути. Первый – ты всё рассказываешь и тогда возможны определенные варианты. Второй... Я начинаю резать тебя острым ножом на мелкие кусочки, а ты громко вопишь, гадишь под себя и в итоге все равно все рассказываешь.

– Пусть меня вернут хозяину, массе Гордону, я его раб!

Он должен реша-ать...

Интересно, на что этот вот надеется? На то, что тут с ним будут официальщину разводить? Ах да, тут же близость к Вашингтону и даже привычных по Джорджии «патрулей» практически нет. Ну-ну!

Звать доктора Шмидта? Да нет, пожалуй, вроде как сложностей тут не предвидится особых. Рука привычно достает из висящих на поясе ножен хорошо наточенный клинок, между тем как другая берет негра за ухо и отводит в сторону. Потом прикоснуться лезвием и медленно, но без нажима начать движение...

– Я скажу-у! Все скажу! Это масса Николсон, Бернارد Николсон! Он дал денег и обеща-ал!..

Отпускаю ухо, на котором лишь еле заметная царапина, набухающая кровью. Вот и всё воздействие. Минимальное по сути, зато результат налицо. Сейчас негр буквально захлёбывался словами, выдавая весьма ценную информацию об этом самом Николсоне и его приказах. Хотя какой там приказ... Добраться до любого представителя власти на том берегу и передать, что в Александрии находятся войска Конфедерации, как минимум рота, а то и больше. И что они что-то замышляют и перекрыли все пути из города.

Как я и говорил, всё просто. А вот личность мистера Николсона меня сильно интересует. Именно поэтому даю поручение Джонни, как человеку хитрому, пронырливому и умеющему убеждать, выяснить всё об этой личности в кратчай-

ший промежуток времени. Что до негра... Пусть пока снова с заткнутой пастью посидит, а там как следует выпороть и вернуть хозяину. Пусть сам разбирается, что с ним дальше делать.

Сам же я... Поспать толком уже не получится, а вот подремать некоторое количество времени всё ещё реально. А то усталость до конца так и не прошла.

Снова меня разбудили уже в восьмом часу. На сей раз лично Джонни молотил в дверь номера. И не просто так, а уже с выполненным поручением. Зайдя внутрь и с облегчением обрушившись в гостеприимные объятия кресла, мой друг радостно заявил:

– Нашли мы Николсона! И где живет знаем, и кто он такой, и почему всё это сделал. Я даже двух солдат наших, но без формы, отправил к его дому, наблюдать.

– Ну-ка, излагай!

Этого авантюриста и вообще неблизкого к законам человека особо упрашивать не надо. Джонни с удовольствием выдавал узnanную им информацию – нужную, полезную. Ну что тут можно сказать – факт, что у «федералов» были доброжелатели в городе, меня ничуть не удивил. Равно как и то, что эти сторонники были еще и убеждёнными аболиционистами. Только до сего дня они вели себя мирно, тихо, спокойно, не пытаясь устраивать никаких фокусов. Хотя негры бегали, особенно последнее время. Но черт с ними, с неграми, они меня нисколько не волновали. Сейчас Николсон со

товарищи вляпались в куда более серьезную проблему – шпионаж в пользу федеральных войск. Иначе расценивать совершенное было просто нереально. Следовательно, реакция должна быть соответствующей. Что ж, начнем.

– Два десятка человек к дому Николсона. Оцепить, да чтобы мышь не проскользнула. Попробуем взять его тихо. Но не шпионами едиными... Флаги Конфедерации вывесить. Да и про плакат на пристани тоже не забыть. Большой, издалека видный, с понятной надписью.

– Это какой? – искренне удивился Джонни.

– Простой. «Солдатам и офицерам армии США сходить на берег запрещено. Нарушители будут отвечать согласно законам войны». Всё.

– Посмеются.

– Перед смертью своих пусть хоть обхохочутся. Это лишь для того, чтобы нас в очередном «коварстве» обвинять не вздумали. А так... Мы ведь заранее честно предупредили.

– Сделаем. А что со шпионом-то?

– Известно что. Их принято вешать. Но поскольку я считаю, что это крайне... неэстетичная процедура, то к ближайшей стенке и залп в нескольких винтовок. Быстрее и гуманнее, чем заставлять в петле болтаться.

– А если...

– Не-ет, нам не соврали. Когда у него вот-вот ухо должно отвалиться, он с ним одним целым остаться хотел. Такой страх и такую искренность ни с чем не спутаешь. Сам

понимать должен.

– И то верно, Вик. Ну, я тогда пошёл.

– Иди. И поосторожнее там, мало ли что.

Джонни лишь отмахнулся. Оно и понятно, два десятка солдат это не абы что, а серьёзный аргумент. И пошёл выполнять указания. Да и мне следовало начинать включаться в работу. День сегодня может быть как спокойный, так и не очень. Всё зависит исключительно от скорости реакции на том берегу на флаги Конфедерации над Александрией, да еще на известие об официальном выходе Виргинии из США. А оно должно прийти именно сегодня.

Пока же стоило проинспектировать все места, где были заложены пороховые фугасы. На предмет уровня маскировки. Этим я и занялся, в качестве компании взяв Степлтона и еще десяток бойцов. Первого для собственно помощи в осмотре. Вторых для гарантированной безопасности. Не люблю бесцельного риска.

Ну что тут можно было сказать? Сделано хорошо. Все закладки порадовали, две на пристани особенно. Одна совсем рядом, которая должна была подорвать тех, кто будет рядом с пароходом или пароходами. Вторая чуть дальше, у начала ведущей к центральной части города дороги. И, само собой, вторая должна была взорваться раньше. Это, конечно, если они будут высаживаться здесь, а не в том же Арлингтоне. Но и при таком раскладе взрыв их неслабо потреплет. Только уже в другом месте, а не здесь. Пока же остается только

ждать.

Звуки стрельбы... Из города. Сначала несколько выстрелов вразнобой, потом очень частая, залповая. Это точно наши палят. Но кто? Неужели...

– Джонни, – констатировал почти очевидное Степлтон. – Видимо, шпион не захотел сдаваться.

– А кто бы захотел! Ладно, возвращаемся. Надеюсь, ничего серьёзного не произошло. Да и стрельба стихает, сам слышишь.

Стрельба действительно уже не то что затихала, а стихла окончательно. Оно и неудивительно, ведь Джонни и наши головорезы как-то явно побоевитее местных аболиционистов будут.

* * *

Адрес этого самого Николсона я помнил, уточнять не требовалось. Да и Александрия эта – та ещё дыра, которую и городом-то назвать сложно, особенно по моим меркам. Так что быстро добрались, успев застать Джонни и бойцов на месте. Злобных, можно даже сказать озверелых. Охотно их понимаю, ведь двоих сейчас перевязывают, а еще одному только гроб и понадобится, заодно с местом на здешнем кладбище. И один из раненых... кость ноги раздроблена, это видно. Хорошо ещё, что не орет от боли на всю округу, наркоз свой получил. Слава богам и демонам – при любом, даже малом

отряде имелись не просто бинты, но и некий аналог «армейской аптечки». Разумеется, с поправкой на нынешнее время. Хорошо я помнил, какие серьезные потери несли даже не от несовместимых с жизнью ранений, а от болевого шока или хреновой медицинской помощи. Вот и было сделано всё, что только в моих силах.

Ну да сейчас не об этом. Раненых сейчас к нашему доктору отвезут. Или его сюда сначала. Это уж по обстановке. Мне же надо с Джонни побеседовать. Хм, легок на помине, вон он, бежит к нам резвой такой рысью.

– Вик. Мы такого и не ожидали... Думали, что тут если кто и будет, то двое-трое из тех, кто стрелять осмелится. А их тут девять, да вооруженных хорошо. Карабины, револьверы, патронов к ним много. Склад оружия в доме был. Пострелять пришлось, но мы справились.

– Вижу, хорошо сработал. Пленных, я надеюсь, взять догадался?

– Конечно! – радостно оскалился мой друг с очень темным прошлым. – Трое, из них на двоих и царапинки нет, только синяки. И этого, Николсона, тоже взяли. Но он... Ему пулю в живот всадили, сдаваться он не хотел. Я так думаю, что через час-другой помрет.

– А на долгое время он мне живой и не требуется. Язык есть, говорить сможет. Остальное... плевать. Хорошо, что нашего чувствительного Фила тут нет. Внутри?

– Николсон и те двое? Конечно.

– Веди давай. Вильям, ты, если не хочешь видеть нечто неприятное, лучше уж тут побудь.

Степлтон явно замялся. Вроде и мне помочь хотел, и понимал, что я не ради красного словца посоветовал ему остаться. Ладно, облегчим ему задачу.

– Вообще-то... Здесь военные дела, сам видишь, закончились. А за Потомаком следить надо, да и вообще за окрестностями. Фил может не справиться. Поэтому давай туда, пока прими командование. А мы скоро присоединимся. Это приказ, первый лейтенант Степлтон.

– Исполняю, капитан!

Ну вот, приказ отдан, приказ получен. И все сомнения у Вильяма мигом испарились, что тоже хорошо. Нам же с Джонни предстоит заняться довольно грязной работенкой. Той самой, которую мало кто из «джентльменов» готов на себя взвалить. Да-да, я хорошо помню историю. Чего стоит хотя бы отношение на моей Родине, в Российской империи, к господам жандармам. А ведь те действовали вполне себе мягко по моим меркам, на чём многое теряли. И всё равно вечные крики вроде: «Сатрапы! Душители свобод». Плюс крайне холодное отношение к большинству представителей «стражей империи» со стороны не то что светского общества, но и многих армейских и особенно гвардейских офицеров.

Мда, ну да сейчас мне немного не до того, у меня вопрос не то агентов «федералов», не то просто слишком горячих

их сторонников намечается. Вот иду следом за Джонни и думаю, о странностях бытия человеческого в целом и аболиционистского в частности. Как началась эта чума не один год назад, так с тех пор и не прекращается. Вот уж воистину не ведают, что творят. Да, эти ещё не ведают. Но с воистину дурным упорством начинают мостить дорогу для тех, кто значительно позже придет им на смену. Я знаю, я видел. Поэтому и сделаю всё, чтобы увиденное мной там, в будущем, больше не смогло реализоваться.

Вот и комната, где находятся эти субчики-голубчики. Двое со связанными руками стоят под прицелом «спенсера» одного из солдат роты, третий же, тот самый Бернارد Николсон, валяется на полу и стонет. Понимаю, что от пули в животе хорошо ещё никому не становилось. Только о качественной медицинской помощи сему индивиду и мечтать не приходится. А вот о легкой смерти – это вполне реально. Но и её придется заработать.

– Женщины, дети и вообще непричастные к стрельбе в доме есть?

– Никого, – покачал головой Джонни. – Этот вот, – взгляд на подранка, – свою жену с детьми ещё несколько дней назад в Вашингтон к своей кухне отправил. Не думаю, что случайно.

– Я так и вовсе в этом уверен. Солдат, выйди. И сержанта О’Рурка сюда.

Вытянулся в струнку, после чего метнулся выполнять

приказ. Что до сержанта, то он сейчас пригодится. Полезный, небрезгливый, жестокости не чурающийся. Впрочем, как и большинство отобранных для меня головорезов, но и на их фоне он заметно выделялся.

Звук шагов, причем знакомый такой, от явно массивной туши. Сержант О'Рурк собственной персоной. Тебя-то мы и ждали. Не давая ему и рта раскрыть, командуя:

– Вот это, сержант, шпионы. Не военнопленные. Потому как без формы, без знаков различия... А поэтому мы с ними можем делать всё, что душе угодно и для дела полезно. Поэтому для начала дай несколько раз по морде тем двум, которые у стеночки со связанными руками стоят. Вдруг кто-то из них захочет поделиться с нами чем-то важным? Например, с какой целью они тут все собрались, почему столько оружия и зачем они из него по нашим солдатам стрелять начали. Тебе всё понятно?

– Да, капитан!

– Вот и приступай.

Вид надвигающегося как неотвратимое стихийное бедствие О'Рурка подействовал на пленников... Хорошо подействовал, да так, что один вжался в стену, а другой попытался бежать, проскользнуть мимо ирландца к двери. Зачем? Думаю, он и сам этого не знал. Сработал инстинкт и всё тут. Только инстинктов было недостаточно. Сержант, несмотря на схожие с мебельным шкафом габариты, двигался довольно быстро. А вот пленник был и помят, и со связанными за

спиной руками, потому уязвим. Неудивительно, что получил хорошую такую оплеуху, от которой отлетел в угол комнаты, ломая стоящую там тумбочку.

– Низко полетел, к дождю, наверное, – усмехнулся я, после чего некоторое время понаблюдал за продолжившимся «вразумлением». – Ну что, мне позволить сержанту продолжить или всё же кто-то из вас двоих поделится ценными сведениями, отвечая на уже прозвучавшие вопросы?

Попавший под тяжёлые кулаки О'Рурка лишь жалобно постанывал, а вот второй, ему явно хватило и самого зрелища избиения.

– Что вы хотите?

– Для особо плохо слышащих повторю. Кто вы, собравшиеся в этом доме? Что вас объединяет?

– Мы... – пленник нервно сглотнул, невольно бросив взгляд сначала на по сути помирающего Николсона, а затем ещё на одного своего знакомого, лицо которого уже опухало от нанесенных сержантом ударов. – Мы из «Подземной железной дороги»... Здесь наша «станция», она помогала переправиться через Потомак.

– «Подземка», значит. Интересно...

Это действительно было интересно. Нелегальная на Юге и почти что официальная на Севере организация господ аболиционистов, переправляющая негров в штаты, где рабство было запрещено. Тогда найденное оружие, связи с неграми – все это получало вполне логичное объяснение.

– Кто главный на вашей «станции»? Николсон?

– Нет, Джек Холт. Он... мёртв.

– Жаль, – покривился я. – Он мог бы быть полезен. Есть ли ещё ваши в городе?

Мотаает головой из стороны в сторону. И пожалуй, что я ему поверю, слишком напуган. Но страх вот-вот пройдёт, едва только до него дойдёт, что прямо сейчас его вешать или расстреливать не собираются. Поэтому...

– Связаны ли вы с другими «станциями» «подземки»? С какими именно? Кто в них состоит? Сможешь ли на бумаге изложить все тебе известное?

– Не смей, Барни! А-а...

Что у нас там? Ах да, второй, тот, который пытался бежать незнамо куда и зачем, напомнил о себе, явно желая заткнуть рот своему сообщнику, напомнить о том, чтобы тот не смел сдавать подельников. Правда, тут же получил от О'Рурка очередное «вразумление», на сей раз непосредственно ногой.

И всё же даже такое сумбурное напоминание не просто нашло адресата, но и подействовало. Иначе не стал бы наш вроде как разговорившийся пленник пытаться играть в несознанку.

– Больше я ничего не знаю... Ничего.

– Врёт? – спрашиваю, а скорее уточняю, обращаясь к Джонни.

– Врёт. Слышал я о «подземке» от некоторых... заинтере-

сованных денежно. Одна «станция» связана с несколькими другими. Все всех не знают – это да. Но «соседей» – знать обязаны. Только по доброй воле он тебе рассказывать это не хочет.

Тут я лишь усмехнулся. Да, время тут несколько другое, отличное от родного мне. Но термин «военное время» и всё, что с ним связано – это, знаете ли, не просто слова, а нечто куда более серьёзное. Интересно, понимает ли это наш пленник? Пленники... О, свежепобитый зашамкал опухшими губами, кровь и осколки зубов на пол выплевывая:

– Не говори им ничего, Барни, Они не имеют права. Они вломились к нам, стали стрелять, убили защищающих свой дом.

– Тупоголовый, – ласково произнес я. – Неужели ты серьёзно думаешь, что вас кто-нибудь услышит и прислушается. Давай я расскажу тебе и твоему дружку то, как это всё будет доложено, если вы не возьметесь за ум... В условиях военного времени нами были пойманы негры, пытающиеся бежать на север через реку Потомак, при которых найдена была ну совсем для их черномазых величеств непредставимая сумма – по сорок долларов на брата. О, конечно же, слово раба ничего не стоит и не может быть использовано как свидетельство, это мне хорошо известно. Зато я вполне мог отправить своих людей для того, чтобы мирно поговорить с мистером Николсоном, которого пытался оклеветать какой-то раб. Да, лейтенант?

– Несомненно, капитан. Так всё и было. Как сейчас это помню. И парни тоже это подтвердят. Вот хотя бы сержант О’Рурк.

Громила радостно закивал, разминая кисти рук, которые, как по мне, следовало хотя бы от крови оттереть. Впрочем, не к спеху.

– Он у меня памятный. А потом, подойдя к вашему дому, обнаружилось, что в моих солдат под командованием лейтенанта Смита целятся из ружей и уже готовы выстрелить. В солдат, о прибытии которых знает вся Александрия, которых нельзя перепутать с обычными местными жителями.

– Этого не было! – взвыл пленник, пока остававшийся для меня человеком без имени. – Они сами вломились в дом, они...

– И кто ж тебе поверит-то? Аболиционисту. активному участнику «подземки», этой запрещённой организации... К тому же после того, как твой дружок Барни подпишет, а то и собственноручно напишет во всех подробностях о событиях сегодняшнего дня. То напишет, что ему скажут. Он ведь жить хочет. По глазам вижу, что хочет. Да и ты, неизвестный мне по имени аболиционист, я думаю, тоже хочешь хотя бы помереть не очень болезненно.

– Вы не посмеете...

– Джонни, мне кажется, что мистер Николсон тянется к припрятанному за поясом пистолету... Это нехорошо. Ис-

правь это. Совсем!

Негромкий выстрел из «вулканика» хлопнул как-то даже буднично, поставив точку в жизни того, кому и так предстояло умереть. Своего рода «удар милосердия», потому как мучения от смертельного ранения в живот... лучше уж так, чем долгая агония. Да и в любом случае за шпионаж в пользу врага – петля или расстрел у ближайшей стенки. По всем понятиям так надо и так... правильно. Попался? Вот и не обес-судь.

Ну а Джонни – человек с богатым прошлым и без комплексов, – присев рядом с телом на корточки, вложил тому в руку маленький однозарядный пистолетик. Такие носят обычно либо дамы, либо люди, стремящиеся иметь такой вот козырь в качестве «туза в рукаве».

– Вот и всё, капитан, – хмыкнул он, в то время как О’Рурк убедительно так рыкнул на попытавшихся было метнуться в комнату простых бойцов. Выстрел услышали, оно и понятно. – Застрелен при попытке выстрелить в вас. Может, и этого, разговорчивого? Хотя бы в ногу-руку парочку пуль, а?

– Как вести себя будут. Да, Барни? – подмигнул я «слабому звену» в оставшейся двойке. – Я шутить умею с фантазией, просто пуль у меня не всякий отделается. Вот помню, к примеру, наставления монахов средневековой инквизиции. Те самые, что для пыток подозреваемых в колдовстве предназначались. Так там такие необычные способы предлагались. Например...

– Скажи ты им, Джейкоб! – взвыл Барни, в глазах которого сейчас плескался исключительно страх. – Я тоже скажу! Этот капитан ненормальный, он будет нас медленно убивать... Ему же это понравится!

– Проверено в Чарльстонской гавани, – изобразил я ласковую такую улыбку. – Жаль, что там все быстро закончилось, очень жаль. А с вами можно ещё несколько часов вдумчиво пообщаться. Хотите? Или всё-таки напишем всё, что знаем, и отправимся в путешествие по городам?

Отправятся, теперь никакого сомнения. Я и так придавил их неслабым таким прессом по меркам нынешнего времени. Это для моего родного времени методы «полевого допроса» с пристреливанием наименее ценного из захваченных – дело обычное. Тут... иное. А ещё напоминание о том, что именно я отметил в пока еще единственном сражении этой войны, в Чарльстоне. Газеты, они ведь много что понаписали, создавая определённую репутацию «мистеру Виктору Станичу», ныне капитану войск КША.

Вот только перед собственно допросом этих двоих надо по разным помещениям развести. Хотя бы для того, чтобы получаемая от них информация не была искаженной. Давняя заповедь силовых ведомств, где допросы – дело естественное, будничная даже.

И пошла писанина. Дело крайне муторное, но при всём при том необходимое. Если уж довел допрашиваемого до «момента истины», то нельзя останавливаться. И покидать

его тоже нельзя, иначе объект может начать вилять, как шлюха своей пышной задницей. У нас же объектов было аж две штуки.

Написали всё, что только могли вспомнить. Правда, того, который Джейкоб, пришлось несколько раз дополнительно мотивировать. Но уже не О'Рурку с его примитивными зуботычинами, а куда более тонко и менее кроваво. Ведь достаточно просто взять человека за плечо, надавить должным манером, а в результате – дикая боль, от которой на стенку полезешь. Заодно и на второго допрашиваемого стимулирующе действует.

Через час допросный материал был готов, причем в ассортименте: списки известных обоим членов «подземки», особенно на территории Конфедерации, показания насчет сегодняшних событий, признание в том, что они участвовали в попытке передать ценную информацию федеральному правительству. Собственноручно написано, подписано, а также заверено как мной в роли проводившего допрос, так и вторым лейтенантом Джоном Смитом с сержантом Стэнли О'Рурком в качестве свидетелей происходящего.

Зачем мне была нужна вся эта позорная бюрократия? Да хотя бы для того, чтобы местные чистоплюи не похоронили столь ценную информацию о «подземке». А ведь эта организация аболиционистов, она куда опаснее, чем могло показаться на первый взгляд. Это даже не просто агенты влияния, а самая настоящая, причем неплохо законспирирован-

ная, сеть шпионов. Контакты, явки, пароли. Налаженный трафик переправки людей, который можно использовать в самых разных целях. Плюс нехилое такое влияние на негров, которые охотно доложат всё, что творится в домах их хозяев.

Мля, тут что ни говори, а полная жопа с точки зрения безопасности. Многие из верхушки Конфедерации даже не задумываются о том, что в их собственных домах есть чужие уши, которые пусть и не блещут наличием мозга, но способны передавать ВСЁ услышанное за какой-то период времени. Передавать тем, у кого этот самый мозг присутствует, А умному человеку легко сделать выводы даже из случайных обмолвок. Я же вовсе не считаю сторонников Севера дураками, там и умных немало попадаетеся. Врагов, но умных.

Именно поэтому после возвращения из рейда буду серьезно говорить как с генералом Борегаром, так и со всеми, с кем смогу выйти на контакт. И начать надо будет именно с «подземки», как с беды уже известной, а потому к этому аспекту сразу прислушаются. Что же до домашних рабов, которые могут и наверняка уже сливают информацию... Тут придется аккуратнее действовать, шаг за шагом. Ну да ничего, и тут извернёмся. Надеюсь.

Вот и пришлось двух этих красавцев, надёжно скованных, поручать паре солдат с чётким наказом морды не бить, но пресекать малейшие поползновения к побегу. Ценный, мать его, груз, который при отходе надо будет посадить в седло и беречь по возможности от всяких разных неприятностей.

Зачем, если они и так всё важное рассказали? Во-первых, их можно использовать как наживку для других членов «подземки». Во-вторых, если первое не получится – повесить при большом скоплении народа как первых представителей врага. В-третьих... даже и не знаю, может, и «в-третьих» найдется, просто сейчас особо разбирать перспективы недосуг, и так дел по горло. Хотя стоп! Точно найдется. Одно дело – форсированный допрос в условиях дефицита времени. Совсем другое – допросы вдумчивые, тщательные, которые можно начать, лишь ознакомившись с предварительной информацией. Не-ет, им ещё довольно долго предстоит быть полезными. Повесить же... всегда успеется.

Не опасаясь ли я, что эти двое недобитых поднимут громкие вопли по поводу моих действий? Да пусть хоть до сорванного голоса вопят, слушать активных участников «подземки» и шпионов в пользу «федералов» никто особо не станет. А даже если кое-кто и пожелает что-то сказать в мой адрес – это легко можно будет опровергнуть. Их слово против моего и моих людей. Джонни вообще большой мастер плести любую хрень как просто, так и на официальном уровне. Прошное налетчика и ганфайтера тому сильно способствует. Бывшие же в его отряде ирландцы и в особенности О'Рурк... Право слово, это даже не смешно! Ирландцы вообще сами по себе, и с людьми извне не особенно откровенничают. Ментальность у них такая. А ещё они очень не любят англичан как явление. Не отдельных англичан, а именно что всем ско-

пом. Историческое это у них, можно сказать, что «генетическая память».

Я ведь для них как командир хорош еще и потому, что русский по крови – по духу тоже, но это им уже знать не особо надо. И несмотря на то, что тут, на Юге, отношение к ним куда лучше, чем там, на Севере, пока сие не слишком многое значит. Кельты народ не шибко доверчивый. И главное – от меня они ничего, кроме хорошего, не видели, да и в будущем я менять ситуацию не собирался. Так что выдавить из них хотя бы несколько слов – уже большой подвиг для любого человека со стороны. Остальное и вовсе фантастика.

Меж тем в самой Александрии всё шло так, как и требовалось. Были вывешены большие такие флаги Конфедерации – душевная провокация, на которую просто должна была клюнуть рыбка. После этого оставалось только ждать. Разумеется, не снижая бдительности и держа под контролем этот захудалый городок.

Городок и впрямь был местом сонным и малоинтересным. Вроде бы поддерживающих Конфедерацию было много, но вот активных сторонников, то есть готовых записаться в ополчение и с оружием в руках отстаивать свои убеждения... Их было маловато. Впрочем, посмотрим, что будет после того, как произойдут ожидаемые мной громкие события...

Глава 13

*КША, штат Виргиния, Александрия,
апрель 1861 года*

Люблю, когда противник предсказуем. Хотя... А чего иного следовало ожидать от «федералов», которые находились в самом начале процесса формирования армии? Уже точно не гениальных тактических ходов, особенно в области прифронтовой разведки. Полководцев вроде того же Гранта, не к ночи будет помянут, пока ещё нет и звать их никак. Сейчас главные «арии» у федералов должны исполнять «благонадежные выдвиженцы», у которых ума и талантов – мышонок наплакал. Впрочем, действовать я собираюсь в расчёте на то, что противостоять будет умный противник. Считать врага дураком – верный способ заполучить себе на голову массу проблем.

А началось всё с первыми лучами рассвета. Именно тогда в гостиницу, где мы с максимально возможным в данной ситуации комфортом расположились, прибыли двое из числа тех, кому было поручено следить за рекой. И вести были вполне в рамках ожидаемого. Федеральные войска засуетились, погружаясь на пароход. Нагло так, без особых предосторожностей, явно ничего не опасаясь. Меж тем за ними внимательно наблюдали... в подзорные трубы, потому как

до биноклей приемлемых габаритов было еще очень и очень долго по временной оси. Впрочем, подзорная труба – это тоже неплохо, особенно если качественная. Хлама же я для своих солдат не закупал!

Понеслись события! Личный состав «в ружье», за исключением тех, кто находился в патрулях. Полная готовность в бою, но при всем при этом никакого там строя или, упаси боги, маршевых колонн под барабанную музыку. Нефиг-нафиг! Вместо этого – аккуратное выдвижение в сторону пристани и залегание на заранее выбранных и распределенных позициях. И самое главное – подрывникам особенное внимание. Им предстоит привести фугасы в действие в нужные моменты. Чуть раньше или позже – пропадет немалая часть эффективности.

И перед самым выдвижением в сторону пристани я напомнил как сержантам, так и рядовым о самом важном:

– Стрелять начинаем исключительно по команде! И уж никак не раньше первого взрыва. Вооруженные «спенсерами», к вам обращаюсь! Не стремитесь непременно попасть во вражеских офицеров, знаменосцев, даже сержантов. Просто грамотно распределяйте цели. Вас этому учили. Стреляете часто, патроны не жалеть. Вспомните учебу и всё у вас получится. Теперь те, у кого карабины Шарпса с оптикой... – выдержав паузу секунд в пять, я продолжил: – А вот для вас важнее не скорость стрельбы, а меткость. Цели – те самые офицеры, знаменосцы, сержанты, просто наиболее храбрые,

пытающиеся воодушевить остальных, повести их в атаку или отступить не толпой, а в строю. Всем всё понятно?

Судя по виду – понятно. Ну а то, что и «премиальными» их не обделят – так то парни уже знают, лишний раз напоминать не требуется. Мои же друзья – разговор особый. Тут мотивация более сложная, но уж точно не нуждающаяся в «премиальных».

Выдвижение к месту и рассредоточение на местности прошло... планово. Особенно если учитывать тот факт, что здесь подобные «приятные сюрпризы» для врага не были сколь-либо серьезно распространены. Ждать таких коварных засад могли разве что от индейцев, но те с техническими достижениями... слабовато дружили.

Зато у меня с техникой было более чем нормально, особенно с пониманием эффективности оной для достижения победы. Не зря же я находился рядом с «подрывной машинкой». Она, надо отметить, была куда более громоздкой и грубой, чем виденные мной там, в родных временах. Впрочем, плевать на внешний вид, главное, что работоспособна. Провода тоже проверены. Искра нормально пройдет, а там и взрыв. Взрывы. Ещё подозрная труба, к которой я частенько прикладываюсь, наблюдая за большим таким речным парходом, который медленно, но верно приближается к пристани.

Интересно, сколько внутри него вражеских солдат? Явно больше роты. Тут и сомневаться не приходится. Батальон?

Или, кхм, полк... Полки местные, это, надо отметить, тот еще оксюморон! По всем понятиям полк должен был состоять из нескольких батальонов, но это именно что «должен». На деле же творилось демоны ведают что. Полк должен был насчитывать около тысячи человек в минимальной комплектации. На деле же... На деле редко когда в полку было более одного батальона, пусть и раздутого аж до восьми-десяти рот.

Почему так? Мирное время, ети его! Сокращался офицерский штат и соответственно необходимые расходы. И это вместо того, что в моём родном мире называлось «кадрированием», когда, напротив, сохранялся офицерский костяк, на который при нужде наращивалось чисто солдатское «мясо». Не зря говорят, что в Америке всё всегда через задницу. Ах да, и во главе этой самой задницы непременно стоят деньги.

Ну да сейчас не совсем о том. Просто попытка снять пенки с дерьма никогда ничем хорошим не заканчивается. Управлять в бою таким, с позволения сказать, полком – это будет той еще морокой. Сейчас с этим столкнуться не успели, а когда столкнутся... Да поздно будет, ведь на живую резать и сшивать во время разгоревшейся войны – то ещё удовольствие.

Признаться, когда я узнал об этом бедламе, то у меня глаза на лоб полезли. От глубокого офигения, а также от своего полного бессилия в данный момент хоть что-то изменить.

Не будут слушать, ибо ведь до сей поры никаких претензий к системе не было. Работает, ну да и ладно. Сразу же пойдут ссылки на войны с Мексикой и индейцами, не беря в расчет то, что у противника ещё больший бардак творился. Да тот же Вилли, мать его Степлтон, когда я с ним поделился своими серьезными опасениями, изволил лишь отмахнуться. Он серьёзно не понимал суть сложившейся проблемы. И это он, который стремился ко всему новому. Что уж тут говорить о закостеневших в чувстве собственной непогрешимости генералов, точнее большей их части.

Мда, засада. Печально, но сделать тут можно немного... То есть показать на собственном опыте, что используемая система глубоко порочна и её надо коренным образом модернизировать. И своё воинское подразделение – на роте «Дикая стая» застывать точно не намерена – будет выстроено по куда более боеспособным шаблонам.

– Причаливают, – вздохнул Джонни, печально взирая на сигару в своей руке, которую периодически мусолил, но закурить не решался. Понимал, что по голове получит, причем больно. Ибо в засаде курить дело паршивое, ведущее к большим неприятностям. Это ж на уровне рефлекса должно быть. – Вилли и Фил со своими стрелками только и ждут, когда можно будет начать.

– Скоро, уже совсем скоро.

– Да вижу, не слепой. Сколько «федералов» на том пароходе, как думаешь?

– Батальон, может, два, – пожал я плечами. – Хотя у нас с этим дурным методом «полк из одного батальона»... Скорее всего, как раз один из этих добровольческих полков и загрузился. Опыта ноль, боевые качества тоже вряд ли блистают, да и не ждут они тут ничего эдакого.

– То есть если мы их сейчас разобьём...

– Вместо одного полка вышлют сразу пять, а то и больше. И с разных направлений, чтоб наверняка, – с ходу погасил я оптимизм, наметившийся было у Джонни. – Не нашей роте эти места удерживать. Тут нужны несколько бригад, да не свежесколоченных, а уже опытных. Были бы они тут, я бы рискнул и до Вашингтона прогуляться. Но увы и ах. Сейчас это невозможно.

Джонни понимающе кивнул. Ну да, ко мне только-только начинают не то что прислушиваться, скорее просто замечать и запоминать сказанное, поступая после чисто по своему усмотрению. Пока я всего лишь юнец-выскочка. Пусть уже кое-что сделавший. Этого хватило, чтобы мне дали возможность здесь оказаться, но не более того. Зато если удастся тут как следует пошуметь и уйти не особо покусанными – это будет очередной ступенькой тщательно выстраиваемой репутации.

Ну вот пароход и у пристани. Видны люди на его палубе в очень яркой форме. Чересчур яркой для «федералов», я такой сроду не видел. Нечто подобное стоило ожидать где-нибудь в Турции или в Персии, но никак не тут, на берегах

Потомака, близ Вашингтона.

Причаливают. Тупо, нагло, ничего не опасаясь. И уж точно не обращая особого внимания на надпись, специально оставленную нами. Ту самую, предупреждающую о смертельной опасности для всех солдат армии США. Однако выслать разведку на предмет обшарить саму пристань – на это соображалки хватило. Ничего и никого не нашли – ну так оно и неудивительно, ведь всех людей из obsługi мы оттуда заблаговременно удалили.

Высадка. Сходят на берег, сгружают амуницию и припасы, начинают готовиться к короткому маршу собственно к городу, к его центру. Туда, где реют флаги Конфедерации, те самые, что заставили «федералов» столь резво возбудиться. Да и по всем раскладам им нужно захватить телеграф, железнодорожную станцию, да и здание мэрии просто как знак своей полной власти над городом.

Ну же, я жду... Того самого момента, когда вы, судари мои нехорошие, окажетесь в зоне действия второго фугаса, что ближе к выходу с территории пристани. Первый-то можно хоть сейчас рвать.

Подозрительность? Ноль. Желание как следует разведать окрестности? Отсутствует. Зато присутствует стремление по скорее выполнить поставленную перед вами задачу по захвату города. Ну-ну!

Пора! Взмах рукой. И вот уже боец, сидящий у подрывной машинки, активирует её. Спустя какое-то мгновение до нас

доносится звук неслабого такого взрыва, а следом ещё один, но уже через пару секунд. Это второй фугас, он же первый, который не у выхода с пристани, а на ней самой.

Звуковые эффекты, визуальные эффекты. А главное – эффективность подрывов, которую я мог наблюдать через подзорную трубу. Часть солдат, которые оказались в эпицентрах, порвало на составные части. О них и говорить нечего, если они кого теперь и будут заботить, то исключительно гробовщиков. Много раненых, которые катаются по земле и истошно кричат. Кто-то вот-вот помрет, кто-то, может, и выживет, но лишь при получении квалифицированной медицинской помощи. Впрочем... тут оную точно ждать не приходится. Есть просто раненые, но не так чтобы сильно. Контуженные, что просто сидят на земле, ошалело мотая головой. Другие стоят на ногах, но при попытке сделать шаг бедняг мотает из стороны в сторону. И уж точно не приходится говорить о том, что сохранилось управление этим недавно вполне грозным отрядом.

И первый залп, который внес дополнительную толику хаоса в и так творящееся безумие. А за ним второй, третий и так далее. Винтовки Спенсера работали, как им и полагается, то есть позволяли вести стрельбу с высокой скоростью и довольно неплохой точностью. Что же до особой точности, так на то «шарпсы», оптикой оснащённые. Тот ещё девайс, доложу я вам! Нынешний оптический прицел не чета привычному для меня: длинный, чем-то напоминающий подзорную

трубу в миниатюре, да к тому же капризный до ёжиков. И всё-таки даже подобная его разновидность лучше, чем ничего. Да и пристреляны были карабины с оптикой, чего уж там.

— Они отходят к пароходу, — подметил Джонни, тоже наблюдающий за боем, а точнее избиением «федералов». Некоторые прямо в воду и вплавь до него добираются, там им веревки с палубы сбрасывают. А часть отстреливается, наших стрелков им видно. Дым от пороха днем на стрелка сразу указывает. Без потерь не обойдемся!

— У них все равно куда больше мертвецов ожидается, — хмыкнул я. — Бобби, Теренс, пулей к лейтенантам Степлтону и Мак-Грегору! Передайте, чтобы даже не думали переходить в атаку. Только обстрел. Только с закрытых позиций. И про пароход не забывайте. Мостик-то у него открытый, надо бы проредить морячков!

Чего у моих ирландцев не отнять, так это дисциплины. Она не сама по себе возникла, вбивалась бесконечными тренировками, но ведь результат налицо. Никто не попытался рвануться вперед, поддавшись азарту. Все продолжали делать то, что им было велено — вести стрельбу из укрытий. А укрытий хватало. Частью естественные вроде стен или густого кустарника. Частью искусственные, а именно вырытые окопы. Таковых было не столь много, но они всё же присутствовали. Замаскированные, конечно, ветками или чем-либо ещё, чтобы в глаза не бросались до поры.

Были ли шансы у «федералов»? Даже и не знаю, что тут

можно сказать. По моим прикидкам их высадилось что-то вроде семи или восьми сотен, то есть именно полк. Полк обычный, со стрелковым оружием, без поддержки артиллерии. Два подорванных среди боевых порядков полка фугаса уже нанесли нехилый материальный и огромный психологический урон. Кадровые, обстрелянные бойцы при таком раскладе попробовали бы атаковать, ориентируясь на демаскирующие стрелков дымки от сгоревшего пороха. Он тут дымный, другого нема. И тогда противник мог бы достичь определенных результатов, чего уж там скрывать. Не разгромить нас, но заставить свернуться и отступить. Вот только эти... необстрелянные. У их офицеров явно не было наработанных схем, они не знали, как именно реагировать на подобное, а импровизация... тоже не была их коньком. К тому же не стоило забывать о стрелках, вооруженных «шарпсами» с оптикой. Им ведь было приказано отстреливать всех, кто выделяется на общем фоне. Вот они и старались.

Хорошо старались! Я при всем желании не мог разглядеть кого-то из офицерского состава. А ведь сначала были, не затронутые взрывами. Были... да сплыли. Отстрелены. Вот он какой, дебют снайперов, пусть пока название они покамест не получили. Зато результат уже налицо.

А с парохода спускают шлюпки, которые, как я понимаю, должны забрать раненых. Ведь сама пристань... серьезно повреждена, не зря же пароход отошел подальше от берега. Оставшимся на его палубе и так досталось, особенно

от взорвавшегося фугаса, начиненного поражающими элементами. Что касательно находящихся на мостике... Их почти всех постреляли, лишь каким-то чудом другим, пришедшим на замену, также понесшим потери, удалось развернуть пароход так, чтобы стрелкам с «шарпсами» стало неудобно «работать» по этому сектору. Ну а потом уже пароход отвели еще дальше.

Белого флага меж тем как не было, так и нет. И это значит, что стрельба с нашей стороны прекращаться даже не собирается. По находящимся в шлюпках в том числе, причём по этим пусть снайперы особенно поработают. Для этого посылаю очередных бойцов, чтобы те донесли мой приказ до лейтенантов, а те передали дальше.

Агония... Не кого-то конкретно, а вражеского подразделения как такового. Будучи лишёнными офицеров и большей части сержантов, необстрелянные солдаты имеют свойство паниковать и уж точно не способны на тактически осмысленные действия. Максимум, что в их силах – спорадический ответный огонь и попытка покинуть поле боя. Это они и демонстрировали.

Вот только для раненых добраться вплавь до парохода... гиблое дело. А сей водный транспорт отошел на такое расстояние, что даже пули из «шарпсов» уже не могли достать находящихся на палубе. Зато доставали тех, кто был в шлюпках, равно как и тех, кто пытался вплавь добраться до спасительного транспорта. В этой ситуации следовало ожидать

одного – белого флага. Призыва к переговорам. И этот самый флаг не заставил ждать себя слишком уж долго.

– Вик... Капитан, они что, сдаются? – неверяще выдохнул Джонни. – Даже не верится.

– Прекратить огонь! – рявкнул я. – Другим тоже передать, – и после этого, обращаясь уже к Джонни, ответил на его вопрос: – А что им делать остаётся? Две мощные бомбы взрываются, потом град пуль с разных сторон, офицеры выбиты, командовать некому. Да ещё и особо резвые удрали вплавь на тот самый пароход, с которого сюда высадились. Те, кто вообще успел это сделать. Ну не остается им ничего иного, кроме как белой тряпочкой размахивать.

– Выдумщик ты, капитан Вик, – довольно оскалился лейтенант Смит. – Только от выдумок твоих нам хорошо, а врагу плохо. Мёртвым вообще хорошо не бывает.

Тут бывший ганфайтер, наёмник, временами и вовсе откровенный убийца был прав. И спорить с ним я даже не пытался. А меж тем огонь стих, совсем стих. Пора было принимать капитуляцию того, что оставалось от врага на этом берегу Потомака. Но делать это следовало быстро, не затягивая. Ведь пароход-то того, не просто развернулся к нам задом и к тому берегу фасадом, а дал ход и явно стремился как можно скорее оказаться на том берегу реки. Следовательно, скоро там узнают о провале попытки высадиться в Александрии и начнут «бить во все колокола» с призывами немедленно устранить возникшую прямо под боком угрозу.

И очень скоро здесь будет не в пример большее количество федеральных войск. Какой отсюда вывод? Нам надо поскорее отсюда сматываться.

Но первым делом – подвести жирную черту, несомненно, в свою пользу. И для этого требуется незамедлительно принять капитуляцию у тех, кто имеет право её засвидетельствовать. Искренне надеюсь, что в живых остался хотя бы один подранок в офицерских чинах. Ведь в ином случае хоть всё и будет по правилам, но вместе с тем несколько... бледновато.

– Условие одно... Пусть все сложат оружие. Проверить! – начинаю раздавать указания. – Пошлите туда солдат во главе с сержантами. Пусть позаботятся о раненых... в меру возможностей. И если есть хоть кто-то из офицеров, способный внятно разговаривать и при этом не быть одной ногой в могиле... Это будет для нас подарком судьбы. Выполнять!

Завертелось колесо. Ну а пока мои парни будут договариваться о разоружении, надо хотя бы разобраться, во что нам встал этот бой. Именно бой, а не расстрел у форта Самтер.

Что же до переговоров, то... Пока пусть сержанты этим занимаются. Вот потом, когда буду уверен, можно будет либо самому подключиться, либо того же Степлтона отправить. Да и вообще, горе побеждённым, им сейчас не до жиру.

Раненые, убитые... Да, досталось нам серьезно. Шестнадцать трупов и тех, кто наверняка ими станет, почти два десятка раненых, которым нужна медицинская помощь, про легкие ранения я и вовсе не говорю.

Не скажу, что рота серьёзно обескровлена, но потери чувствительные. Зато противник получил так, что от противостоящего нам... ну, пусть это будет «полк», осталось совсем немного. Из числа тех, кто может продолжать противостоять Конфедерации. Остальные же либо мертвы, либо ранены, либо вот-вот сдадутся на нашу милость. И эта самая «милость» будет заключаться в том, что здоровых и легкораненых тут не оставят, а погонят в глубокий тыл. Неплохо будет показать первых пленных в достаточном для показа количестве.

* * *

Ну вот и всё, предварительные переговоры проведены, остатки «федералов» согласны были сдать оружие. Но только после того, как их командир встретится со мной. Чтобы, так сказать, правила были соблюдены. Ну, коли так, я, в общем, и не против. Тем более что командир и в самом деле оказался командиром этого подразделения, а именно 11-го Нью-Йоркского добровольческого полка под названием «Огненные зуавы».

Полковник Элмер Элсворт, вот как звали того, кто командовал столь плачевно завершившимся рейдом «федералов» на Александрию. Каким чудом он выжил? Даже не знаю, но две пули – в левое плечо и в голень правой ноги – он все же получил. А получив, лишился сознания, видимо,

от болевого шока. Это его и спасло, мои стрелки просто сочли сей объект мертвым. А он возьми да и очнись, но уже значительно позже. Да еще и кровопотеря оказалась вполне приемлемой. Так что полковник был перевязан, причем врачом нашей роты, тем самым Маркусом Шмидтом, взбодрен несколькими глотками виски и являлся мало-мало, но всё-таки пригодным для сдачи в плен остатков своего подразделения.

Встречу требовали – встреча состоялась. По всем правилам. То есть я, как командир роты «Дикая стая», был в сопровождении лейтенанта Смита, пары сержантов и даже барабанщика, чтоб ему с его тарахтелкой! От интенсивной пальбы и так в ушах звенит помаленьку, до сих пор звон не прошел, а тут ещё и барабанная дробь. Но таковы уж местные реалии, которые лучше соблюдать. Положение обязывает и никуда от этого не деться.

Ну а от полка «Огненных зуавов», что логично, был собственноручно дважды подстреленный полковник Элсворт и тоже два сержанта, лишь один из которых был в полной степени невредим. Второй... оглох в результате взрыва, хотя каким-то непонятным чудом остался целым, отделавшись лишь легкими ранами, скорее даже царапинами, на которые и внимания обращать особо не стоило. О барабанщике, положенном в таких случаях, говорить не приходилось, да я и не настаивал. При капитуляции не до поисков наверняка побитого инструмента и тех, кто может на нём хоть что-то

изобразить.

Полковник Эллсворт выглядел... хреновато. Две пули, попавшие в организм, они вообще здоровью не способствуют. Но си деть на доставленном моими парнями стуле он был в состоянии, тем более что сзади находился его сержант, готовый, случись что, поддержать командира. К тому же затягивать беседу я не собирался, и так всё всем понятно. После «ритуальных танцев», без которых никуда, прозвучали первые слова «по делу», причем с моей стороны:

– Ваш полк разбит, немногие оставшиеся боеспособными добрались до парохода и уже должны быть на том берегу Потомака. Вы же, оставшиеся на этом берегу, можете быть окончательно уничтожены менее чем за полчаса. Вы это понимаете, полковник?

– Да, капитан. Я здесь, чтобы вручить вам своё оружие и просить отнестись к пленникам, как подобает джентльмену.

Ну вот и тот самый момент. Снятая с пояса сабля, остающаяся в ножнах, протягивается мне. Встать Эллсворт не может по уважительной причине. Но этого и не требуется. Принимаю у него клинок и говорю:

– Ваш полк хорошо сражался. И можете не беспокоиться, о людях позаботятся. Раненых разместят в Александрии. А вот тем, чьи раны незначительны, равно как и оставшимся невредимыми придется отправиться... Пожалуй, в Ричмонд. Там решат, где вы будете находиться. Ну и вас я в Александрии не оставляю, полковник. Этот город Конфедерации не

удержать.

– Но почему...

Эллсворт прерывает так и не прозвучавший вопрос. Только мне и так понятна его суть.

– Чтобы ваше командование не смело даже думать, будто можно спокойно вторгнуться на земли Конфедерации, не заплатив за это немалую цену. Кровью. Думаю, разгром «Огненных зуавов» будет хорошим напоминанием для мистера Линкольна, развязавшего эту войну. Лейтенант Смит!

– Слушаю вас, капитан.

– Проследите за сдачей противником оружия и сбором трофеев. Пусть разделят их по тяжести ранений. Что делать с теми и другими, вы уже слышали. И не забывайте, что мы должны поскорее убраться из этого города. Скоро тут будет... неуютно.

И это я ещё мягко выражаюсь. Получив по зубам, «федералы» должны по-настоящему озвереть. А озверев, бросить на Александрию куда большие силы, против которых моей потрепанной роте ловить ну совсем нечего. Поэтому – грамотное и разумное отступление и никак иначе. Только отступление отступлению рознь. Мы уйдём отсюда победителями, перед этим уведомив командование о нанесённом армии США поражении.

Пока Джонни следит за разоружением и сбором всего, что годится под определение «ценные трофеи», я спешу раздать указания Степлтону и Мак-Грегору. Последний, кстати, вы-

глядит бледновато. Первый действительно серьёзный бой явно не прошёл для него незамеченным. Приходится успокаивать в меру сил и способностей.

– Всё хорошо, Фил. Мы живы, большая часть роты также. Ну а враг получил отпор, которого не ожидал. Так что не стоит переживать.

– Война... Я и не думал, что она будет такая... такая жестокая. Эти взрывы, от которых от человека остается кровавое месиво. Звук пули, которая входит в тело. Крики раненых, некоторым из которых нельзя помочь... Это не похоже на то, о чём мне рассказывали, о чём писали.

– Ты столкнулся с реальностью без прикрас, друг мой, – кладу руку ему на плечо и встряхиваю Фила пару раз. – Такова жизнь, не нам её менять, да и не в человеческих силах изменить основы бытия. Можно лишь постараться, чтобы оскал войны по большей части доставался врагам, а не своим. Именно потому были те взрывы, потому мы стреляли с заранее подготовленных и замаскированных позиций. Иначе.... Роли бы переменились.

– Вик правду говорит, – криво усмехнулся Вилли. – Сегодня был настоящий бой. И мы его пережили, мы победили. Это самое важное. А то, что война не такая, как о ней рассказывают – это я догадывался и раньше. Мало кто хочет вспоминать самое страшное. Пугающее. Неприятное.

– Именно так, друзья мои. Именно так, – соглашаясь со словами Степлтона, я тут же перевел разговор в другое рус-

ло. — Фил, тебе, чтобы отойти от неприятных воспоминаний о бое, поручаю проследить, чтобы жители Александрии были оповещены как о случившемся, так и о предстоящем.

Непонимание в глазах. Видимо, у Мак-Грегора вылетело из головы то, что вот-вот должно произойти.

— Мы покидаем Александрию, вот что. И сюда придут «федералы». Много. И как они себя будут вести после произошедшего разгрома, лично я утверждать не возьмусь. Да и тем местным, у кого в собственности имеются негры, я бы тоже посоветовал как следует призадуматься. И не только им.

Вот теперь Фил понял. Ну а для Степлтона другое дело найдётся, требующее более жестких мер.

— Вилли, сам понимаешь, что Александрия хоть и небольшой город, но далеко не самый бедный. И далеко не всё тут в частной собственности. Обидно будет оставлять «федералам» ценности, особенно те, которые не громоздкие. Позаботься по-быстренькому так.

— Это как-то...

— Нормально это. Это трофеями я делиться с другими не намерен, а имущество Конфедерации таковым и останется. К тому же я не говорю, что мы сами должны всё это тащить. Пусть те, кто захочет покинуть город, этим озаботятся.

— А ты?

— А я на телеграф. Нужно доложить генералу Борегару о нашей победе, равно как и о том, что удерживать город нет

никакой возможности.

Что хорошо в этом небольшом городе, так это наличие железной дороги. Почему? Ну тут и близость к столице, и тот факт, что в тридцатых годах именно Александрия была одним из крупнейших центров по продаже рабов. В общем, железная дорога тут присутствовала, а это открывало... определенные перспективы для эвакуации как всех желающих, так и немалой части имущества.

Но и связь с начальством не могла ждать. Вот я и засел на телеграфе, посылая телеграммы всем тем, кому стоило знать о случившемся. Первым делом, конечно, генералу Пьеру Борегару, но и про губернатора Южной Каролины Пикенса забывать не стоило. К тому же к последнему телеграмма могла попасть значительно быстрее, нежели к Борегару, который сейчас был занят сколачиванием отдельных отрядов в Поттомаскую армию.

Однако мне повезло. В том смысле, что ответ от генерала пришел практически мгновенно. Ну, по меркам этого неторопливого времени. Борегар явно помнил о том, что разрешил моей роте отправиться в Александрию, хотя и не придал этому особого значения. Оказалось, что зря не придал. В этом он убедился сразу же после получения сообщения. Как ни крути, а разбитый вдребезги полк «федералов» стоит того, чтобы обратить на это самое пристальное внимание.

В целом общение по «прямому проводу» напоминало привычный мне обмен эсэмэсками. Ну, с поправкой на

то, что вместо ма-аленьких телефончиков были громоздкие станции телеграфа. И использовать их в подобном режиме могли лишь по серьезному поводу и очень малое число народа.

– Что планируете делать дальше, капитан? Есть ли возможность оборонять город?

– Лишено смысла, генерал. Рота потрёпана, местные жители не обучены и не обстреляны. Из-за близости к Вашингтону на нас вот-вот бросят не один полк, а пять или более. С разных направлений. Планирую отступление с эвакуацией той части населения, которая не захочет оставаться под властью США.

– Отступление разрешаю. Реквизируйте паровозы и лошадей, если вам это необходимо.

– Благодарю, генерал. Помимо прочего, постараюсь вывезти часть имущества, которое пригодится Конфедерации, чтобы не досталось Эйбу Линкольну. И есть важные пленники.

– Кто?

– Полковник разбитого нами полка Элмер Эллсворт. Личный друг Линкольна. Ранен, но жить будет.

– Сохранить во что бы то ни стало. Непременно. Доставить ко мне без промедлений!

Эмоционирует Борегар, это даже по тексту телеграммы видно. И я его вполне понимаю. Ведь столь ценный трофей делает одержанную победу ещё более значимой, а заодно в

очередной раз унижает северян и лично Авраама Линкольна. Не везёт его окружению с военными действиями против Конфедерации. Сначала Андерсон, теперь вот Эллсворт. Причем последний не просто погиб, а захвачен в плен, что с психологической точки зрения куда более серьёзно. А ведь это далеко не все новости для генерала.

– Захвачены шпионы из числа организации аболиционистов, известной как «Подземная железная дорога». По сведениям, добытым при их допросе, они полностью переключились на шпионаж в пользу США. Просьба сохранить это в тайне от всех. Просьба поручить мне и моим людям раскрытие всей сети «подземки», способной нанести большой вред КША.

Небольшая пауза. Похоже, генерал серьёзно задумался. Слишком много сейчас навалилось на него, причем такого, от чего он, как человек умный, отмахиваться не собирался. Но вот телеграф снова заработал, передавая очередное сообщение.

– Не могу скрывать столь важные сведения от президента. В докладе ему подчеркну необходимость строжайшей секретности. Рекомендую вас для участия в недопущении развития шпионажа в Конфедерации. До того момента поручаю вам сделать всё возможное, чтобы нарушить работу аболиционистов на нашей территории. Необходима скорейшая наша встреча. Подтвердите.

– Подтверждаю. Эвакуация из Александрии состоится до

вечера сего дня.

– Вас понял, капитан Станич. Поторопитесь.

Ну вот и поговорили. В хорошем смысле этого слова. Генерал Пьер Борегар вновь подтвердил свою состоятельность не только как умного человека, но и как понимающего стратега. Иначе бы не среагировал столь быстро и правильно на мое сообщение об активизировавшихся агентах «подземки». И то, что он мне поручил – тот максимум, который было реально из него выжать. А ведь выжимать не пришлось, он сам дал максимум от возможного и даже пояснил, почему не в состоянии дать больше. Президент Джефферсон Дэвис по сути своей ещё и главнокомандующий. И генерал просто не имеет права скрывать от высшего начальства столь важные сведения. Особенно учитывая тот факт, что чего-то вроде контрразведки как таковой в КША не наблюдается.

Зато теперь у меня есть полное право отойти из обречённого на скорый захват города, причем реквизируя транспорт, вполне сейчас необходимый. Да и раскручивать деятельность шпионской сети «федералов» могу на полных основаниях. Более того, покамест делать это практически единолично. Ну, до того момента, как сверху не придет новое указание. А зная уровень бюрократизма государственной машины... Несколько дней у меня по-любому есть, тут даже сомневаться не приходится.

И всё же первым делом – эвакуация. Дело хлопотное, но куда ж без него?

Глава 14

*КША, штат Виргиния, Ричмонд,
апрель-май 1861 года*

Ричмонд – город, славный не своими красотами, а большей частью металлургической промышленностью. Неудивительно, что власти КША придавали ему огромное значение. Без металла нельзя создавать почти ничего из требующегося для армии. Ружья, пушки, корпуса кораблей, паровозы, рельсы для починки имеющихся и прокладки новых железных дорог. Для всего этого нужен металл, причем в огромных количествах. Так что я понимал необходимость формирования армии для защиты даже не всей Виргинии, а хотя бы той её части, где была особо развита промышленность.

Именно в Ричмонд мы и прибыли после отступления из Александрии. Оно, кстати, было реализовано на неплохом уровне. С ходу были реквизированы те немногие паровозы и необходимое количество вагонов, которые только имелись на железнодорожной станции, на запасных ее путях. Помня о том, что для Конфедерации важно всё, имеющее отношение к промышленности и вообще технологическим товарам, я заставил местных в бешеном темпе погрузить в товарные вагоны буквально всё, что нашлось из числа ценного, важного и технологичного. Разумеется, не забыв о том, что люди

по-любому в приоритете.

Впрочем, я бы не сказал, что покинуть город лишь с некоторой частью имущества решились многие. Довольно большая часть считала, что приход северян лично им ничем таким серьёзным не грозит. Что ж, это было их право. К тому же сейчас, в самом начале войны, уровень ожесточения и впрямь болтался где-то около нулевой отметки. И даже разгром «Огненных зуавов» не должен был пагубно сказаться на поведении федеральных войск.

Однако некоторые уходили. В основном идеологические сторонники Конфедерации, равно как и те, кто вполне обоснованно опасался конфискации «говорящего имущества».

В общем, Александрия была покинута теми, кто этого хотел. Армии США должен был достаться город, лишенный тех, кто не желал их там видеть. С одной стороны, им от этого будет легче. С другой – от воспоминаний о цене, которая была заплачена, им всё равно никуда не деться. Конфедерация ушла из Александрии с честью, навешав «песикам Эйба» внушительных и болезненных оплеух.

А в Ричмонде нас встречали как победителей. Собственно, мы ими и являлись в их глазах, несмотря на то что отступили. Такой вот парадокс бытия, однако имеющий немало аналогов в мировой истории.

Немного омрачало ситуацию лишь то, что понесённые ротой потери нельзя было назвать несущественными. Шестнадцать погибших – цена хоть и оправданная, но серьёзная. Са-

ми тела остались там, в Александрии, на местном кладбище. Гробы, прощальные слова как от меня, так и от трёх других офицеров роты... Церемониал прошёл как положено, хоть и сжато по времени. А ещё раненые, которых мы доставили сюда, в Ричмонд. Некоторым из них требовалась помощь куда более серьезная, чем мог обеспечить ротный врач, доктор Маркус Шмидт. Он сделал от него зависящее, претензий не было. Но никто не может объять необъятное, даже в области медицины. Особенно в этой очень обширной области. Так что надежда была на местных врачей.

Здоровым же и легкораненым требовался отдых. Не просто, а активный, чтобы парни могли выбросить из головы недавний бой, воспоминания о смертях своих товарищей. Средства известные: выпивка и женщины. Хорошо, что Ричмонд – город немаленький, недостатка в разного рода кабаках и борделях тут сроду не водилось, они были на любой вкус и толщину кошелька. А с кошельками у моих наемников было всё в порядке. Как и было обещано, каждый из участвовавших в бою получил премиальные. Ну а семьям погибших, у кого они вообще были, ведь некоторые являлись совсем одиночками, не имевшими близких родичей... Единовременные выплаты от меня лично вкупе с обещаниями попробовать устроить их дальнейшую жизнь. А подобные обещания я стараюсь выполнять.

Пусть парни отдыхают. Главное, чтобы горячая кельтская кровь не выиграла совсем уж сильно. Но на сей случай сер-

жантам было приказано пить крайне умеренно и следить за подчиненными им обалдуями. В случае чего – безобразия пресекать. Учитывая же то, что сержанты выдвигались в том числе и по чисто физическим кондициям... Должны справиться с поддержанием хоть какого-то подобия порядка.

Что же до нас, офицеров, то об отдыхе покамест и мечтать не приходилось. Нас ожидал генерал Борегар. Точнее ожидал он меня и ещё кого-то из офицеров роты по выбору. Но и остальным дело найдется. Ведь следовало подробно доложить о бое офицерам штаба, а ЭТУ работу я собирался спихнуть на одного из друзей. В то время как выбивание для роты всяких полезных вещей за казенный счет – на другого офицера. Вот и получалось, что все будут заняты делами.

Бригадный генерал Пьер Борегар, как оказалось, обосновался не в самом Ричмонде, а поблизости, заняв под штаб один из особняков. Хозяин одного сейчас отсутствовал в городе, но позволил использовать свой дом для этой цели. И теперь некогда спокойное место напоминало растревоженный муравейник. Проносились туда и обратно офицеры в разных званиях, важно шествовали люди без мундиров, но определенно причастные к властным структурам. В общем, стояла привычная для военного времени суeta, усугубленная ещё и тем, что армия, названная Потомакской, находилась в процессе формирования.

Хорошо еще, что нас ждали. Да и сопровождение в лице капитана Гэмбла тоже было в тему. Один из офицеров

«ближнего круга» Борегара, он мог не только перемещаться сам, но и проводить с собой других. Доверенное лицо, однако. Уже успевший узнать, кого из нас куда, он и повел нас так, чтобы забросить Филя к интенданту, а Вильяма к штабистам. Ну и про ценных пленников забывать не стоило. Тут были и двое «подземщиков», и чисто военный трофей по имени Элмер Элсворт. Последнего вели как «почетного пленника», ну а первых совсем по-иному. Черная ткань на головах, связанные за спиной руки. Ну и кляп во рту у каждого из шпионов. Подобное вызывало удивление, но плевать. Лишние сказанные ими слова или же увиденные лица «подземщиков» были бы весьма вредными факторами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.